

Маргарита
Агашина

ДЕТЯМ
ВОЛГОГРАДА

Маргарита
Агашина

ДЕТЯМ
ВОЛГОГРАДА

Нижне-Волжское

книжное издательство

ВОЛГОГРАД

1980

P2
A23

Агашина М. К.

A23 Детям Волгограда: Повесть и стихи.— Волгоград: Ниж.-Волж. кн. изд-во, 1980.— 208 с.

С чего начинается любовь к родному Волгограду в сердце подростка? С песчаных отмелей Волги, с дубовых рощ на ее островах, с первой вахты у Поста № 1. Об этом стихи и повесть М. Агашиной.

Рассказы о стихах—это рассказы о судьбах наших современников.

А 70803—024 40—80
М 151(03) — 80

P2
ББК 84.P7

В одном из стихотворений этой книги есть такие строчки:

Я знаю: есть на Волге
Другие города,
Но над моим сияет
Солдатская звезда.

У каждого человека есть своя Звезда — звезда, под которой он родился и вырос. Вы, ребята, живете на волгоградской земле, и солдатская звезда всегда горит над каждым из вас. Мне часто приходится выступать перед вами, — читать стихи, отвечать на ваши вопросы.

Однажды ребята 128-й волгоградской школы выдали мне огромный список вопросов. Был он не просто длинным — он был бесконечным. Ребята написали его на обоях; целый свиток обоев — от потолка до пола, — а вверху заголовок: «Наши 80 вопросов к Маргарите Агашиной». Не восемь, не восемнадцать и даже не двадцать восемь — восемьдесят вопросов!

Я и сейчас помню, как необычно и прекрасно прошла та встреча. Мы проговорили часа два! И о чем бы ни шел разговор — о родном городе, о детстве, о семье, о мирном поле, — все это время солдатская звезда Волгограда горела рядом, за школьным окном.

Помню, ребята спросили, чем запомнился мне наш город, когда я его увидела впервые. Чем

запомнился? Улицей Мира. Еще не было вокзала, гостиниц, театра кукол. Не было Аллеи Героев, не было Набережной 62-й Армии. Но улица Мира уже была!

Спросили о моей школе. Школа моя — далеко от Волгограда. Но на ее фасаде — имена ребят, с которыми я училась, и имена учителей, которые меня учили и которые в июне 41-го года ушли на фронт и не вернулись.

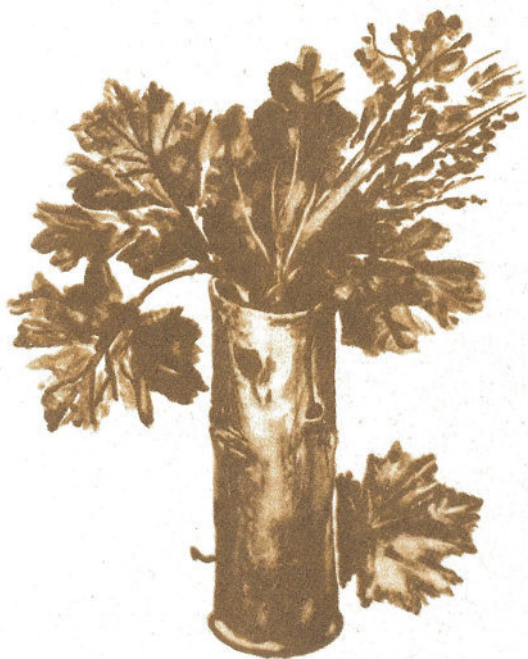
Спросили о березке из песни, а ведь целые аллеи памятных березок, тополей, кленов поднялись по всему нашему городу! Спросили о моих родителях. А мой отец прошел четыре войны. Сейчас его уже нет. Но его солдатская звезда — боевой солдатский орден — хранится в нашей семье.

Спросили о Тане — девушке из моих стихов «Хлеб». И я рассказала не только о Тане, но и о Марии Макаровне Свириденко, которую я встретила, как и Таню, в поле. Она была тогда, в 42-м году, Таниной ровесницей. Ушли на войну мужчины, и девушки совхоза «Искра» стали работать на комбайнах. Я еще в школе училась, а она уже работала — на том же поле, в том же совхозе. Еще не только вас, еще, наверное, ваших мам на свете не было, а она уже работала. На том же поле, в том же совхозе. Войну выстояли. Страну из руин подняли. В космос полетели! А она все работает — на том же поле, в том же совхозе «Искра». Это ведь тоже — искра солдатской жизни.

Очень хочется, чтобы эта книга хоть строчкой, хоть словом помогла вам запомнить, что вы — дети великого города и что его солдатская Звезда всегда горит над вашими мечтами, дорогами.

МАРГАРИТА АГАШИНА

СОЛДАТСКАЯ ЗВЕЗДА

РАСТЕТ В ВОЛГОГРАДЕ БЕРЕЗКА

Ты тоже родился в России —
краю полевом и лесном.
У нас в каждой песне — береза,
береза — под каждым окном.

На каждой весенней поляне
их белый живой хоровод.
Но есть в Волгограде березка —
увидишь, и сердце замрет.

Ее привезли издалека
в края, где шумят ковыли.
Как трудно она привыкала
к огню волгоградской земли,

как долго она тосковала
о светлых лесах на Руси,—
лежат под березкой ребята,
об этом у них расспроси.

Трава под березкой не смята —
никто из земли не вставал.
Но как это нужно солдату,
чтоб кто-то над ним горевал!

И плакал — светло, как невеста,
и помнил — навеки, как мать!
Ты тоже родился солдатом —
тебе ли того не понять...

Ты тоже родился в России —
березовом, милом краю.

Теперь, где ни встретишь березу,
ты вспомнишь березку мою.

ее молчаливые ветки,
ее терпеливую грусть.

Растет в Волгограде березка!
Попробуй ее позабудь.

СТИХИ О МОЕМ СОЛДАТЕ

Когда, чеканный шаг ровняя,
Идут солдаты на парад,
Я замираю —
Вспоминаю,
Что был на свете мой солдат.

...Война. И враг под Сталинградом.
И нету писем от отца.
А я стою себе с солдатом
У заснеженного крыльца.

Ни о любви, ни о разлуке
Не говорю я ничего.
И только молча грею руки
В трехпалых варежках его.

Потом — прощаюсь целый вечер
И возвращаюсь к дому вновь.
И первый снег летит навстречу,
Совсем как первая любовь.

Какой он был? Он был веселый.
В последний год перед войной
Он только-только кончил школу
И только встретился со мной.

Он был веселый, темно-русый,
Над чубом — красная звезда.
Он в бой пошел под Старой Руссой
И не вернется никогда.

Но все равно — по переулкам
И мимо дома моего
Идут солдаты шагом гулким,
И все — похожи на него.

Идут, поют, равняют плечи.
Ушанки сдвинуты на бровь.
И первый снег летит навстречу,
И чья-то первая любовь.

АХ ВЫ, РЕБЯТА-РЕБЯТА...

Вспыхнула алая зорька.
Травы склонились у ног.
Ах, как тревожно и горько
Пахнет степной полынок!

Тихое время заката
В Волгу спустило крыло...
Ах вы, ребята-ребята!
Сколько вас здесь полегло!

Как вы все молоды были,
Как вам пришлось воевать...
Вот мы о вас не забыли —
как нам о вас забывать!

Вот мы берем, как когда-то,
горсть сталинградской земли.
Мы победили, ребята!
Мы до Берлина дошли!

...Снова вечерняя зорька
красит огнем тополя.
Снова тревожно и горько
пахнет родная земля.

Снова сурово и свято
юные бьются сердца...
Ах вы, ребята-ребята!
Нету у жизни конца.

СОЛДАТУ СТАЛИНГРАДА

Фатеху Ниязи

Пролетели года.
Отгремели бои.
Отболели, отмаялись
раны твои.

Но, далекому мужеству
верность храня,
ты стоишь и молчишь
у святого огня.

Ты же выжил, солдат!
Хоть сто раз умирал.
Хоть друзей хоронил
и хоть насмерть стоял.

Почему же ты замер —
на сердце ладонь,
и в глазах, как в ручьях,
отразился огонь?

Говорят, что не плачет солдат:
он — солдат,
и что старые раны
к ненастью болят.

Но вчера было солнце!
И солнце — с утра..
Что ж ты плачешь, солдат,
у святого костра?

Оттого, что на солнце
сверкает река.
Оттого, что над Волгой
летят облака.

Просто больно смотреть —
золотятся поля!
Просто горько белеют
чубы ковыля.

Посмотри же, солдат,
это юность твоя —
у солдатской могилы
стоят сыновья!

Так о чем же ты думаешь,
старый солдат?
Или сердце горит?
Или раны болят?

НА АЛЛЕЕ ГЕРОЕВ

От морозов и вьюг
леденела земля,
ветер к самой земле
пригибал тополя.

Буксовали трамваи
в тяжелом снегу,
люди шли, проклиная
февраль и пургу.

В этот зимний, февральский,
заснеженный день
на Аллее Героев
сажали сирень.

На застывшие корни
послушно легли
комья плотного снега
и мерзлой земли.

Но не верилось мне, —
да и только ли мне? —
чтобы эта сирень
ожила по весне!

А сегодня — весна!
Оживают сады,
проплывают по Волге
последние льды,

на базаре старик
продает семена,
и мальчишки играют
в футбол дотемна.

У сирени,
посаженной в феврале,
отогрелась душа
на апрельском тепле.

Сколько за день людей
по аллее пройдут!
...Может, кто-то из них
остановится тут

и подумает то же,
что подумаю я:
вот на этой земле
умирали друзья,

молодые, простые,
как я и как ты...
Они так же любили
жизнь и цветы.

На кургане, гремевшем боями,
не отдавшем своей высоты,
блиндажи поросли ковылями,
разрослись по траншеям цветы.

Бродит женщина берегом Волги.
И на том, дорогом, берегу
не цветы собирает — осколки,
замирая на каждом шагу.

Остановится, голову склонит,
и над каждым осколком вздохнет,
и подержит его на ладони,
и песок не спеша отряхнет.

Вспоминает ли юность былую,
вновь ли видит ушедшего в бой...
Поднимает осколок. Целует.
И навеки уносит с собой.

ДЕВИЧНИК

*Работницам Волгоградского
ордена Трудового Красного Знамени
и ордена Октябрьской Революции
гresta Металлургстрой*

Не с печали — от силы и славы,
не в худой стародавней избе —
во Дворце собираются бабы,
и меня приглашают к себе.

Кто бы знал, как я рада бываю!
Приглашением тем дорожу,
все, что есть помодней, надеваю,
раз в году маникюр навожу.

В том Дворце меня счастьем балуют:
издалека завидев, встают,
как родню, у порога целуют,
кумачовый платок выдают.

И уже я собой не владею!
И уже от порога — пою,
раз в году до конца молодею,
сокровенному волю даю.

Раялстелись на юбках складки —
ни одна не стоит у стены.
Ис Христовы невесты — солдатки.
Вдовы тех, не пришедших с войны.

Какова она, вдовья забота,
есть ли этой заботе конец, —
на пиру говорить неохота:
не за тем собрались во Дворец!

И по кругу — цветастому лугу —
ни тоскующих взглядов, ни слез.
И танцует с подругой подруга,
как в походе с матросом матрос.

А за окнами, в зареве света,
выше славы, дороже наград —
их Дитя, их Война и Победа —
их руками построенный Град!

...В эту ночь, в переулочках милых,
на проспектах, в садах у реки,
словно звезды, на братских могилах
загораются наши платки.

Как мы там, над могилами, плачем!
Кто нас знает, о чем и с чего.
Плачем — это мы сердце не прячем,
не жалеем, не копим его.

Пусть оно обливается кровью,
Пусть болит, пусть над миром горит.
То любовь повстречалась с любовью.
То с Звездой Звезда говорит.

ВТОРОЕ ФЕВРАЛЯ

В свой срок — не поздно и не рано —
придет зима, замрет земля.
И ты к Мамаеву кургану
придешь второго февраля.

И там, у той заиндевело́й,
у той свяще́нной высоты,
ты на крыло метели белой
положишь красные цветы.

И словно в первый раз заметишь,
каким он был, их ратный путь!
Февраль-февраль, солдатский месяц —
пурга в лицо, снега по грудь.

Сто лет пройдет. И сто метелиц.
А мы пред ними все в долгу.
Февраль-февраль. Солдатский месяц
Горят гвоздики на снегу.

ДЕВУШКАМ БЕРЕСЛАВКИ

Возле полок пыльной автолавки
в эти дни толпа наверняка:
в эти дни девчата Береславки
раскупают яркие шелка,

примеряют туфельки резные,
выбирают цвет, каблук, фасон...
И на Волго-Доне все портные
позабыли, что такое сон.

Стачивают, меряют и снова
ножницами звякают они,
потому что до двадцать седьмого
остаются считанные дни.

Над широким морем долгожданным
вьются чайки, песни, паруса...
Спрятаны спецовки в чемоданы,
и со шлюзов убраны леса.

И уже не качеством бетона,
не отделкой арок и мостов —
все живут здесь зеленью газонов,
запахом деревьев и цветов.

Будет праздник — музыка, знамена,
будет сердце радостно стучать.
И пойдут хозяйки Волго-Дона
корабли заморские встречать.

Тронет ветер девичьи наряды,
гордо выйдут девушки на склон,
скажут:

— Чем богаты, тем и рады,
принимай, Отчизна, Волго-Дон!

Потому сегодня на прилавке
шелка уменьшается гора,
потому портные Береславки
не уснут сегодня до утра.

И портной, склоняясь у машины,
все гадал: а что же под рукой —
праздничные волны крепдешина
или шелк воды волго-донской?

24 июля 1952 г.

НАГРАДА

Еще нам было радоваться рано!
Конца и края не было делам.
И Волга бесновалась у прорана
И рельсы разрывала пополам.

Рева, крутила черные воронки
И на дыбы вздымала катера...
А мы стоим не где-нибудь в сторонке,
А тоже там, где страдная пора.

Где вьется снег и трудятся до пота,
Где нервы проводов напряжены,
Где ценится и царствует работа
И где стихи, пожалуй, не нужны.

Я это все припоминаю снова
И позабыть вовеки не смогу.
Седой старик, монтажник с наплавного,
Развел костер на левом берегу.

И крикнул нам немного грубовато,
Глаза рукой от дыма заслоня:
— А ну-ка, вы, поэты Волгограда,
Погрейтесь-ка у нашего огня!..

Опять гудят машины на откосах,
И рядом Волга рвется на простор.
Трещат куски опалубковых досок,
Пылает гидростроевский костер.

Его теплом по праву отогреты,
Как равные, сыны одной семьи,—
Бетонщики, прорабы и поэты,
Хорошие товарищи мои.

И было все — уверенность и сила,
И счастлив труд,
И молодость остра!
И если я кого-нибудь любила —
Так только их у этого костра.

Я это все припоминаю снова
И позабыть вовеки не смогу...
Спасибо Вам,
Монтажник с наплавного,
За тот костер на левом берегу!

Как самая высокая награда
Теперь хранится в сердце у меня:
— А ну-ка, вы,
Поэты Волгограда,
Погрейтесь-ка у нашего огня!..

Тревогой, болью и любовью,
и светлой радостью горя,
сияла роща Притамбовья
посередине сентября.

Она сияла, трепетала
над коченеющим жнивьем...
Так вот чего мне не хватало
в великом городе моем!

Лесного чистого рассвета,
тропы в некошеном лугу..
И вдруг подумалось: уеду.
Уеду! Хватит. Не могу.

Но только снова, только снова
замру у Вечного огня,
когда глазами часового
Россия глянет на меня.

Когда, родимые до боли,
как первый снег, как вдовий плат
как две березки в чистом поле,
два этих мальчика стоят.

И боль немеркнувшего света
все озаряет синеву...
Кому отдам? Куда уеду?
Кого от сердца оторву?!

Наступает прохлада,
тени стали длинней,
и огни Волгограда
из-за Волги видней.

Травы клонятся в росах,
замирают гудки.
А на косах и плесах —
рыбаки, рыбаки.

Берег в пестром наряде
рыбацких рубах:
ведь у нас в Волгограде
каждый третий — рыбак.

Это — лунные ночи,
это — море ухи!
И уж хочешь не хочешь,
а напишешь стихи...

Две звезды над дорогой,
две степные зари.
Подойди и потрогай,
и друзьям подари.

Чтоб за доли и море,
и в чужие края
волгоградские зори
увозили друзья!

Ночь все тише и тише,
даже ветер молчит.
Неужели не слышишь,—
сердце Волги стучит!

Ничего мне не надо —
лишь бы песню о ней!
А огни Волгограда
все видней,
все родней...

ХЛЕБ

1

Город славы солдатской.
Мирный день голубой...
На земле волгоградской
Продолжается бой.

Бой, в котором не кровью
Одолели страду,
А великой любовью
К земному труду.

Бой за счастье Отчизны,
Бой за мир на земле.
Вон он — хлеб коммунизма —
У страны на столе!

Еще ноют суставы
И машины в пыли...
Продолжается слава
Волгоградской земли.

2

Под этим торжественным небом,
видавшим и холод, и зной,
стою пред некошеным хлебом,
как перед Кремлевской стеной.

И так он врезается в душу,
И так он звенит на ветру...
Вот скажут: — Не трусь! —

И не струшу.
А скажут: — Умри! —
И умру.

3

Граненый колос наливной.
Тяжелое зерно.
И хлеб стеной.
И хлеб — стеной!
Красиво. Как в кино.

Все как в кино: проходит зной,
Грохочет гром, и вот —
И хлеб — стеной,
И дождь — стеной!
Которая возьмет?

Но, непреклонна и сильна,
упрямее дождей,
встает
еще одна стена —
великий труд людей.

Не спят ночей, не видят дней —
страда, кипит зерно!
И все красивей, и трудней,
И проще,
чем в кино.

4

Ты увидишь, пройдя по Задонью,
там, где хлеб и тяжел, и высок,
человека с раскрытой ладонью,
на которой лежит колосок.

А вокруг неоглядное поле!
...И в земле, и в мазуте рука.

И ее трудовые мозоли —
тоже зерна того колоска.

5

Над степью песню разливая,
звения весельем на версту,
прошла машина грузовая
со словом «Таня» на борту.

Прошла, охваченная синью,
заторопилась на подъем.
И пахло рожью, и полынью,
и подступающим дождем.

Страда! Моторов рокотанье.
Страда! Но вопрекор всему,
сквозь всю страду летела Таня
навстречу счастью своему.

И, не боясь дождей и зноя,
ей низко кланялись хлеба —
ее приданое степное,
ее любовь, ее судьба.

Она потом расскажет сыну
про ту степную доброту,
про ту счастливую машину
со словом «Таня» на борту.

6

...Я дорог перевидела много —
от Амура до Буга-реки.
Но тебя я запомню, дорога
Суровикино—Чернышки.

Я запомню рычание моторов,
развороченную колею,
неотступные лица шоферов —
трудность, гордость и песню твою.

Не затем, чтоб потом похвалиться,
я по этой дороге прошла,
а затем, чтобы вам поклониться,
драгоценные люди села.

Непогода иль ясное небо,
И — на труд иль на пир собрались —
все равно: начинается с хлеба
и работа, и праздник, и жизнь.

КУКУШКА

Когда страна отвоевала,
когда солдат сказал: — Дошли... —
в лесу кукушка куковала
и одуванчики цвели.
Совсем как там, в далекой дали,
за русским городом одним,
где всю войну солдата ждали,
считали дни до встречи с ним.

Кукуй, кукушка,
как когда-то.
Кукуй, попробуй угадать,
и сколько лет
служить солдату,
и сколько лет
солдатке ждать.

Прошли года. И так же свято,
как много лет тому назад,
теперь сыны того солдата
на страже Родины стоят.
И в час, когда приходит вечер
и замирает шум ветвей,
солдат считает дни до встречи
с далекой родиной своей.

Кукуй, кукушка,
как когда-то,
Кукуй, попробуй угадать,
и сколько лет
служить солдату,
и сколько лет
солдатке ждать.

Валентине Терешковой

С давних пор, застенчивых и милых,
У кого в России не спроси,
Именами пташек легкокрылых
Величали женщин на Руси.

За терпенье, верность и осанку
И за то, что до ночи в труде,
Звали их «лебедушки», «касатки»,
Звали их голубками везде.

Я сегодня думаю о многом...
В сапогах солдатских, все в пыли,
По земным, недевечьим дорогам
Наши «чайки» к космосу пришли.

Был их путь нелегок и некроток:
В Польше, на Дунае, у Карпат
На подбитых крыльях плащ-палаток
Русские касаточки лежат.

Но вдали от грозного металла,
Нам на счастье и назло врагу,
Маленькая Чайка вырастала
на высоком волжском берегу.

Выросла!
За Родину готова
В бой, и в труд, и в дальние края.
Здравствуй, Чайка — Валя Терешкова!
Здравствуй, гордость женская моя!

СТАРАЯ ПЕСНЯ

Сядем, что ли. Вспомним, что ли.
Друг на друга поглядим.
Что такое бабья доля —
и о том поговорим.

Бабья доля — в чистом поле
бирюзовая трава,
незабудки на подоле
и на кофте кружева.

Бабья доля — прощай, воля!
Обручальное кольцо.
А еще бывает доля —
уголочком письмецо.

Вот тогда на нем сойдется
черным клином белый свет:
и жива, и сердце бьется,
а и доли больше нет.

Бабья доля-бабья доля.
Нас она не обошла.
В сорок третьем бабья доля
смертью храбрых полегла.

Полегла, да снова встала —
все по-бабьи поняла:
мир из пепла поднимала!
Ребятишек подняла.

...Огляди края родные,
стань на волжском берегу:
этой доли по России —
как ромашек на лугу.

И как выйдешь в чисто поле,
все припомни, оглянись —
этой доле, нашей доле,
бабьей доле поклонись.

Гудками теплоходов
тревожа синеву,
стоит над Волгой город,
в котором я живу.

Я знаю, есть на Волге
другие города,
но над моим сияет
солдатская звезда.

Над ним зимой и летом,
и в ночь, и среди дня
горит, не гаснет пламя
солдатского огня.

Я вырасту, уеду
в далекие края.
Но то, что я отсюда,
навек запомню я.

АРБУЗ

Михаилу Луконину

Морозным ветреным снежком
С утра хрустит базар.
Старик накрыл большим мешком
Тугой зеленый шар.

Обтер заиндевелый ус
Озябшею рукой
И закричал:
— А ну, арбуз,
Арбуз, смотри, какой!

К нему народ со всех сторон.
Старик твердил: — Бери! —
Но кто-то громко крикнул:
— Он,
поди, пустой внутри!

И в тот же миг
На этот крик,
Как коршун,
Кинулся старик.
Сказал негромко:
— Врешь! —
Сказал и вынул нож.

Как он успел?
И как он смог?
В какой зеленый круглый бок
Ударил сгоряча?
Но — хлынул на снег алый сок!

И всем почудилось:

у ног

Не снег, а золотой песок —
Далекая бахча.

Арбуз лежал передо мной,
И сочен, и багров,
Как щедрый августовский зной
Быковых Хуторов.

Арбуз лежал,

живым огнем —

Огнем земли горя.
И тихо таяли на нем
Снежинки декабря.

РЯБИНА

Антонине Басовой

Рябина! Чья же ты судьбина?
В кого красна и высока?
Увидишь, выдохнешь: — Рябина...—
Не сразу вспомнишь, как горька.

Уже и речка леденеет.
И снег не в шутку собрался.
Одна рябина знай краснеет.
Знай красит темные леса.

И все кого-то согревает,
Кому-то издали горит.
А то, что горько ей бывает,
Про то она не говорит.

На огромной клумбе у вокзала,
Ветром наклоненная к земле,
Поздняя ромашка замерзала,
Трепеща на высохшем стебле.

Выгибала тоненькое тело
И сопротивлялась, как могла.
Словно до последнего хотела
Быть хоть каплей летнего тепла!

...Поезда вдали гудели встречным.
Люди шли, от ветра наклонясь.
И ромашка чем-то бесконечным
Показалась каждому из нас:

Чистой веткой молодой березки.
Тополиным пухом по весне.
Первым снегом. Брызгами известки
На еще не крашенной стене...

Не одно, наверно, сердце сжалось:
Что поделать — каждому свое!
Только в сердце врезалась не жалость —
Маленькое мужество ее.

На бессмертье я не притязую,
Но уж коль уйти — не горевать.
Так уйти, чтоб, даже замерзая,
Хоть кому-то душу согревать.

ПОДАРИ МНЕ ПЛАТОК..

Ивану Данилову

Подари мне платок —
голубой лоскуток.
И чтоб был по краям
золотой завиток...

Не в сундук положу —
На груди завяжу,
и что ты подарил,
никому не скажу!

...Пусть и лед на реке,
пусть и ты вдалеке.
И платок на груди —
не кольцо на руке.

Я одна — не одна.
Мне тоска — не тоска,
мне и день не велик,
мне и ночь не горька.

Если ж в темную ночь
иль средь белого дня
ни за что ни про что
ты разлюбишь меня —

ни о чем не спрошу,
ничего не скажу,
на дареном платке
узелок завяжу.

Майе Румянцевой

Я знаю мнения иные
литературных королей,
что мы, поэты областные, —
актеры для вторых ролей.

Что дело самое простое —
быть первым там, где я живу.
Что коль поэт чего-то стоит,
он все равно сбежит в Москву!

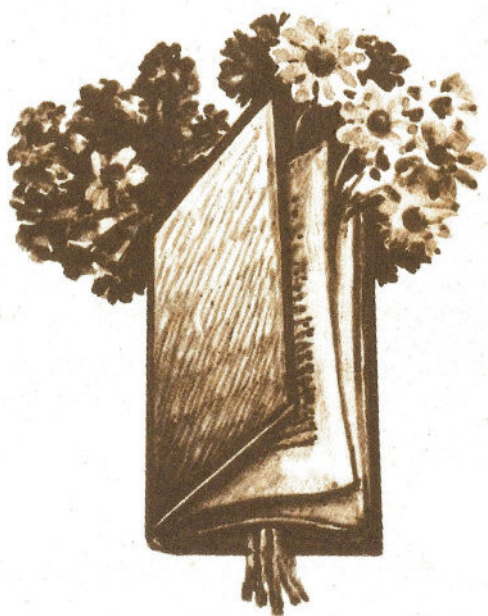
Москву ни вздохом не унижу!
Мы все ей с юности верны.
Москва!
Она в разлуке ближе,
Да и видней со стороны.

...Спасибо, город мой, на этом,
что ты не слушаешь молвы
и веришь мне, как тем поэтам
героя-города Москвы.

Во всех ролях меня пытаешь,
И от меня все больше ждешь,
чего я стою, не считаешь
и никому не отдаешь.

Ты мне — награда и задание,
и партбилет, и зов «в ружье!».
Мое последнее свиданье,
мой хлеб и Болдино мое.

РАССКАЗЫ О СТИХАХ

РАСТЕТ В ВОЛГОГРАДЕ БЕРЕЗКА

Я им так и сказала:

— Назначаю вам свидание: 9 мая, в десять часов утра, у березки! Я буду ждать.

Как они обрадовались! Зашумели, захлопали — так и залетали белые рукава халатиков, розовые юные руки — так весело, так искренно и дружно! Когда они успокоились, одна — наверно, самая догадливая, а может быть, самая надежная — спросила:

— Как же ее искать, эту березку? Ведь там она не одна!

Я начала объяснять, и они зашелестели тетрадями, защелкали ручками — стали записывать.

— Надо ехать не до остановки «Мамаев курган», а до Центрального стадиона. Перейти проспект Ленина и идти к станции электрички, там такая широкая асфальтовая дорога с газонами в середине. Как дойдешь до первой дорожки с правой стороны, надо свернуть и идти по этой дорожке к Мамаеву кургану. По обеим сторонам дорожки много деревьев с табличками. И вот справа увидите березу — теперь она уже не березка, а береза, самая большая в этом парке, а перед ней — табличка:

Смертью храбрых
пали братья Рыкуновы

Иван
Степан
Сеогей
Василий

Я повторила еще раз:

— Назначаю вам свидание: 9 мая, в десять часов утра, у березки...

Этот разговор, эта встреча происходили в марте. Пригласили меня к себе девушки нашего медицинского училища — почитать стихи, рассказать о своей работе, о дорогах, о встречах. Встречи с читателями — они бывают часто. Можете спросить любого писателя, он вам то же скажет. Иногда мне кажется, что эти встречи слишком часты, поэтому почти всегда идешь на очередное выступление не то что с неохотой, но, честно говоря, без радости.

Но то была на редкость удачная, умная, душевная встреча. Белые халаты студенток напомнили мне детство и юность. Мой отец был врачом. Жили мы всегда рядом с больницей, и по тропинке от хирургического отделения до нашего крыльца всю мою жизнь — зимой и летом, днем и ночью — бегали вот такие же девушки в белых халатиках, стучали в дверь, торопливо говорили что-то тревожное, и отец снимал с гвоздика возле порога свой халат и уходил — на операцию, на перевязку, на вызов.

А потом началась война. Отец и те девушки — сестры, санитарки — уехали на фронт. В больнице был госпиталь, и в нашей школе был госпиталь. Мы, старшеклассницы, там дежурили — и в палатах, и в перевязочных, полы мыли, раненых на вокзале встречали, бинты стирали. Ведь перевязочного материала не хватало. Принесут из прачечной огромный перепутанный узел выстиранных бинтов, и мы его полдня распутываем. Вытянешь бинт, привяжешь его одним концом к пожарной лестнице на школьном дворе, отойдешь чуть ли не в другой конец двора и начнешь этот бинт скатывать. Скатываешь туго-туго, идешь потихоньку к лестнице и вспоминаешь: а по этой лест-

нище зимой забирались на школьную крышу и Генка Рачков, и Витька Калинин, и все наши мальчишки. Заберутся, стреляют оттуда снежками — не подойдешь к школе. Мы портфелями прикрывались. И с синяками ходили. Плакали. Жаловались. Все было. Теперь мальчишки на фронте. А мы вот — катаем бинты, встречаем эшелоны с красными крестами, учимся в клубе, в три смены... Вот тогда пригодился мне отцовский халат. Только пуговицы переставила да рукава засучила.

Все это я вспоминала там, на встрече со студентками-медичками. И читала стихи. И слушала песни их девичьего ансамбля, «Варенька» или «Наташа» он, кажется, назывался.

Когда спели они песню «Растет в Волгограде березка», кто-то из зала спросил меня — где она растет, кто ее посадил, и есть ли она вообще на самом деле.

Пришлось мне опять, как почти на каждой встрече с читателями, рассказывать, что березка из этой песни растет на Мамаевом кургане, что посадил ее старый рабочий с «Красного Октября» Федор Иванович Рыкунов. Четверо его братьев — Иван, Степан, Сергей и Василий — не вернулись с войны. Где они похоронены, неизвестно. И теперь это место Рыкуновым — как родная могила.

Каждый год в День Победы всей фамилией приходят Рыкуновы на курган, к своей березке — дети погибших братьев, внуки, правнуки. Четыре поколения.

Мне вдруг так захотелось, чтобы эти славные девушки в белых халатиках, эти будущие сестры милосердия, эта будущая Доброта, будущая Верность, будущая Надежда человека, измученного болью, болезнью, раной, — чтобы и они тоже в дорогой День Победы пришли к рыку-

новской березке. Я даже представила, как за-
сияют там, под молодой березовой зеленью их
глаза, как они защебечут что-то свое, девичье,
непередаваемое, весеннее, как улыбнется Федор
Иванович, как запутается он в этом девичьем
столпотворении и не сразу отличит, где внучка,
где правнучка, где чья-то, но не чужая дев-
чушка.

И я сказала:

— Назначаю вам свидание: 9 мая, в десять
часов утра, у березки...

Как они обрадовались! Зашумели, захлопали,
записывая дату, час, место встречи. И все спра-
шивали меня:

— А вы придете? Правда? И мы придем!!

...Я пришла. Пришел Федор Иванович. При-
шли его дочери Нина и Ирина, с мужьями.
Пришли их дети Сережа, Таня, Игорь. Весело
бегали вокруг березки правнучки Рыкуновых
Ира, Олечка, Наташа...

Мы долго ждали девчат из медицинского учи-
лища. Ждали до одиннадцати часов. И еще пол-
часа. И еще.

Они не пришли. Ни одна.

Студенческих забот весной много — это прав-
да. А девичьих еще больше. И девичья память
коротка, тоже знаю. Долго ли забыть даже са-
мую теплую встречу!

Но Девятое мая не забывают. Девятого мая,
если я не выйду на улицу, к людям, не покло-
нусь человеку с орденами, не положу цветы
на солдатскую могилу — у меня бывает такое
чувство, будто я что-то подлое сделала, не прос-
то кого-то обманула, а кого-то самого дорогого
предала.

Нет, Девятое мая не забывают.

Однажды в этот день мы — несколько взрос-
лых женщин — ездили на Солдатское поле. От

города это несколько километров. День был жаркий, народ собрался, мягко говоря, не очень молодой, и мы попросили на стройке автобус. Купили цветов, поехали. Через весь праздничный Волгоград, через всю весеннюю степь, зеленую-зеленую, еще не выжженную солнцем. Всю дорогу пели давние, дорогие песни. Замолчали только тогда, когда увидели знакомую всем волгоградцам фигурку — бронзовую девочку, стоящую над старой, над вечной воронкой, которая никогда не зарастет ни травой, ни цветами.

Автобус наш еще не остановился, когда увидели мы, что у солдатской могилы, у пирамиды со звездой, стоят трое мальчиков и отдают пионерский салют.

Как замерло сердце! И к горлу подступил комок, и слезы сами потекли.

Это не было задано в школе. И не решил так пионерский отряд. И не послали родные. Это сами ребята прошли эти знойные километры, чтобы постоять у солдатской могилы, чтобы в этот великий день побыть рядом с теми, кто погиб, добывая нашу Победу.

Шелестели степные травы. Звенели над степью птицы. Тихо плакали мы, взрослые. Торопились в голове первые строчки:

Это не было задано в школе.

Это просто рванулась душа.

В этот день на Солдатское поле

Трое мальчиков шли не спеша...

Не знаю, как сейчас живут, как учатся ученики 89-й волгоградской школы Олег Кузнецов. Саша Веденин и Алеша Рыжов.

Но мы — все, кто был в тот день на Солдатском поле, — запомнили их на всю жизнь.

Девятое мая не забывают.

...Что случилось у вас, девочки в белых ха-

латах, сестры милосердия? Какая беда? Какая злая печаль или дальняя дорога? Я не верю, что вы просто забыли свое обещание: Девятое мая не забывают.

Пусть пройдут ваши беды, растают ваши печали. Пусть будут счастливы ваши дороги. Я вам верю. И жду вас! Каждый год, 9 мая. В десять часов утра. У березки.

ПОДАРИ МНЕ ПЛАТОК

По-моему, платок — сам платок — это песня.
Женская верность — платок. Девичья память — платок. Вдовьи слезы, материнская седина — все платок. На работу — в платке. На гулянье — в платке. Горе придет, опять платок — первая выручка и поддержка. Нет подарка милей платка, нет памятей.

Уходили в чужие края воины и первопроходцы — горсть родимой земли в платках уносили. Провожала девушка милого в армию — вышивала на платке заветное имя. Помните, у Лукинина:

...У нас у всех были

платки поименные...

А «Оренбургский пуховый платок», а «Синенький скромный платочек»! А еще:

На прощанье, мой дружок,

Я дарю тебе платочек.

На платочке сини коймы,

Возьмешь в руки — меня вспомнишь.

Сколько за всем этим души, судьбы, памяти! Нет, платок вещь вечная. От него на сто верст вокруг и на сто лет вперед веет песней — простой, печальной и светлой.

Есть в народе поверье, что дарить платок — к разлуке. И об этом есть стихи, прекрасные стихи Александра Прокофьева:

Не берите на поруки
Эту песенку мою.
Говорят — платки к разлуке.
Сразу два платка даю!

... Сразу две истории о платке хочу я вам рассказать. Потому и вспомнила эти строки.

Однажды весной мне довелось быть в Таджикистане с делегацией писателей России. Есть там, на самом юге республики, почти на границе, славный и богатый колхоз «Победа». В то утро, когда мы туда приехали, у председателя колхоза, Героя Социалистического Труда Хасанова, родилась дочь. У него уже было два сына, и он очень ждал именно дочку, девочку. В нашей делегации я была единственной женщиной. И вот председатель на радостях решил, что это я принесла ему счастье, назвал дочку моим именем и подарил мне платок. Так вот просто подошел и накинул на плечи невиданной красоты огромный кашемировый платок — зеленые листья и алые розы по черному полю.

Что говорить, я была счастлива, по-моему, не меньше, чем председатель Хасанов. О таком платке я всю свою жизнь не то что мечтала, но загадывала: если я счастливая, то такой платок, хоть когда-нибудь, но у меня будет.

Сейчас такие платки в моде, каждая вторая женщина носит на плечах алые розы по черному, синему или бледно-кремовому полю. Тогда я ходила в своем цветастом платке чуть ли не одна. Я любила его и берегла. Перед тем как надеть, обязательно гладила и, беря в руки утюг, каждый раз тихо, про себя, пела на разные мотивы: «Подари мне платок...» А дальше как-то не пелось: песня не шла. Я надевала тот платок на все встречи с читателями, на все писательские съезды. Однажды одна из лучших моих подруг, увидев меня в этом платке, удив-

ленно подняла бровь, но, подумав, сказала:

— Носить такой платок может себе позволить только очень хороший человек. Или художественная самодеятельность.

Так что благодаря хасановскому платку я попала то ли в художественную самодеятельность, то ли в хорошие люди. Прошло время, и у меня как-то счастливо сложились три мои первые песни — «Что было, то было», песня о волгоградской березке и «А где мне взять такую песню». Они были написаны одна за другой, каждый год по песне.

Если кто-то думает, что это мало — за целый год всего одна песня, — наверно, он прав. Но если бы это не мне, а кому-то другому удалось три года подряд писать по песне, я бы про того человека думала: счастливый.

А счастливо сложились, — это я о том, что люди их хорошо приняли, запели.

Но прошел год, еще год, а у меня песен больше не было, не получались, и все тут!

И вот как-то в канун Нового года получаю я газету «Молодой ленинец» и вижу там: на первой странице стоит такая береза, толстая-толстая, осыпающаяся, а под ней — я, и с меня тоже странички осыпаются, а внизу, под рисунком, стихи:

Что было, то было
У всех на виду.
А будут ли новые
в Новом году?

Это наш прозаик Иван Петрович Данилов, тогда еще совсем молодой казак с черным чубом, вечно гордящийся своим казачеством и своим чубом, сочинил такое. Пора, мол, подумать о новых-то песнях, старые-то, мол, и под-

надоели. Разумеется, он хотел мне добра, но...

Я обиделась. Расстроилась. Разозлилась. Убил он меня этой толстой березой. И стихи написал не лестные. И стала я думать, какую бы пакость сделать этому человеку.

Я не раз замечала: когда на душе кошки скребут, стихи, и особенно песни, легче пишутся.

И решила: раз он так хочет песню, я и напишу ему песню. А тут как раз надо было идти на очередной литературный вечер. Стала я гладить свой дорогой платок, и как только вспомнила «подари мне платок» — так уже все само дальше пошло. И пока выступала, стихи читала старые, а думала только новые строчки:

Подари мне платок —
Голубой лоскуток.
И чтоб был по краям
Золотой завиток...

Не в сундук положу —
На груди завяжу,
И что ты подарил,
Никому не скажу.

Пока думала, пока писала дальше, я о Данилове и думать забыла! Но когда я перечитала готовое стихотворение и мне показалось, что песня получилась, — я уже знала, чем я ему, Данилову, отплачу.

Я послала стихи композитору Григорию Федоровичу Пономаренко, автору музыки всех моих песен.

Ему стихи тоже показались песенными. Так и получилась песня. Напечатали мы ее с посвящением Ивану Данилову. Я молила судьбу, и ждала, и надеялась, что нам с Пономаренко еще раз повезет, что и эту песню люди будут петь. Ждала, чтобы посмотреть, что тогда запоеет казак Данилов.

А тот даренный председателем Хасановым платок все жил у меня и был любим мною по-прежнему. И время показало, что песня «Подари мне платок», которой я ему обязана, была не последней песней.

Как-то приехали ко мне в гости, на день рождения, мои друзья и соседи — калмыцкие поэты: народный поэт Калмыкии Давид Кугультинов, первая поэтесса калмыцкой земли Бося Сангаджиева и герой Сталинградской битвы прекрасный человек и поэт Морхаджи Нармаев. В комнате, где мы собрались, было прохладно. То ли плохо топили, раз дело к весне шло, то ли просто с дороги, но моя Бося вдруг сказала, что она озябла. Я набросила ей на плечи хасановский платок. И тут Морхаджи улыбнулся и говорит:

— А у калмыков закон: чем плечи накрыл, то и подарил!

Вот так и уехал таджикский платок в калмыцкие степи и увез с собой мой рассказ о маленькой Маргарите Хасановой из колхоза «Победа».

Год спустя я прочитала в журнале «Дон» стихи Боси Сангаджиевой «Платок дружбы»:

...Зря учили бабки нас и деды,
что дареное дарить нельзя.
Не всегда заветам дедов следуй:
нам важней традиции, друзья.
Твой платок в причудливых узорах
И шуршит, и блещет на плечах,
волжских волн я различаю шорох,
свет степных лучей — в его лучах.
Если ж гостя, чье лицо мне мило,
Завтра переступит мой порог,
Подарю ей так, как ты дарила.
От тебя и от меня — платок..

Пусть летит по кругу друг от друга
И приносит счастье и весну,
Озарит кого-то солнцем юга,
У кого-то скроет седину...

Как я была счастлива, как радовалась!
И этим милым, душевным стихам, и, главное, тому, что красивая, необычная судьба этого платка продолжается. Я же знала поэтов, знаю мою Босю: это не только стихи, это и в жизни будет — кого-то укроет она платком с алыми розами по черному полю, кого-то он еще согреет, кому-то принесет еще песню.

ЛУКОНИНСКИЕ ВАЛЕНКИ

— Почёму стихотворение «Арбуз» посвящается Михаилу Луконину?

— Кто, по-вашему, Главный Поэт Волгограда?

Так и было написано с заглавной буквы: Главный Поэт. Как Главный Конструктор.

Вопросы эти в ребячьем списке стояли далеко друг от друга, но я их объединила. Потому что ответ на оба вопроса — это разговор об одном человеке, Михаиле Кузьмиче Луконине.

Он был, есть и навсегда останется Главным Поэтом нашего города.

Не потому, что он был самым талантливым и самым известным из нас. Хотя и это правда. А потому что ни у одного из наших поэтов не было такой рабочей, солдатской, мужественной, такой чисто сталинградской судьбы. У Луконина она была.

Он вырос в Заволжье, на Быковых хуторах. Работал на нашем Тракторном заводе. Потом уехал в Москву, в Литературный институт и переманил туда своего друга, тоже тракторозаводца, поэта Николая Отраду. Когда началась война с белофиннами, оба они — и Отрада, и Луконин — ушли добровольцами в лыжный батальон. В одном из боев Отрада погиб. А Луконин вернулся. И пошел потом, опять добровольцем, на Великую Отечественную войну, прошел ее всю — от начала до конца, от Москвы до Берлина. И опять выжил: хранила его судьба, его солдатское счастье. В со-

рок втором году, в горящем Сталинграде погибла рукопись его первой, так и не вышедшей книги. Поэма его «Рабочий день», получившая Государственную премию, написана была о людях Сталинградского тракторного. Луконин потом жил в Москве, был секретарем Союза писателей СССР, объездил полмира. Но сердце его всегда было здесь, на Тракторном, на Быковых хуторах, и счастлив он был тоже только на Волге...

Он любил все волгоградское. Любил и всегда все замечал, все — от великого до мелочей.

— Посвяти мне «Арбуз», — сказал Луконин, когда я при нем прочитала эти стихи.

Арбузы в декабре, о которых я в стихах написала, увидела я в ту зиму, когда Луконин был в поездке, если не ошибаюсь, в Лаосе. Или в Камбодже. Во всяком случае, очень далеко от заснеженного волгоградского базара. И к Луконину эти декабрьские арбузы вроде бы отношения не имели. Но в стихах были слова «Быковы хутора», была — пусть хоть единым словом! — его, луконинская, «арбузная столица», и он не мог промолчать, не принять близко к сердцу, не мог не сказать:

— Посвяти мне «Арбуз».

Конечно, понимал он и то, что мне имя Луконина возле моих стихов и доброе слово Луконина о них дорого и приятно. Любил он вот так, мимоходом, делать приятное людям.

Теперь, когда Луконина нет с нами, каждый из нас, его товарищей и друзей, старается вспомнить все, что он знает о Луконине. Вспомнить и рассказать.

История о луконинских валенках — это было. Но сколько бы раз я ее ни рассказывала, мне она всегда кажется сказкой. Мне и начать-то

ее каждый раз хочется давней строчкой Луконина: «Слушайте, дети, сказку...»

...Шел октябрь 1968 года. Приближался луконинский юбилей. Кто-то сказал, что на юбилейные дни в Волгоград приедут пятьдесят поэтов из разных республик и областей, потому что праздновать свое пятидесятилетие Луконин будет не в Москве, а у нас.

За это я полюбила Луконина еще больше! Я люблю его за то, что он — Луконин. За то, что когда мне случалось бывать в столице весной, он — единственный на всю Москву! — спрашивал меня с тревогой:

— Ну, как там хлеба? Не торят?

Как же было его не любить!

Но любовь любовью, а юбилей юбилеем. Ведь любовь не возьмешь в руки, не покажешь друзьям, не положишь на полку! И я стала думать, что же я подарю Луконину в день его пятидесятилетия.

Это была трудная задача. Во-первых, приедут пятьдесят поэтов, пятьдесят романтиков, пятьдесят выдумщиков. Охота ли быть хуже других? А во-вторых, что подарить человеку, у которого все есть, у которого всего столько, что он сам не помнит, что у него есть и чего у него нет.

Думая о подарке, я вспомнила, как однажды, разбирая вороха бумаг в одном из письменных столов Союза писателей, нашла я листок, исписанный широким луконинским почерком. Это было то ли начало автобиографии, то ли воспоминание о детстве — нелегком, не всегда сытом. Мать одна растила троих детей, денег в доме всегда не хватало. Однажды на хуторе сгорела валяльная мастерская. И мать Луконина купила по дешевке оставшуюся от пожара пару валенок — один серый, другой черный. Сестры

Луконина уже невестились и стеснялись ходить по хутору в разных валенках. И тогда в них юшел в школу Луконин.

Все было решено: вот как понаедет к нему гостей со всех волостей, так я и расскажу им эту историю и подарю Луконину пару валенок — один серый, другой черный!

Дальше все было как в сказке. Но скоро сказка сказывается, да не скоро дело делается!

Я начала со знаменитого сталинградского универмага. Потом пошла в Дом обуви, потом — в «Детский мир». Валенки не было. Я изъездила весь город — от Тракторного до Заканаля, — валенок не было. Тогда, набравшись смелости и захватив с собой писательское удостоверение и депутатский мандат, я поехала на обувную базу. Валенки не было. Утром следующего дня я поехала на толкучку. Валенки там было — море! Но — увы! — это было черное море: серых валенок не было.

Я протолкалась там почти до закрытия. Устала. Замерзла. И, еще не зная зачем, купила все-таки пару черных валенок и поехала домой. Помня одно из главных правил настоящей сказки — «Утро вечера мудренее», — я легла спать. А проснувшись, точно знала, что я буду делать дальше.

Если нельзя купить и невозможно достать, то остается один честный выход: покрасить один из двух черных валенок в серый цвет!

Я пошла к знакомым художникам. Их было двое. Это были настоящие художники и очень разные люди. Они очень внимательно слушали мою сказку о луконинских валенках. Когда я замолчала, один из них улыбнулся, как Светлов, — не поймешь, то ли горько, то ли счастливо — и сказал лихим голосом:

— А мы реалисты! Мы призваны отобра-

жать правду жизни, а не замазывать светлой краской ее темные стороны.

Другой сказал по слогам:

— Мы художники! А не маляры.

И я пошла к малярам.

Это были честные маляры и добрые люди. Они поняли меня с полуслова.

— Если тебе нужно, — сказали они, — мы тебе из черного сделаем хоть серый, хоть белый, хоть обратно черный, хоть какой хочешь! Но тогда у тебя от валенка ничего не останется. Это будет уже не валенок, а сухая штукатурка с накатом.

Было с чего затосковать! Но ведь в настоящих сказках герою все удастся с третьего захода!

Я пошла по третьему кругу, и он привел меня к главным сказочникам нашего города — в театр кукол.

Мне навстречу вышел немолодой, усталый человек, только что отыгравший два спектакля. Я вытащила из сумки валенки и опять — в третий раз! — завела свою просьбу, свою нужду, свою сказку о луколинских валенках. Я говорила, стараясь убедить, и смотрела ему в глаза. Но такими далекими, такими чужими были эти усталые глаза, что я поняла: пришла сюда напрасно, этого человека сказками не пробьешь — он сыт ими по горло!

Но когда я замолчала, он улыбнулся и с нежностью потянул носом с детства памятный дух новых валенок.

— Понимаете, — сказал он, — керосин не всякая краска берет. Но мы попробуем...

Он взял у меня один валенок и скрылся за глубокой маленькой дверью. А я осталась в холодном бархатном зале — одна, с черным валенком в руках и с тихой мыслью о том, что я наконец спасена.

Но когда минут через десять из той же глубокой двери вышел мой Спаситель и я увидела то, что он держал в руках, я похолодела.

Это был тот же валенок. Но, боже мой, как быстро и как непоправимо он изменился!

Он стал седым и деревянным. Словно сделан был не из теплой, живой овечьей шерсти, а из шкуры старого сивого мерина, который когда-то был все-таки вороным. Куда девался его милый, с детства памятный керосиновый дух? От валенка несло ацетоном, маникюром, цивилизацией. Я готова была заплакать и провалиться сквозь землю!

Я хотела сказать своему Спасителю все, что я о нем думаю. Но он не зря был Главным Сказочником! Он раньше меня знал все, что я могла ему сказать, и он не дал мне рта раскрыть:

— Конечно, это не совсем то,— сказал он тихо.— Но ведь вы и дарить будете не кому-нибудь. А поэту...

Был конец октября, в этот день в городе выпал первый снег. И, все зеленые, стояли по колону в снегу деревья. Я шла домой, прижимая к груди свои разноцветные валенки, и была так счастлива, словно не Луконину, а мне подарили что-то такое, чего нигде не купишь и чего никогда не забудешь.

Я шла и думала, что вот лет сорок назад по первому снегу в разноцветных валенках бежал в школу маленький Луконин. И это была самая теплая, самая чистая, самая светлая дорога в его жизни. Сразу вспомнились другие дороги, по которым Луконину довелось идти, с которых ему посчастливилось вернуться.

И я поняла, что одних сказочных валенок мало.

Тогда я взяла у себя дома пятьдесят оскол-

ков с Мамаева кургана, которые летом собирали мы там с моими ребятами. Пусть Луконин делает с ними что захочет. Пусть бережет. Или раздаст друзьям, которые приедут его поздравить: он юбиляр — его воля!

Но об одном я его попрошу: пусть он все это — и валенки, и осколки — сначала покажет дочке. Чтобы младшая Луконина знала и не забывала, в чем и по каким дорогам ходил ее отец.

...Сколько бы раз ни рассказывала я эту историю, она кажется мне сказкой. Но это быль.

И в музее-квартире Михаила Луконина — улица Краснопитерская, дом 31, квартира 47 — стоят на полке разноцветные валенки, один черный, другой серый.

НАГРАДА

Несколько лет назад я получила письмо от читателя — бывшего строителя Волго-Дона. Он писал:

«Однажды к нам на участок пришли и сказали, что приехала писательница из Сталинграда, что ей надо показать стройку. Прорабу было некогда — время было горячее, ждали, вот-вот Волгу с Доном соединим, — и прораб велел мне провести гостей по участку. По образованию я инженер, хотя на канале работал простым рабочим. С писательницей был какой-то человек в кожаном пальто. А она была очень худая, со светлыми волосами и в белом модном плаще. Мне все время было неудобно за свой неприглядный вид. Тот человек меня обо всем спрашивал, а она все время молчала. Но когда мы прощались, она попросила подарить ей что-нибудь на память. Что я мог тогда ей подарить? Я ей так и сказал. А она подняла со дна шляпку за щепочку и сказала, чтобы я на ней что-нибудь написал и что это ей будет и подарок, и память... И теперь, когда поют по радио Ваши песни, я всегда вспоминаю эту встречу и думаю: а жива ли у Вас та щепочка? Ведь это были Вы...»

Но это была не я. Это была Ольга Федоровна Берггольц. Она жила тогда у нас в Сталинграде — высокая, тоненькая, светловолосая. И у нее был белый плащ, которому я по молодости лет завидовала больше, чем ее Судьбе и

ее Стихам. Потом она написала пронзительные волго-донские строки:

..Темный вечер легчайшей метелью увит,
волго-донская степь беспощадно бела...
Вот когда я хочу говорить о любви,
о бесстрашной, сжигающей душу дотла.
Так упрямо смотрю я в заветную даль,
Так хочу разглядеть я далекое, милое солнце...
Я смотрю на него сквозь большую печаль,
сквозь колючую мглу,
сквозь судьбу волгодонца...
Здесь пройдет, озаряя пустыню, волна.
Это все про любовь. Это только она...

Только любовь к родной земле, к человеку, который украшает эту знойную землю морями и садами, только любовь и верность поэзии привела тогда в наш город и Ольгу Берггольц, и Александра Прокофьева, и Александра Твардовского, и Александра Яшина. В ту памятную волго-донскую весну 1952 года, когда строительство канала приближалось к концу, они жили здесь неделями, а кое-кто и месяцами. А годом раньше, когда до встречи Волги с Доном было еще далеко, всю трассу канала — от Волги до Дона, всю эту жаркую степь пешком прошел молодой Сергей Орлов.

Большие поэты, солдаты только что отгремевшей войны, лауреаты Государственных премий, — они опять были рядом с людьми, руки которых вершили великое.

От той поры остались не только их стихи. То, что они тогда были здесь, было уроком тем, кто шел вслед за ними.

Когда на месте нынешней гидростанции началась великая стройка, никто из нас, волгоградских писателей, конечно, не говорил:

— Слушайте, ребята, а давайте и мы, как

Прокофьев на Волго-Доне...

Нет, никто так не говорил! Просто хороший урок никогда не проходит бесследно. Просто мы уже не могли иначе.

Привыкали мы к Гидрострою, конечно, каждый по-своему.

Наш прозаик Рафаил Дорогов — по профессии он строитель — работал там, на ГЭС, диспетчером. Не берусь говорить о том, какими дорогами входил Гидрострой в его сердце, с какого диспетчерского пульта послана была в его писательское будущее верность людям Гидростроя, их трудностям, их подвигам. Рафаил Михайлович и сейчас пишет о них и живет в Волжском, наверное, навсегда.

Лучшая, по-моему, книга Евгения Карпова «Сдвинутые берега» написана в Волжском, в то, гидростроевское, время. Карпов тогда только-только окончил Литературный институт и решил начать свою писательскую судьбу не с первой книги, а с первой стройки. Он прошел ее, эту великую стройку, рядовым, знал все и всех, и его тоже знали, считали своим, узнавали в лицо.

Карповские «знакомства» нас всех не раз вырочали.

Однажды летом во Дворце культуры гидростроителей был большой литературный вечер. Поэтов было много — Юрий Окунев, Валентин Леднев, Федор Сухов, Александр Меркулов, Освальд Плебейский. Слушатели собрались дорогие — не отпускали долго, встреча затянулась, и мы опоздали на последний автобус, идущий на переправу к последнему катеру.

Мы стояли на дороге и дружно голосовали машинам, направляющимся в сторону Волги. Но самосвалы, груженные землей, — а других машин на ночных дорогах Гидростроя не

было,— все как один, не останавливаясь, проходили мимо. Это были рабочие машины, трудяги. Их водители, едва взглянув на нас, сразу понимали, что чистенькой, нарядной, нерабочей публике ночью в котловане делать нечего, и машины одна за другой шли мимо.

Время тоже шло, мы начали нервничать: уйдет последний катер, что будем делать?

И тут наш Карпов, увидев в кабине очередного самосвала знакомого водителя, выскочил на дорогу, раскинул руки — не свернешь! Самосвал остановился, и пока Карпов говорил что-то умоляющее водителю, мы все полезли в кузов, прямо на землю — рыхлую, теплую, чуть влажную.

Это было двадцать с лишним лет назад, но я и сейчас все помню: пылью и пылью пахнет встречный ветер, на темные горы земли по обе стороны дороги то и дело выползают рычащие бульдозеры, их фары, как прожекторы, освещают ночную степь, и черное небо становится ярко-синим, как в дни салютов.

Мы ехали стоя, держась за кабину. Только Юрий Окунев, не боясь испачкаться, отважился сесть прямо на землю. Сидел, держась за длинные ледневские ноги, тихо охал на каждом ухабе и на каждый синий луч, на каждый прожектор говорил в восторге, нараспев:

— Как кра-си-и-во!..

Много раз и до этого случая, и после него видела я на Гидрострое самосвалы, груженные землей и камнем, щебнем, бетоном, арматурой. Они пролетали по стройке с грохотом, разворачивались с рычанием, а в распутицу и в гололед буксовали, завывая на всю степь. Но может быть, надо было нам опаздывать на тот последний катер, надо было тому водителю — отзывчивой душе — остановиться и забрать нас в

свой самосвал, надо было, чтоб на этот раз он был нагружен именно землей. Может быть!

Потому что потом, года через два, в дни штурма Волги, когда самосвалы везли на наплавной мост железобетонные пирамиды, канувшие потом в ревущий поток, в основание плотины, в вечность,— тогда вспомнилась теплая, добрая земля того ночного самосвала, вспомнился другой штурм — другая битва за эту землю. Вспомнилось все. Вспомнилось и стало стихами:

Лежит земля в рабочем самосвале,
Земля — в прожилках скрученных корней.
За эту землю жизни отдавали,
И вот теперь работаем на ней.

Ползут, летят, грохочут самосвалы.
Сдается Волга, пенясь и бурля...
Нам в эти дни еще дороже стала
Святая сталинградская земля...

...Кто бывал на Гидрострое, тот помнит и никогда не забудет канатную дорогу. Высоко-высоко над Волгой протянуты были стальные канаты, по ним в особых подвесных емкостях переправлялись с берега на берег — от города к стройке — грузы. А на двух канатах, параллельно, словно рельсы, были укреплены, как маленькие шпалы, обыкновенные доски, вернее, дощечки, не широкие и не длинные. Эту узкую висячую дорожку все называли канаткой.

Многие строители жили на правом берегу, а катера через Волгу не всегда ходили: то ледоход, то лед на Волге замерзал не гладко, а торосился. Вот и шли люди на работу и с работы по канатке. А она поскрипывала и раскачивалась, и пружинила, как живая, от каждого

шага. А далеко-далеко внизу текла себе Волга, ползли белые медленные льдины, горбатились вылизанные вьюгой торосы, свистел ветер — лучше вниз не смотреть. Конечно, был там и еще канат, за который можно было держаться руками, как за перила. И когда мне доводилось идти по канатке, то оторвать мои руки от него невозможно было никакой силой!

Между канаткой и Волгой была натянута предохранительная сетка, вроде той, над которой работают воздушные гимнасты в цирке, но все равно всякий раз, идя по канатной дорожке, я только делала вид, что не боюсь.

Правда, было время, — в начале строительства — когда сетки этой не было. А люди шли. Шли на высоте нескольких десятков метров прямо над Волгой, которая с высоты казалась еще огромней, еще шире. Канатка же висела там, над этой необъятной ширью, и казалась со стороны тонкой ниточкой, непрочной, ненадежной. А люди шли! Было время.

Об этом времени потом я несколько раз от разных людей слышала там, на Гидрострое, то ли было, то ли легенду.

...В рабочем общежитии на левом берегу заболел строитель. Заболел тяжело, и товарищи отправили телеграмму его старой матери. И вот она, забыв свои годы и свои болезни, оставив дома дела и других детей и внуков, пролетела пол-России и приехала в Сталинград, к больному сыну. Но сын жил на левом берегу, а на Волге как раз начался ледоход. И мать пошла по канатке. И никаких сеток в то время не было.

— Это подвиг! Это только мать может... — говорили строители, хотя сами этот путь пробегали не по одному разу в день, и некогда им было думать — подвиг это или не подвиг. Надо

было, вот и шли. Не раз, наверное, слышал историю о подвиге старой матери и наш поэт Освальд Плебейский. Наверное, и сам он не раз прошел по канатке, потрогал руками ее тугие тросы. Не раз слушал, как они скрипят. Может быть, там вспомнил он и свои солдатские дороги, на которых получил и тяжелое ранение, и орден Славы, вспомнил — словно сравнил:

Из всех бесчисленных дорог
Мне по душе пришлась канатка.
Гудит в канатах ветерок,
А под ногами шатко-шатко.

Со стометровой высоты
Глядишь, покачиваясь, в дали
И только трогаешь болты:
Мол, что, родные, не устали?..

Многое надо было пережить, самому хлебнуть тяжелой работы, чтобы с такой суровой нежностью сказать усталому человеку: «... что, родные, не устали?» Это же не болтам, это же людям Гидростроя сказано!

Осенью 1958 года, в канун штурма Волги, мы все — почти все — жили на Гидрострое. В те дни на дверях Союза писателей нашего города можно было вешать объявление: «Союз закрыт. Все ушли на ГЭС».

Мы работали в газете, писали стихи для лозунгов и листовок. Перед днем затопления котлована появился на плотине огромный плакат:

«Добро пожаловать, вода,
На праздник нашего труда!»

Тогда же появилась листовка со стихами:

Вот он, наш котлован!
Это — руки в пыли,
Это — грохот машин
И дыханье земли.

И пускай говорят:
— Не бывает чудес!
Но мы видим: сегодня
 отсюда
Поднимается ГЭС,
Сталинградская ГЭС —
Трудовое рабочее чудо.

Мы не подписывались под стихами: ведь иногда листовка требовалась срочно, и тогда кто-то из нас писал первые строчки, а кто-то завершал четверостишие. Это была черновая работа, капля в море. Но все мы гордились этой каплей. Никто вслух об этой гордости не говорил, но я знаю, что все гордились.

Когда наступили последние, решающие дни, вернее, часы, в которые была перекрыта Волга, опять — как Берггольц и Прокофьев в дни Волго-Дона — с нами были поэты Ленинграда: Михаил Дудин, Сергей Орлов и Александр Решетов. Был с нами и еще один дорогой писатель: возле самого наплавного моста, там, где пенилась, и бурлила, и сопротивлялась Волга, стоял теплоход «Аркадий Гайдар», — на нем находился командный пункт штурма.

Было холодно, очень ветрено, тихо падал редкий колющий снег.

Шли и шли медленные самосвалы с огромными железобетонными пирамидами в кузовах. Ступив на наплавной мост, они тяжело приседали, а пирамиды одна за другой ухали в Волгу, одна за другой — целый день. А самосвалы все шли, а на берегах, на подступах к плотине все стояли, словно не убывая, ряды пирамид — серые, тяжелые, — бесконечные ряды. На душе было тревожно.

Костер на левом берегу, возле которого грелись строители, тоже был. Подбегут на минуту,

подержат над огнем застывшие руки — и опять к самосвалу. И тот седой человек, о котором написала я в стихотворении «Награда», тоже был.

Листовок с нашими стихами я в тот день не видела. Не до того, видно, было.

Но года через два в таежном городе Дивногорске, что стоит на берегу Енисея, подошел ко мне строитель Красноярской гидростанции. Он достал из кармана вчетверо сложенную, уже потертую на сгибах листовку с нашими стихами. Развернул, дал мне почитать и опять положил в карман.

Он ее бережет как память о своей первой стройке, о своей молодости, о своей капле в Волгоградском море.

У нас в Доме литераторов, в Волгограде, на самом видном месте стоит большой глиняный кувшин, а в нем — пшеничные колосья.

Простой кувшин — тяжелый, горло узкое, низ пузырем, как у всякой кринки, только ручка сбоку да по низу голубые цветы нарисованы, как венок.

Колосья — тоже обыкновенные, колос к колосу, зерно к зерну. Правда, потемнели они слегка оттого, что и стоят там давно, и что собраны были в дождливое лето.

Кувшин этот родом с Украины, подарил его нам поэт Микола Упеник. Он в годы войны здесь, на Волге, воевал, наш город для него — святое. В сорок первом году целый месяц шел он по тылам врага; выбирался из окружения. На груди, под гимнастеркой, прятал он боевое красное знамя. Шел ночами, пригибаясь к застывшей осенней земле, не заходя в села, занятые врагом. Питался зерном, которое выбирал из редких колосков, затоптанных в грязь или оброненных кем-то, на его солдатское счастье, посреди измученных войной полей. Потом под этим знаменем насмерть стояли защитники Сталинграда.

Колосья в Дом литераторов я привезла из-за Дона в дождливое, но урожайное лето. Хлеб по области стоял стеной, но уборка шла тяжело: дожди лили чуть не каждый день сильные — не дождички, что пыль прибывают, а проливные,

с грозами. В десять минут от такого дождя дорога разбухает, машины буксуют, замирают в полях комбайны, гнутся к земле колосья, не успевают просыхать скошенные валки. Сорнякам в непогоду раздолье.

Но погода — непогода, а хлеб в поле не оставишь. У хлеборобов в такую пору каждый погожий час на счету, каждая машина — на вес золота. Страда всегда страда, а в дождливый год на плечи села две страды выпадают.

И погода — непогода, а каждый год, чуть застучат, застрекочат в степи первые комбайны, за Дон и за Волгу, за Медведицу и Хопер, за палласовскую речку Торгун и за нехаевскую Тишанку, которую в доброе лето курица вброд переходит, — но поля-то и за Тишанкой лежат великие — каждый год на те поля едут писатели, газетчики, художники, работники радио, телевидения, кино. Едут каждый за своим урожаем, за своим зернышком в Большом волгоградском хлебе — за стихами и рассказами, за очерками, портретами, песнями, — страна должна знать героев битвы за хлеб.

В один из таких страдных дней наша редакция «Волга» застряла в низине где-то между Суровикином и Чернышками. С утра было солнечно, мы успели побывать на одном полевом стане, ехали к другому и радовались: по обочинам проселка — хлеб, как в кино, колосья в машину заглядывают. Наш кинооператор снял сюжет для телевизионной программы «Время», и у меня в душе уже болели какие-то строчки. Хорошо!

Но только мы выехали на большую дорогу, в ту самую низину, — налетела гроза. Через несколько минут добрая, светлая, красивая и, главное, сухая дорога исчезла. Под машиной бурлили мутные ручьи, грязь разбухала на глазах и пузы-

рилась, росла, как на дрожжах. Мы засели.

Конечно, не только мы. Целый хвост мокрых машин вытянулся вдоль бурлящего потока: грузовые, легковые, молоковозы, самосвал, автобус «Донские дали» и ярко-красный «Запорожец», пассажиры которого ехали, видимо, к морю: в заднее стекло машины видны были резиновые ласты, маска, трубки; на верхнем багажнике, укрытые клеенкой, мокли сачки, удочки, раскладушки и пузатые рюкзаки. Из машины грустно поглядывали на дождь папа, мама и трое ребят, все в одинаковых белых кепочках — на каждой волк с сигаретой, на каждой «Ну, погоди!» написано.

Конечно, им, курортникам, можно было «погодить»: днем раньше, днем позже в море нырнешь, — какая разница! Но нам надо было добраться еще до бригады механизаторов, поговорить с людьми, написать материал, передать его в редакцию по телефону — до которого еще тоже доехать надо! — и еще успеть в совхозный Дом культуры на встречу с читателями.

Нам ждать было некогда. Мы сбросили в машине обувь и не вышли, а нырнули на дорогу. Сразу все промокли, но сразу же повеселели и стали толкать свою «Волгу» по великим лужам и по великим ямам. Мы хотели хоть как-то, но двигаться вперед, чтобы выбраться из этой проклятой низины к подножью высокого песчаного холма. Холм был почти рядом, и на нем, прямо в волнах мокрого хлеба, виднелся высокий белый обелиск со звездой.

Мы не жалели сил, но «Волга» наша двигалась медленно и в основном боком, ее заносило то вправо, то влево. И мы, мокрые, в грязи по колено, тоже вместе с «Волгой» съезжали то в правый, то в левый кювет и уже не толкали, а держались за нее, чтобы самим не шлепнуть-

ся в грязь. Курортное семейство, глядя на нас, по-моему, нахохоталось на весь отпуск.

Сильная гроза не бывает долгой. Ливень затих, как и начался, незаметно. Засверкало отходчивое летнее солнце, прилетел ветерок. Было так хорошо и так тихо, словно и не грохотала только что гроза, не барабанил по спинам дождище, словно во всей степи не было ни машин, ни людей, ни птиц.

Вот тогда далеко за холмом, за тем высоким обелиском и слышалась песня, девичья, звонкая. Мы еще и слова не успели разобрать, как на холме показался грузовик, а в нем — девчата. Стоят, за кабину, за борта, друг за дружку держатся и поют на всю степь. Грузовик шел быстро, «на цепях». Такой машине любая грязь по колено. И когда поравнялся он с нами, мы увидели: все девчата в ромашковых венках, и грузовик тоже нарядный — в цветах и колосьях, через весь борт у него — красное полотнище, а на нем одно слово: **ТАНЯ!** Огромными буквами.

Вот вам и страда, и каждый погожий час на счету, и каждая машина на вес золота! А у Тани, колхозной дочки, свадьба! И выделил ей колхоз машину, чтобы в этот дорогой день проехала она всю родную степь и все на всю жизнь запомнила: и это бескрайнее хлебное море, и тот солдатский обелиск, и эту колхозную доброту, по которой выходило, что и у хлеборобов, и у солдат нет ничего дороже, чем Танино счастье.

Потом мы положили к обелиску охапки цветов и колосьев, мокрых от дождя. И я вспомнила, как тридцать лет назад выходил из окружения молодой солдат с красным знаменем под гимнастеркой. Он шел целый месяц, шел ночами, пригибаясь к застывшей осенней земле, опа-

саясь заходить в захваченные врагом села. Он не умер от голода только потому, что на родных, измученных войной полях находил чудом уцелевшие хлебные колосья.

Вот почему колоски, которые подарили мне в тот вечер в совхозном клубе, стоят теперь у нас в Доме литераторов не в хрустальной вазе, а в глиняном кувшине — памятном подарке поэта и солдата.

А стихи про Танину свадьбу напечатали потом в областной газете. И дней через десять получила я от Тани письмо: «Как жалко, что в стихах не сказано, что на другом борту было написано «Сережа».

ОГОНЁШКА

Непонятное немножко,
пусть живет, как все слова,
наше слово — огонёшка,
наша дружба — огонёшка,
наша песня — огонёшка,
огонек шестого класса «А»...

Сколько школ в городе? Может, сто, может, и больше.

А сколько в каждой школе учеников? Может, тысяча, может, и две. Ну, пусть хоть тысяча!.. Тысячу умножить на сто — это сто тысяч!

Сто тысяч букетов плывут по городу первого сентября!

Белые астры. Лиловые, розовые флоксы. Яркие циннии с жёсткими листьями и душистые петунии. Огненные гвоздики на тоненьких стеблях. Мохнатые георгины, пышные и тяжёлые, как созревшие подсолнухи.

Интересно, остались еще сегодня в садах цветы?..

Самые красивые букеты, конечно, у первоклашек, которые выстроились парами на тротуаре перед школой. В каждой паре девочка и мальчик. Разглядеть, правда, можно только первую пару. Остальных загораживает толпа мам, пап и бабушек; в сотый раз каждая мама поправляет у своего дорогого школьника то бант, то воротничок, то еще что-нибудь.

В первую пару, известно, поставили не кого попало, а по выбору — самых симпатичных: маленькую девочку с голубыми глазами и длинными пушистыми ресницами и курносого бойкого мальчишку, пухлощёкого, как переспелый персик. Мальчишка этот старательно надувает щеки: несмотря на свой небольшой жизненный опыт, он хорошо знает, что всем мамам и фотокорреспондентам всегда нравятся толстые дети.

Бедный! Он не надувался бы с такой гордостью, если бы знал, что уже завтра вместе со светлым торжеством его первого школьного дня исчезнет и его, мальчишкино, хорошее имя, данное ему папой и мамой: с завтрашнего дня и до тех пор, пока он не вытянется в длинноногого верзилу-восьмиклассника, его, как и всех толстощёких мальчишек, будут звать обидным именем Жирный... Но мальчишка этого ещё не знает и радуется тому, что уродился он таким румяным и щекастым, и крепко держит в руках букет ярко-розовых гладиолусов. Из-под форменного берета, как два гладиолуса, пылают мальчишкины уши, просвеченные ярким сентябрьским солнышком. Почему-то первого сентября особенно заметно, как лопухи все мальчишки!..

Нет, всё-таки первое сентября — лучший день учебного года! Он даже лучше беззаботных дней накануне летних каникул: в те дни в классе живёт каждый своим — кто бабушкиным хутором; кто рыбалкой на даче под Тумаком; кто поездкой в лагерь, что спрятался в зарослях терновника на высоком берегу Дона; а кто просто — ежедневными купаниями и золотым песком городского пляжа. И все тогда как-то забывают друг о друге и, расставаясь, живут каждый своими заботами.

А сегодня все собрались вместе, и это было очень здорово! Даже не верилось, что вчера вечером мелькала в голове грустная мысль: «Опять уроки, опять зубрить!» Сегодня все забыли об уроках: чего о них думать? Они еще когда будут!

Все торопятся увидеть своих, потому что, как бы там ни было, они ведь пять лет проучились вместе. И хотя за эти пять лет бывало всякое — и ссоры, и обиды, — но предложите-ка

кому-нибудь из шестого «А» перейти в другой класс! Например, в лучший класс школы — 6 «Б». Никто не перейдет!

— Шестой «А»! Шестой «А»!

Александра стояла под одним из долговязых тополей, окружающих школьную спортплощадку, и, высокая и прямая, как этот тополь, поднимаясь на носки и вытягивая шею, кричала с подвыванием:

— Шестой «А»! Шестой «А»! Все ко мне... Все ко мне! — Она хлопала в ладоши, как будто кто-то мог слышать ее хлопки в этом гвалте, в этом радостном гомоне! — Шестой «А»! Шестой «А»! — крикнула она еще раз и, видно, не рассчитав, сорвала голос, обхватила ладонью тонкую шею и начала откашливаться.

— Шестой «А»! Шестой «А»! Все ко мне... — точно воспроизводя ее подвывающую интонацию, звал Толька Суханов, прикрывая букетом рот.

Было так похоже, что все засмеялись, даже сама Александра.

— Можешь, Суханов, за цветы не прятаться: все равно вижу, что это ты. И покричи, пожалуйста, погромче: у меня что-то с голосом...

Толька от радости, что классная руководительница не обиделась и, значит, первый день учебного года обойдется без замечания в дневнике, весело и с готовностью гаркнул уже собственным голосом:

— А ну, шестой «А»! Шестой «А»!

Но можно было и не кричать: под тополем уже собрались все Толькины одноклассники и одноклассницы. Девочки начали восторженно пищать, обниматься и кружиться на одном месте. Замелькали под тополем веера плиссиро-

ванных юбок, полетели белые банты, затрепетали кончики алых шелковых галстуков. Мальчишки здоровались за руку, со всего размаху ударяя друг друга в ладони. Не кружиться же им, как девчонкам!

Громче всех пищала и быстрее всех кружилась Тала Стрепетова. Черные волосы её растрепались и хлестали по щекам, а она смеялась и кружилась еще сильнее, увлекая подругу и быстро перебирая ногами в белых новеньких туфлях. Вдруг Тала оступилась. Узкая туфелька сорвалась с ее ноги и, сделав двойное сальто, ударила Суханова по коленке. Толька нагнулся, поднял туфлю и — не поверил своим глазам: туфля была с высоким каблуком! Да, это был высокий каблук. Не «гвоздик», как у Александры, и даже не «полушпилька», как у Толькиной мамы, а так — сантиметра на два с половиной — но всё-таки это был самый настоящий высокий каблук. Первый высокий каблук в их классе! За такие вещи в другой раз Толька обязательно бы обозвал Стрепетову стилигой или пижонкой. Но ведь сегодня 1 сентября! Ссориться не хотелось. Толька повертел туфельку в руках, потрогал каблук — попробовал оторвать, а потом задрал ногу и приложил белую туфельку к рубчатой подошве своего огромного кеда.

— Эй, ребята, смотри: две уместятся! — простодушно закричал он и, шагнув навстречу Тале, которая уже прыгала к нему на одной ножке, отдал ей туфельку.

— Спасибо, Суханчик! — Тала улыбнулась Тольке и, надев туфельку, притопнула каблучком.

Толька дурашливо поклонился. Мальчишки шмыгнули носами. В другой день можно было бы запросто крикнуть Тале и Тольке: «Жених

и невеста!» Но ведь сегодня 1 сентября! Ссориться не хотелось...

— Ребята, вы не забыли? — Александра выбрала из подаренного ей кем-то букета две самые крупные хризантемы и протянула их Наташе Парфеновой. Все обрадовались, закричали:

— Нет, нет, не забыли! — и стали совать Наташе цветы.

В прошлом году 1 сентября, когда они были ещё пятым «А», они, как всегда, пришли в школу с цветами. Вокруг было, тоже, как всегда, шумно и празднично, но встретила их не Клавдия Алексеевна, а новый классный руководитель — худенькая, высокая, молодая географичка Александра Викторовна. Ребятам было грустно, что нет с ними их первой учительницы. Тогда Наташа предложила:

— Давайте отнесем ей букет. Ведь она первый раз в жизни в такой день без цветов и без нас...

Все стали с радостью совать Наташе самые лучшие цветы — кто астры, кто георгины. А новая классная, увидев, как полысели букеты пятого «А», сказала недовольным толосом:

— Ну вот, выдумали — букеты портить! Теперь у нас класс общипанный ..

И тут Наташа, которая вообще-то была зубрилкой и тихоней, посмотрела Александре в глаза и сказала:

— А мы и вам 1 сентября принесем букет, когда вы на пенсию уйдете...

Все увидели, как побледнела их новая классная, как закусилась она губы. А тут еще Толька, который не мог перенести, чтобы его товарищ — пусть этот товарищ и девчонка — пропадавал в одиночку, проглотил от страха слюну и добавил, обращаясь к Александре:

— Мы принесем вам букет. Хотя вы и не

учили нас читать, и писать, и делать задачки.

Весь класс целый день ждал, что Наташу и Тольку вызовут к директору: должна же Александра наябедничать или хоть вклеить им в дневники по паре за поведение. Но Александра не наябедничала. И пару никому не вклеила. С тех пор в классе ее полюбили, но Александрой Викторовой звали только в глаза. А в разговорах между собой она почему-то навек осталась просто Александрой. Впрочем, так звали не только её: называть учителей так, без отчества, теперь было модно.

И вот сейчас все были рады, что не кто-нибудь, а она, Александра, первая вспомнила о Клавдии Алексеевне...

Нет, всё-таки сегодня — лучший день учебного года! Сегодня все как-то любили друг друга. Все извинялись, и все прощали. Никто никого не дергал за косы, не давал подножку, не обзывался. Сегодня было особенно видно, как все на свете хотят мира и дружбы.

Мир и дружба царили первого сентября в шестом «А».

И кто-то, обрадованный этим прекрасным мирным днём, не выдержал: в конце третьего урока по классу пошла записка.

Автор послания пожелал, видно, остаться неизвестным. Чтобы не быть распознанным по почерку, он написал своё обращение печатными буквами:

«Неужели в этом году бешки займут первое место? Кому дорога честь шестого «А», пусть пишет слева, что он предлагает. А кому на все наплевать, пусть просто распишется справа. Если ему не стыдно».

Тетрадная страница была расчерчена сверху

донижу жирной красной чертой. Слева, в предложениях, были только две записи:

1) Предлагаю устроить диспут на тему «Давайте дружить».

Катя С.

2) Лучше пойдёте всем классом на «Трёх мушкетёров», две серии по роману А. Дюма!

Толя С.

Справа записей было больше.

1) Мне на все наплевать. И не стыдно.

Саша А.

2) Мне тоже!

Б. Орловский.

3) И нам.

М. Букин и С. Рачков.

4) Ха-ха!!!

(подпись неразборчива).

5) Катя+Толя=Два мушкетёра!

А. Дюма.

Когда листок, ныряя под партами, дошёл до Инны Востриковой, она чуть не заплакала от обиды. Но сдержалась и только, покраснев, сказала на весь класс:

— Дураки!

Ольга Фёдоровна не успела сделать ей замечание: прозвенел звонок.

— Это Вося написала! — крикнул Мишка Букин. — Это ей дорога честь шестого «А». Давайте за это по старой памяти её опять старостой выберем: пусть ещё год таскает журнал и из класса вышибает...

Он схватил выпачканную мелом указку, взмахнул ею, как шпагой, и, сделав выпад на левую ногу, ткнул в бок Тольку Суханова. Потом вскочил на учительский стул и, показывая указкой на дверь, сказал, обращаясь к мальчишкам:

— Синьоры, прошу!

Смеясь и размахивая воображаемыми шпагами, мальчишки повалили в коридор. Толька, стирая с рубашки меловой мазок, начал оправдываться:

— А что? Плохо, да? Неинтересно, да? Две серии подряд...

Но Мишка щёлкнул его шпагой по стриженной макушке и подтолкнул к двери:

— Иди, иди, мушкетёр несчастный, девчачий прихлебатель! Погуляй до звонка. Не мешай своим мушкетёркам, пусть они проведут диспут на тему «Давайте дружить».

Когда за Мишкой и Сухановым захлопнулась дверь, Ольга Федоровна, собирая со стола учебники, утешила огорчённых девочек:

— Что поделаешь? Мальчишки — вечное племя! Шпаги, драка, сражения, «Три мушкетёра» — вечная книга. Подождите, вырастут — поумнеют. Это уж природа. Вечная история. Самое главное не забывайте: параграф первый, примеры № 47, с третьего по восьмой...

Она вышла из класса.

Девочки молчали. Мира и дружбы в шестом «А» не было. Бешки могли радоваться!

Кто знает, может они, бешки, то есть ребята шестого «Б» класса, и радовались неудачам своих ближайших соседей по коридору и противников по сощсоревнованию — учеников шестого класса «А». Дело не в этом.

Дело было в том, что уже третьего сентября бешки выпустили стенгазету! Ни в одном классе школы еще не были проведены даже классные собрания. Ещё не было ни старост, ни председателей совета отряда, ни другого начальства. Во всех классах пока писали только опо-

стывшие сочинения на тему «Как я провел лето». А бешки, которых никто не заставлял и которым, конечно, всегда было больше всех нужно, уже выпустили стенгазету!

Впрочем, сочинение о прошедшем лете они тоже писали. И получили за него двенадцать пятерок на класс. И ни одной двойки. Надежда Тарасовна, раздавая сочинения в шестом «А», сказала, что в параллельном классе, кроме двенадцати пятёрочников, ещё многие написали интересные работы, но их подвели грамматические ошибки. Что ж, бешкам легко было писать интересное об этом лете: они победили в прошлогоднем соревновании на лучший пионерский отряд и в награду ездили всем классом в Москву! Тут кто угодно интересно напишет.

В шестом «А» пятерки за сочинение тоже были. Но, как сказала Надежда Тарасовна, пятерка, хоть и отличная отметка, но души не прибавляет. У пятёрочников шестого «А» не хватало души. Отличился один Толька Суханов: решив, что нечего каждый год тратить время и мысли на одно и то же, он слово в слово переписал со старой тетрадки свое прошлогоднее сочинение. Тем более, что оба лета Толька никуда не ездил, а жил на даче за Волгой. Может быть, Надежда Тарасовна, которой каждую осень приходилось проверять сотни две сочинений о том, кто как провел лето, и не заметила бы Толькиной хитрости, но в сочинении не было ни единой ошибки: Толька второпях переписал всё так, как исправил в прошлом году Надежда Тарасовна. И это его погубило. Надежда Тарасовна, которая еле-еле наскребла Тольке годовую тройку по русскому письменному, не могла поверить в такую его безупречную грамотность и, конечно, всё поняла. Толька схватил пару. Правда, когда Инна Вострикова носила

в учительскую классный журнал, она слышала, как Надежда Тарасовна говорила литераторше старших классов:

— Если разобраться, Суханов прав! Сколько можно писать об одном и том же! И вообще, шестой «А» — думающие ребята.

Но пока в шестом «А», забыв о Толькиной двойке, торжествовали по поводу «думающих», бешки выпустили стенгазету под лозунгом: «Продолжаем соревнование — обгоним шестой «А» по всем показателям!»

Когда в начале прошлого года соревнующиеся шестой «А» и шестой «Б» собрались на первый совет, учёт показателей решили вести по очкам. После долгих споров была выработана строгая такса.

За одного отличника — 10 очков.

За одну тонну металлолома — 15 очков.

За одну тонну макулатуры — 10 очков. (Макулатура, то есть старые газеты, была легче и чище ржавых труб и ненужных кроватей, которые приходилось откапывать на пустыре или тащить с верхних этажей.)

За одну стенгазету — 5 очков. (Учитывалось и оформление, и содержание газеты. А то можно каждый день выпускать, если писать кое-как и о чём попало.)

За одно интересное дело — 10 очков. (Диспут, поход в кино или музей, переписка с ребятами стран народной демократии.)

За одно полезное дело — 15 очков. (Любая работа, зелёные насаждения, подшефные старушки.)

За одну благодарность от подшефных — 10 очков.

Хотели еще написать 15 очков за дружбу. Но потом пришли к выводу, что дружбу как-то неудобно очками подсчитывать. Потому что,

как сказала на собрании обоих классов Инна Вострикова, у дружбы нет цены.

— Молодец, Вострикова, прекрасные слова сказала! — похвалила Инку Надежда Тарасовна — классный руководитель шестого «Б». Толька Суханов тут же предложил внести в таксу хоть 5 очков за прекрасные слова. Над ним посмеялись, а в таксу записали: каждая двойка — это минус два очка!

Во время большой перемены, читая стенгазету «Школьные годы», Инна Вострикова грустно вздыхала:

— Ну вот, счёт открыт: бешкам — пять очков за стенгазету, а нам — минус два за Толькино сочинение... От двух до пяти, по книге Корнея Чуковского!

Инна не только сочиняла стихи, она читала, наверно, все книги на свете. И помнила, кто какую книгу написал. И любила цитировать самые мудрые места из этих книг.

Толька начал оправдываться:

— Я ж лучше хотел, я ж думал, время сэкономлю...

— Вот дать тебе по затылку за такую экономию! — налетела на Тольку Стрепетова.

— Уж не ты ли? Уж не мне ли? Уж не по затылку ли?..

Но дать Тольке подзатыльника было просто некому. Даже самая отчаянная из девочек Та-ла Стрепетова не умела, а может, не хотела драться. Конечно, если бы попросить мальчишек, они с радостью дали бы по затылку кому угодно, даже не спросив, за что. Но к мальчишкам обращаться не хотелось принципиально: они ещё в прошлом году отказались соревноваться за честь класса. Они сказали, что

им и так, без всякого соревнования, надоело каждый год собирать лом, петь «В лесу родилась ёлочка» и ходить в кино парами.

— Придумайте что-нибудь интересное, может, и нам захочется соревноваться...— сказал Антошин. А уж раз Антошин сказал, значит, так и будет: неизвестно почему, но все мальчишки его слушались.

Придумайте им интересное! Будто кто-то обязан за кого-нибудь думать!.. Девочки решили: мальчишек окружить презрением или хотя бы не обращать на них внимания; за честь класса бороться до победного конца и — приняли вызов бешек.

Конечно, бешки победили: у них было больше людей и больше сил. У них все мальчишки не только бегали по дворам, собирая ржавое железо, но даже пели в классном хоркружке. Каждый концерт хора считался полезным делом и приносил бешкам десять очков. А в классе «А» из мальчишек в соревновании участвовал один Суханов. Но от этого было не легче. Потому что, хотя Толька и собрал больше всех металлолома, никакой лом не мог покрыть Толькиных двоек.

Дальше так продолжаться не могло! Надо было что-то делать. После уроков все до единой девчонки шестого «А» остались в классе. Они заперли дверь стулом и стали громко спорить о том, что же делать дальше...

Несколько минут в классе стоял отчаянный крик. О чём кричали, разобрать было невозможно: все говорили одновременно.

Вот так, для начала, они кричали каждый раз. А накричавшись, давали клятву в следующий раз не надрываться понапрасну, а гово-

рить только о деле, без крика и по очереди. Но никакая сила не могла удержать девочек. Клятвы оставались клятвами. В следующий раз все опять начиналось сначала.

Одна только Тала Стрепетова не кричала, ничего не предлагала и ни с кем не спорила. Стоя перед старым шкафом, в который на ночь убрали мел, тряпку и ящик с чернильницами, она осваивала прическу последней моды. Стекланные дверцы шкафа были изнутри задрапированы тёмно-зелёной материей, и затемнённое стекло отлично заменяло Тале зеркало. Она расчесала волосы и, отделив расчёской пышную волну, стала укладывать над левой бровью аккуратную чёлку. Как и требовала мода, челка полностью скрыла тоненькую Талину бровь. В зелёном стекле отразился лукавый глаз, еле видный из-под нахлобученных волос.

В это время девочки, устав кричать, замолчали, и Тала, которая, оказывается, всё слышала и тоже думала о том, как быть дальше, неуверенно спросила:

— А может, у бешек просто мальчишки ненормальные? Где это видано, чтобы мальчишки девчонок слушались?

— Мальчишки как мальчишки, даже хуже наших, — ответила председатель совета отряда Света Денисенко. — У них девочки дружные, это да. Они уж как решат, так и делают...

— Ну решать-то мы тоже вон сколько всего нарешили... — Тала ещё раз взмахнула расчёской, и тут Света заметила всё сразу: и челку, и зелёное зеркало — и это её разозлило.

— Решать-то мы решали, а всё без толку. Ведь договорились: презирать и не обращать внимания! — Света вскочила с парты и шагнула к шкафу: — А вот вам Талочка, видали, как она не обращает внимания?

Все, как по команде, повернулись в сторону шкафа и стали смотреть, как Тала, улыбаясь и склонив голову набок, прилаживала чёлку уже над правой бровью.

— Видали? — продолжала возмущённая Света. — Мы мучаемся, кричим до хрипоты, а она причёсочки крутит. Для кого, думаете, старается? Не для нас же! Вот она пройдёт со своей чёлочкой мимо мальчишек — и, конечно, все они сразу поймут, что мы их не презираем...

— Девочки, — протяжно, как всегда, когда ей в голову приходила идея, вскрикнула Катя Саранская, — а может, нам всем чёлки завести? Чтоб они на нас больше внимания обращали...

Все засмеялись, а Тала, подбоченясь и глядя в свое зеленое зеркало, сказала:

— А что? Выйдем, тряхнём начёсиками — все мальчишки попадают...

— Надо, чтобы не падали, а чтоб в соревновании участвовали, — перебила её Света.

— Нет уж, Талка, договорились презирать и не обращать внимания, так уж и давай презирай, как все, — добавила Инна.

— Да что вы ко мне привязались! «Презирай, презирай!» Не хуже вашего презираю! — Тала сердито сунула за ухо непокорную чёлку и грустно договорила: — Честное пионерское, девочки, я их так презираю, так презираю!... Только вот внимания не обращать — ну хоть убейте! — не могу!.. А потом, вы же сами меня звеньевой выбрали. А у меня в звене шесть мальчишек. Они на сбор не идут, на макулатуру не идут. Хочешь не хочешь, а приходится за ними бегать! Вот если бы у нас звеньевым была не я, а Мишка Букин, или Суханчик, или хоть Бобочка, я бы стала за ними бегать? Нет уж, тогда бы они за мной побегали...

— Девочки! — Катя Саранская спрыгнула с

подоконника. Этот подоконник был её любимым местом: осенью и весной оттуда так приятно было смотреть в окно, за которым видны зелёные заволжские дали, а зимой уютно грела ноги горячая батарея.— Девочки! Тихо! Талка, замолчи! Мне идея пришла в голову! Слушайте.— И, загибая пальцы, Катя стала считать.— Пять лет Инна была старостой. Пять лет Светка председатель. Пять лет я и Парфёнчик выпускаем стенгазету, а Талка, Леночка и Алёнка звеньевые... Девочки!..

— Ура! — закричала Тала Стрепетова, которая во всех случаях, исключая уроки математики, соображала быстрее всех в классе.— Ура! Правильно, Катёночек! Хватит нам тянуть эту лямку. Выберем мальчишек на все должности! Пусть отвечают!

Девочки повскакали с мест и начали обсуждать идею Кати Саранской. Крик пошёл по второму кругу.

У Кати Саранской были три особенности. Во-первых, она очень строго следила за тем, чтобы кто-нибудь в классе не подумал, что она равнодушна к кому-нибудь из мальчиков. Во-вторых, она всегда подавала интересные идеи. А в-третьих, доказывая правоту этих идей, любила что-нибудь подсчитывать, по одному загибая при этом пальцы левой руки.

— Председателем, конечно, Антошина! — крикнула Катя громче всех и загнула левый мизинец.

Все замолчали. Все смотрели на Катю. Катя спокойно выдержала этот взгляд.

— Если кто-нибудь думает, что я к нему равнодушна, так он ошибается, — самоотверженно продолжала она. — Если бы я была к нему равнодушна, я бы его не назвала!

Все в классе знали, что к Саше Антошину Катя была равнодушна. Но всему классу было также известно, что, кроме Кати, об Антошине вздыхают все девочки шестого «А». Исключая, правда, Инну Вострикову, которая считала, что настоящая любовь приходит всё-таки не раньше, чем в восьмом классе!

Девочки оценили Катину принципиальность и, чтобы доказать, что и они тоже выше пред-
рассудков, дружно закричали:

— Конечно, Антошина!

— Если бы мы были к нему равнодушны, мы бы его не называли...

— Давайте, давайте Антошина! Он и учится хорошо, и мальчишки его слушаются...

Дальше Катины пальцы уже невозможно было остановить. Они загибались сами собой.

— Звеневыми — Мишку Букина, Суханчика и Дегтяренко, а Бобочку Орловского — в ред-
коллегию. — Катя загнула последний палец и торжественно подняла кулак. — Салют! Кто за? Кто против?

— Зачем Суханчика? — спросила Света. — Он и так никуда не денется: во все дела суётся. Этого от него не отнимешь...

— И двоечник твой Суханчик!

Катя вспыхнула:

— При чём тут «мой»? Если кто-нибудь думает, что я к нему равнодушна...

— Да равнодушна, равнодушна! Никто ничего не думает, — успокоила Катю Инна. — Просто надо того, кто неактивный. А Суханов и так соревнуется...

— Давайте, девочки, Вовку Маркова выберем, — тихо предложила Наташа Парфёнова. — Он ведь хороший. Он ведь только потому не соревнуется, что Антошин на наше соревнование поплёвывает. А если Антошин будет пред-

седателем, то знаете, какой из Марика звеньевой получится!?

Наташа говорила тихо и спокойно, и все её слушали всегда внимательно.

— Ну что ж, Марков так Марков! — решили девочки и успокоились.

Опасались они теперь одного: в шестом «А» мальчиков было больше, чем девочек, и поэтому мальчишки могли большинством голосов выбрать председателем отряда и вожатыми звеньев опять кого-нибудь из девочек. И всё тогда останется по-старому. И пропадет ни за что гениальная идея Кати Саранской.

Но всё обошлось великолепно!

На следующий день Александра Викторевна объявила, что после уроков состоится сбор отряда, на котором нужно будет выбрать нового председателя и звеньевых. Но в этот день на стадионе «Волга» открывались международные соревнования легкоатлетов. Ещё утром по дороге в школу многие видели длинноногих и худых парней и девушек в спортивных костюмах, которые стайками бродили по городу и толпились у подъезда гостиницы «Интурист». Видели все и широкое, через всю улицу Мира, голубое полотнище со словами: «Привет участникам дружеской встречи Великобритания — СССР!» На большой перемене школьное радио объявило, что среди участников встречи — Валерий Брумель и Лариса Латынина. А Толька Суханов уверял, что приехал и Юрий Власов. Над Толькой посмеялись, потому что каждый первоклассник понимал, что штанга и Юрий Власов не имеют к лёгкой атлетике никакого отношения. Толька, впрочем, не отказался от своих слов и тут же сказал, что знаменитый штангист приехал не для участия в матче, а просто — болеть за наших. Все хорошо знали, что Толька

Суханов ради интереса способен наговорить чего угодно и так убежденно, что потом он и сам начинает верить в свои выдумки. Но всем так хотелось, чтобы Юрий Власов приехал в их город, что Тольке почти поверили.

К концу четвертого урока все мальчишки уложили в папки книги, тетради и прочее имущество и сидели как на иголках.

Последним, пятым, уроком была алгебра. Сделав переключку, Ольга Фёдоровна начала объяснять новый материал. Она успела написать на доске какое-то равенство и сказать первую фразу.

— Ольга Фёдоровна, разрешите выйти! — встав с последней парты, попросил Вова Дегтяренко.

Ольга Фёдоровна кивнула ему и продолжала объяснение. Вова пулей, неслышно вылетел в коридор и через минуту, вернувшись в класс, прошептал:

— Ещё полчаса с хвостиком осталось!

По классу прошел томительный вздох: когда не нужно бывает, например, на контрольной работе, так урок пролетает в один миг! А когда торопишься куда-нибудь, так вот, как назло, остаётся еще полчаса, да ещё с хвостиком!..

— Можно выйти из класса? — поднял руку Саша Антошин.

Ольга Фёдоровна не любила, когда её перебивали, особенно в то время, когда она объясняла новое. Но Антошин был её любимцем, её гордостью, потому что он ещё в пятом классе легко решал задачи из учебника для восьмиклассников. Ольга Фёдоровна, продолжая говорить, слегка поморщилась, но выйти разрешила.

Антошин вернулся в класс ещё быстрее, чем Дегтяренко. И по рядам зашелестело:

— Двадцать шесть минут...

Мальчишки ёрзали на местах, скрипели крышками парт и громко вздыхали. Миша Букин из всех сил тянулся к раскрытому окну и напряжённо прислушивался: иногда, когда бывало очень тихо, в классе был отчётливо слышен бой вокзальных курантов.

— Ольга Фёдоровна, разрешите... — затянул Толька Суханов.

— Да что это такое? Вы что, сговорились? — возмутилась, наконец, учительница. — Как шестой «А» — так не жди добра! Вечное хулиганство! Иди!

Толька, грохнув партой, выбежал из класса, а вернувшись, во весь голос доложил:

— Осталась двадцать одна минута и ноль семь секунд.

— Суханов, дай дневник! — не выдержала Ольга Фёдоровна.

Но когда она, записав в Толькином дневнике замечание, выпрямилась над столом и окинула класс строгим взглядом, поднял руку самый дисциплинированный из мальчишек шестого «А», тихий Бобочка Орловский:

— Можно выйти, Ольга Фёдоровна?

— Никто никуда не пойдёт! Вечное безобразие! Иди, Орловский, к доске и расскажи, о чем я сегодня говорила.

Выйдя к доске, бедный Бобочка, краснея, в четвертый раз начинал писать какое-то равенство и стирал написанное тряпкой. Он страдал, переминался с ноги на ногу и тоскливо, с надеждой косился на ребят: «Подскажите!»

Но кто и что мог бедному Бобочке подсказать? Когда не только рвущиеся на стадион мальчишки, но и девочки, которые с замиранием сердца ждали предстоящего отрядного сбора, совершенно не слушали, о чем говорила сегодня Ольга Фёдоровна!

И она терпеливо начала объяснять ещё раз. Но тут, как долгожданный дождь в засуху, грянул на всю школу звонок. Мальчишки, схватив папки и портфели, начали выскакивать за дверь. Бобочка, ещё разок мазнув доску седой от пыли тряпкой, нырнул в свою парту за книжками и тоже убежал. В классе остались одни девочки. Да ещё Толька. Суханов, который стоял возле учительского стола и, заглядывая Ольге Фёдоровне в глаза, умолял её зачеркнуть записанное в дневник замечание.

В класс вошла Александра Викторовна. Сбор решили не переносить. И довольные девочки, и грустный Толька, который с горя даже на стадион не поехал, единогласно проголосовали за вчерашнюю идею Кати Саранской.

Так Саша Антошин стал председателем совета отряда шестого класса «А».

Саша и Толька Суханов жили в одном доме и даже в одном подъезде. Оба они были совсем ещё маленькими, когда этот красивый белый дом над Волгой стали заселять жильцы.

Пока папа двигал по комнате книжные шкафы, а мама распаковывала свои любимые синие чашки, Саша вытащил из большого узла коробку с «Конструктором» и вышел на балкон. Сначала он замер от света и солнца, потом задохнулся от этой светлой солнечной высоты. Стало так страшно, что на минуту внутри что-то похолодело. Но только на минуту! Было так хорошо на балконе: и солнце, и сверкающая Волга, и белый теплоход вдали. Этот теплоход был так похож на Сашин игрушечный, который лежал сейчас в большом узле, что Саша сразу перестал бояться. А тут ещё над самой его головой, под карнизом, забулькал, зарокотал сизый,

с розовыми лапками голубь. Саша засмеялся от радости и хотел позвать голубка.

— Гули-гули...— кто-то, опередив Сашу, загулькал внизу.

Саша схватился руками за крепкие прутья балконной решетки и поглядел вниз. На балконе нижнего этажа стоял мальчишка в синих трусиках. Смешно задрав кверху светловолосую, с хохолком на макушке голову, мальчишка ласково звал:

— Гули-гули-гулиньки...— и крошил кусок булки, разбрасывая по балкону крошки.

— Ты чо? — сурово спросил Саша.

— А ты чо? — улыбнулся мальчишка.

— Это мой голубь!

— Твой? Ну ладно. Мой, значит, ещё не прилетел. Можно я пока твоего покормлю?

Саша молча кивнул. Ему понравилось, что мальчишка не стал спорить. Спорить Саша и сам не любил.

Он сел на пороге, горячем от солнца, и стал собирать из планочек и колёсиков металлический подъёмный кран.

— Эй! — донеслось с нижнего балкона.

— Ну?

— Я вареники ем! — Мальчишка сидел на скамеечке, на коленях у него стояла миска с горячими варениками. Через тонкое тесто вкусно проглядывали тёмные вишенки. Щёки у мальчишки были выпачканы вишнёвым соком и сметаной.— Иди ко мне! — позвал он Сашу.

— Мама не пустит..

— А как же я тебе угощу? Ты любишь вареники?

Саша промолчал, проглотил слюну. Он опять стал закручивать гаечки и винтики и укреплять на длинной толстой нитке крюк подъёмного крана.

— Эй! Ты что делаешь? — не унимался мальчишка.

Саша поднял кран и молча показал его тому, щекастому.

— Эй! — обрадовался тот. — Спускай сюда нитку, я тебе вареник прицеплю!

Саша, быстро раскрутив маленькую рукоятку, опустил крюк крана на нижний балкон.

Мальчишка схватил крючок вишневыми руками и укрепил на нем самый большой вареник.

— Вира! — крикнул мальчишка.

Саша закрутил рукоятку, но вареник, едва поднявшись над миской, шлёпнулся обратно: тесто прорвалось, и по нижнему балкону разлетелись вишневые и сметанные брызги.

— Стой! — Мальчишка скрылся в комнате и через минуту выскочил на балкон с голубым песочным ведёрком в руках. Вывалив все вареники в ведёрко, мальчишка повесил его на крючок и опять крикнул:

— Вира!

На другой день Саша вышел во двор. У подъезда стоял вчерашний мальчишка и опять, как вчера, приветливо улыбался. На кармашке его синих трусиков были вышиты две буквы: «А» и «С». Эти буквы Саша хорошо знал. Он знал, правда, и все остальные буквы, потому что читать научился ещё давно, когда ему было четыре года. Но «С» и «А» — это были его буквы, и на кармашке его трусиков они тоже были вышиты!

— «А» и «С», — сказал Саша мальчишке. — Ты, значит, тоже Антошин Саша?

— Ты что? — удивился тот. — «А» — это Анатолий, «С» — это Суханов. Это меня так зовут.

...У них были общий дом и одинаковые инициалы, но сами они были совсем разные. Ху-

денький смуглый Саша играл во дворе в футбол, любил строить машины и читать книжки. А Толька — розовый, как девочка, и играть любил с девчонками. Он приносил из дома сверкающие стеклянные пуговицы или янтарные бусинки и, выкопав в углу двора глубокую ямку и застелив дно её травой или заложив щепочками, с приговорами закапывал в ямку пуговицы, бусинки или пробки от душистых маминых флаконов. Это называлось «секретик». Такие секретики закапывали девчонки по всем дворам. Зачем? Толька об этом не думал. Просто интересно! Вдруг кто-нибудь найдёт!

Однажды Саша и Толька вместе убежали со двора на соседнюю стройку. Там с утра появился какой-то новый бульдозер, и Саша хотел его посмотреть. Тольку бульдозер мало интересовал. Зато около стройки продавали эскимо, а Толька в тот день, копаясь с секретиками, нашёл двадцать копеек. Поэтому он тоже с радостью пошёл со двора.

На стройке гудели машины, тучами вздымалась то белая, то красная пыль, рычали, буксуя, самосвалы, скулила лебёдка. Но громче всех трещал, скрежетал и грохал новый бульдозер. Саша насмотрелся на него досыта. Только эскимо они честно лизали по очереди. Наказаны за побег тоже были оба. Оба просидели по целому дню под арестом, каждый на своём балконе. Саша читал, а Толька целый день ел то яблоки, то сухарики, то арбуз.

Осенью они пошли в школу и попали в один класс, первый «А». Когда в первый школьный день мамы пришли за ними к концу уроков, они обе одновременно ахнули: новенькая форма у их сыновей была погублена. Но тоже по-разному. Саша изорвал гимнастерку в драке с мальчишками первого «Б», а Толька, завтра-

кая в буфете, опрокинул на брюки стакан киселя.

С первого класса оба они стали делать физзарядку. Выходили по утрам каждый на свой балкон и, разводя руками, приседали, потом наклонялись, прыгали, шумно дыша. С тех пор Саша делал зарядку каждый день, зимой и летом. Правда, зимой он выходил на балкон в лыжном костюме и в шапочке. Толька же перестал заряжаться ещё в первом классе, как только ударил мороз и Толькина мама заклеила балкон до весны.

Да, они были разными. И, хотя они ни разу не поссорились, дружбы у них не было.

В школе, как и во дворе, они оба жили по-своему. Саша дружил с мальчишками, занимался в детской секции плавания, общественные поручения выполнял, но всегда говорил:

— Я сделаю, если это кому-нибудь нужно.

Он по-прежнему любил читать. Поэтому задумчивый, серьёзный Вова Марков, первый в классе шахматист и книголюб, быстро стал Сашиним любимым товарищем.

Однажды, ещё в третьем классе, сидя на уроке рисования, Саша читал книгу писателя Яковлева. Рисунок «на свободную тему» он давно закончил, и Клавдия Алексеевна, чтобы Саша не вертелся и не мешал рисовать другим, разрешила ему почитать. Книжка называлась «Собирающий облака». Про облака в ней было написано очень красиво, но дело было, конечно, не в облаках. Просто мальчишка, о котором рассказывал писатель Яковлев, увидел, как под серым осенним дождем мокла никому не нужная макулатура, которую этот мальчишка вместе со своим классом две недели собирал по домам, по дворам и переулкам. Три дня назад третий «А» тоже собирал макулатуру. Саша

сам обегал все подъезды своего дома и притащил на школьный двор пятнадцать авосек со старыми газетами. Ему давали ещё плотные связки старых журналов. Но Саша не мог отдать непрочитанным ни одного номера «Вокруг света» или «Пионера». Все журналы лежали у него дома. Но и газет все натаскали столько, что за школой выросла бумажная гора! Отряду третьего «А» за активное участие в сборе макулатуры объявили благодарность.

Саша дочитал рассказ и посмотрел в окно. По стеклу, совсем как в этом рассказе, текли холодные дождинки, за каждой из них тянулись тоскливые, длинные хвостики. По небу плыли серые пузатые облака: было видно, что дождь — надолго.

«А как же наша макулатура?» — подумал Саша. Он с трудом дождался звонка и, первым выбежав из класса, бросился во двор.

Во дворе восьмиклассники выгружали из кузова заляпанного грязью самосвала тоненькие, как струны, саженцы тополей. Суетился завхоз, командовала старшая вожатая. Не замечая дождя, весело смеялись и разговаривали ребята, передавая саженцы из рук в руки.

А в углу двора, никому не нужная, совсем как в книжке писателя Яковлева, мокла гора пёстрой бумаги. Ленивый ветер срывал с забора бумажный плакат «Родине нужна бумага!» По рыжему от глины ручейку, обгоняя жёлтый осенний лист, плыл листок от чьего-то старого календаря.

Вернувшись в класс, Саша поднял бунт. Он сказал председателю совета отряда Свете Денисенко, что больше он ни за что, никогда не пойдёт ни на одно отрядное дело! Мальчишки, которые больше всего на свете любили бунтовать, сказали все вместе:

— Мы тоже не пойдем!

И Толька Суханов, сбегав во двор и оглядев со всех сторон мокрую бумажную гору, размахивал, как все, кулаками и кричал всех громче:

— Я тоже не пойду!

Но когда упрямая Света сказала, что надо не махать кулаками, а добиваться правды, и когда все девочки третьего «А» вместе с Клавдией Алексеевной пошли в какое-то утильуправление, Толька пошёл вместе с ними.

Толька не мог оставаться в стороне: он обожал общественные дела! Он не был особенно сознательным и передовым. Просто он готов был заниматься чем угодно, только бы не сидеть ему дома над скучными учебниками, только бы не учить уроки! Толька не любил учиться. Клавдия Алексеевна говорила о нем:

— Суханов — наш главный лодырь.

Толька не обижался, но отвечал так:

— Вот собирали, собирали макулатуру — и сразу видно: во какую гору своротили! А тут хоть всю голову забей задачками и правилами, а всё равно никто не видит, что в голове от этого хоть что-то прибавилось...

На другой день после похода в утильуправление по школьному двору звонко зацокали лошадиные подковы. Пожилой дяденька в сером халате огромными вилами сгребал бумагу и грузил её в высокий фанерный фургон. Девочки торжествовали. Толька бегал вокруг лошади и угощал её купленной в школьном буфете сосиской.

Саша Антошин от досады, что не он добился правды, обозвал Тольку девчачьим прихлебателем, а девочкам сказал:

— Я в ваших делах не участник!

И все мальчишки сунули руки в карманы и повторили:

— Мы в ваших делах не участники.

...Так они и жили, и переходили из класса в класс: учились все вместе, а отрядные дела делали только девочки да Толька Суханов.

Но было одно дело, которое из года в год каждый день Саша и Толька делали вместе: каждый день в один и тот же час они шли в детский сад и приводили домой своих сестрёнок — Маринку Суханову и Маринку Антошину.

После сбора, на котором Сашу избрали председателем, Толька на стадион не пошёл: было уже поздно, пока доедешь — и Брумель уже всё на свете перепрыгнет, и вообще ничего не увидишь. Дома Толька включил телевизор. Международный матч ворвался в комнату шумом трибун, громкими выкриками болельщиков.

После окончания матча Толька, скучая и кряхтя, достал из портфеля задачник и попробовал сделать хоть один пример из трех, что задала на завтра Ольга Фёдоровна. Примеры не получались. Толька начал было читать учебник истории, но это было скучно. И он, откинувшись на спинку стула и глядя в открытую балконную дверь, начал мечтать.

О чём? Да он и сам не знал, о чём! Но это было всё равно интересней, чем учить уроки.

— Суханчик! Пойдём за Маринками!

Толька выскочил на балкон. У подъезда стоял Саша. Он вернулся со стадиона и ещё не заходил домой: под мышкой у него торчала коричневая папка с «молнией». Толька кубарем скатился с лестницы.

— Ну, как Брумель?

— Законно! И вообще, наши выиграли.

— Я знаю, я ещё лучше по телику всё видел! — не хотелось Тольке отставать.

— И вообще, как было не выиграть — весь стадион битком набит, и все за наших болеют.

— Вот если бы за «Трактор» так болели, он бы тоже не проигрывал. Скажешь, нет? — спросил Толька.

— Возможно...

Возле огороженного крашеным штакетником участка детского сада стояли, умиленно улыбаясь, две мамы: на участке малыши, взявшись за руки, ходили по кругу и пели старинную песню «Каравай-каравай». Они приседали — «вот такой нижины», и поднимали над головами крепко сцепленные руки — «вот такой вышины», и потом весело хлопали в ладоши. Толька сказал Саше:

— Давай посмотрим, вспомним детство! — и тут же увидел, что всем этим малышейским весельем руководят Наташа Парфёнова и Катя Саранская. Когда-то Катя и Наташа сами ходили в этот садик и теперь, по старой памяти, часто забегали сюда — поиграть с малышами, помочь вывести их на прогулку. Толька увидел, как, отмечая высоту именинного каравая, поднялись вверх Наташины руки, — и сразу вспомнил отрядный сбор, выборы и руки, единогласно поднятые за нового председателя отряда Сашу Антошина.

— Антошин! А ведь тебя председателем сегодня выбрали, честное пионерское!

— Каким председателем?

— Вместо Светки, каким! Нашего отряда!

— Кто это выбрал?

— Все, единогласно — девчонки и я! И звеньевыми теперь тоже, знаешь, сплошь пацаны — Мишка, Дегтяренко и твой Марик любимый. Хотели меня, — не мог не приврать Толька, — но чего меня выбирать, я и так активный!

Саша, не слушая, спокойно шёл рядом с

Толькой по садовой дорожке. Навстречу к нему выбежала черноволосая и смуглая, как Саша, девочка.

— Саша, Саша, за мной мамочка пришла и ты пришёл! За мной два человека пришли! — весело крикнула Маринка.

Сашина мама иногда кончала работу пораньше и сама заходила за дочкой. Сейчас она сидела на низенькой ярко-красной скамеечке и вытрясала песок из Маринкиных туфель.

Саша и Толька остановились возле неё.

— Знаешь что? — сказал Саша Тольке. — Плевать я хотел на их голосование! Не на такого напали. Не дождутся! Можешь так и передать. — И Саша плюнул в песок.

— Саша! — ахнула мама. — Как ты себя ведешь?

— А я уже и на сборе им сказал, — ответил Толька. — Плевать, говорю, он хотел на наше голосование! И на честь класса, и на соревнование. Ему, говорю, всё равно, что бешки опять на первое место выскакивают. Плевать он, говорю, хотел на все места! — Толька тоже плюнул. Плевок шлёпнулся на клетчатую Толькину рубашку, но он этого не заметил и продолжал: — И я им говорил, и ещё Стрепетова говорила: «Антошин только мальчишками может командовать, а работать у него кишка тонка». Это у тебя, значит, кишка тонка, получается!

— Толя! — сказала Сашина мама. — Как ты говоришь!

— Да я так, да я ничего, рассказываю...

И Толька побежал в среднюю группу за своей Маринкой.

По дороге к дому мама огорчённо сказала Саше:

— Как же это, сынок, получается?

— Да ничего не получается!

— И ты считаешь «ничего», когда о тебе говорят: «Плевать ему на честь класса...».

— Да не на честь класса, а на девчонок мне плевать! — возмутился Саша.

— А при чём тут девчонки?

— А при том. Выдумали своё дурацкое соревнование и лезут прямо вон из кожи!

— А разве это плохо — бороться за первое место?

— Не хочу я из-за первого места бороться! Вот Брумель сегодня за первое место боролся — так его место Родине славу принесло. А нашим девчонкам зачем нужно это первое место? — Саша даже остановился. — Думаешь, они о Родине думают? Им в Москву, как бешки ездили, хочется! А я не хочу из-за этого... И потом — они ничего интересного придумать не могут!

— Так вот возьми и придумай! — сказала мама.

— Да я бы сто раз придумал! Только меня потом, как Суханчика, девчатником станут звать. Да ещё и похуже...

И вдруг мама, покосившись исподлобья хитрым глазом, улыбнулась.

— А я и не знала, что ты у меня трусишка! — протянула мама и улыбнулась ещё хитрей, и сразу стала похожей на девчонок — Сашинных одноклассниц.

— Я?.. Трус? — Саша даже задохнулся.

— Да. Конечно, трус, — мама продолжала улыбаться, и это было обидней всего. — Тебе и хочется делать интересные дела, и ты боишься делать их вместе с девочками. Как же, тебя за это девчатником назовут...

Саша обиделся и ничего не ответил.

Дома он тоже молчал до самого вечера

И когда лег спать, тоже молчал. И думал. О том, что трудно жить на свете: ты не боишься никого во всей школе, а тебя называют трусом; ты готов придумать сто интересных дел, а о тебе говорят — «кишка тонка».

— Стрепетова завтра еще получит за эту кишку! — прошептал Саша и отвернулся к стенке.

Потом он вспомнил, как обидно было ему, когда весной весь пятый «Б» поехал в Москву. А их класс никуда не поехал: второе место — оно и есть второе место. Когда автобус с бешками уходил на вокзал, в пятом «А» горько плакали девочки. Их утешали Толька Суханов и Александра Викторовна. Саша тогда почувствовал, что и ему хочется заплакать. И хочется тоже, как девчонкам, сделать сто полезных и интересных дел и занять первое место. Не для славы, не для поездки в Москву, а ради чести класса!

Но ведь он первый уговорил всех мальчишек не замечать этого девчачьего соревнования! Как же мог он первый отступить? Его же тогда все, даже тихий Вовка Марков, даже маменькин сынок Бобочка Орловский, как угодно обзовут...

— А я и не знала, что ты у меня трус, — сказал из темноты грустный мамин голос.

Саша вздохнул и стал думать дальше.

Сколько книг прочитал он за свои тринадцать лет! И ни в одной из них не было написано, как он должен теперь поступить.

— Талку за косы дёрну, это не проблема, — шептал Саша. — Но как доказать маме, что я не трус? Нет, трудно всё-таки жить на свете...

Теплы сентябрьские ночи в родном городе. Тянется в раскрытые окна и балконы тихий

волжский ветерок. Шумят и качаются на набережной золотые осенние деревья. Как ни тепло, а осень своё берёт — пожелтели и клёны, и тонкие берёзы. На рассвете, когда в небе гаснут далёкие синие звезды, желтеющие деревья кажутся ещё зелёными, как летом. И по-летнему широко и басисто гудит белый теплоход, идущий сверху, от гидростанции.

Но не гудок этого теплохода разбудил до поры Сашу Антошина. Какой уж сон, если всю ночь снились ему отрядные дела, смеющиеся над ним девчонки и мальчишки и обидные мамины слова!

Саша сбросил лёгкое одеяло и вышел на балкон, посмотрел вниз. На полотняной раскладушке, уткнувшись в подушку носом, спал Толька Суханов. Рядом с ним на скамеечке стояла здоровая кружка с остатками киселя и лежали три обглоданных початка кукурузы.

Счастливый этот Толька! Ему что? Он отмучился. Ещё тогда, в третьем классе, когда Саша отговорил всех мальчиков участвовать в жизни отряда, один Толька упорно бегал вместе с девочками по чердакам, собирал лом и макулатуру, плясал на утренниках «Светит месяц» и «Испанский танец» и даже мыл тарелки у подшефных старушек Овсянниковых.

Саша вспомнил, как все дразнили Тольку, как на его парте каждый день писали мелом «Толя+Света» или «Толя+Наташа». И как самый сильный из мальчишек длинноногий Вовка Дегтяренко, боксёр и футболист, не раз давал Тольке то пинка, то подзатыльника за то, что тот водился с девочками. Но Толька был весёлым и отходчивым человеком. На пинки он отвечал пинками, но не обижался. Над прозвищами только посмеивался. И постепенно всем надоело его дразнить.

Саша подумал вдруг, что вынести всё это мог не только весёлый, но обязательно твёрдый человек. И завидовал Тольке, который сейчас сладко спал, ни о чём трудном не думал и, может, доедал во сне ещё одну кукурузину.

Саша подошел к своему столу, достал из ящика чистую тетрадку и, подумав ещё немного, написал на обложке: «План работы пионерского отряда шестого класса «А».

Он вздохнул облегчённо. Ему показалось, что самое трудное уже позади. Теперь всё легко и просто. В голове сто интересных дел и выдумок.

Саша раскрыл тетрадку, посидел, подумал. И засунул тетрадку в самый дальний угол стола.

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

27 сентября

Три дня мальчишки были как всегда. Словно ничего не случилось. Словно они, как раньше, последняя спица в колеснице. Мы уже начали жалеть, что всё это затеяли. Потому что у бешек — дело за делом, концерт за концертом, пятёрка за пятёркой. И очки у них растут как грибы. А мы — ни с места... Но, оказывается, наши мальчишки ещё хитрее, чем мы! Оказывается, эти три дня они где-то там под лестницей собирались на тайные совещания, спорили и даже голосовали. Катя мимо шла — и видит: стоят под лестницей, в самой пыли, наши мальчишки и смотрят на Антошина. А у него в руках какая-то бумага. Прочитал он эту бумагу, окинул всех гордым взглядом и что-то сказал. Катя не расслышала. А мальчишки молчат и опять Антошину прямо в рот смотрят. Тогда

он поднял руку. И сразу все мальчишки, как по команде, тоже руки подняли.

На другой день Антошин принес в класс «Соглашение». Катя как глянула на него, так и узнала ту бумагу, за которую вчера они голосовали! Вон какое они придумали «Соглашение» из трех пунктов:

1) Жить не из-за первого места и не из-за очков, а на общественных началах.

2) Делать дела — никакой говорильни!

3) Делать дела не такие, как все, а только небывалые.

Вот вам и мальчишки! Пять лет молчали — думали, наконец придумали! Ну, мы сначала, конечно, покричали, что со всем этим невозможно согласиться. А Мишка Букин говорит:

— Оно потому и называется «Соглашение», что все должны соглашаться. Хочешь не хочешь, а соглашайся!

Но Антошин сказал, что оно потому «Соглашение», что настоящий человек не может с ним не согласиться. И начал всё объяснять. По первому пункту он сказал вот что. Что теперь все разбаловались и соревнуются не по призванию, а за что-нибудь. И что даже во всех детских книжках писатели тоже стали писать всякую чепуху: в одной книге за хорошие дела пионерам конфеты выдавали, в другой — в кино водили. Вот, говорит, и получают — не пионеры, а шкурники. А надо, говорит, работать не за очки и не за конфеты, а как при коммунизме — на совесть. То есть на общественных началах... Нам всем стало жалко нашу «таксу», которую мы с бешками выдумали ещё в прошлом году. Но и шкурниками быть тоже кому хочется?... Суханчик сказал: «А как же весной? Значит, и от Москвы отказываемся, раз на общественных началах?».

У меня сердце упало! Так стало страшно, словно мы Москву уже заслужили, а теперь из-за этих общественных начал от своего счастья отказываемся. Но Антошин сказал, что до весны ещё далеко. И все успокоились. И за первый пункт проголосовали. Только Катя выступила и сказала, что пусть мальчишки не думают, будто мы из-за собственной выгоды всё соревнование очками подсчитывали. Это же мы для них старались: чтоб виднее было, что мы на последнем месте, чтоб на их патриотические чувства подействовать.

Стали второй пункт разбирать: про дела и про говорильню. Антошин опять объясняет. И получается, что все наши вечера, диспуты, концерты и походы в кино — это не дела, а одна говорильня. А мальчишки согласны соревноваться только в делах. Талка первая сообщила и сказала, что без говорильни будет скучно. Будем только лом собирать, двоечников обсуждать, с макулатурой таскаться. Тут мальчишки закричали: «Это вы с ней таскались, а мы от неё ещё в третьем классе отстранились!» Но Антошин опять объяснил: «А чтоб не было скучно, читайте третий пункт — будем делать дела не такие, как все, а небывалые!»

Я сказала, что «небывалые» дела — это, конечно, очень красиво звучит, но это пока не для нас. Что такое небывалое дело? Ну, это космос, например! А нам до космоса... Но у Антошина и тут готов был ответ: он сказал, что мы будем делать дела небывалые в масштабах нашей школы!.. Всё-таки молодец у нас Антошин. Недаром к нему все, кроме меня, равнодушны.

Ну, проголосовали за это «Соглашение» и повесили его на самом видном месте. Мальчишки были довольны!.. Только бы Антошин не

зазнался. Вообще-то, пусть даже зазнаётся, лишь бы дела небывалые пошли!..

А интересно, что это на мальчишек так повлияло? Чего они испугались? Ах, знать бы мне — чего боятся наши мальчишки! Тогда бы нам всё нипочем было...

2 октября

Не знаю, что будет дальше. Вот уже неделю висит на стене наше распрекрасное «Соглашение», а толку никакого. И дел у нас в отряде тоже — никаких, не только что небывалых. И главное — мы переживаем, как всегда. А мальчишкам хоть бы что! Гоняют все перемены в футбол — вот и все небывалые дела.

И даже всё, что мы раньше делали, и то делать перестали. Вчера даже стыдно было: пришла к Александре Викторовне наша прошлогодняя старушка Овсянникова и говорит: «А где же наши шефы драгоценные? Мы с сестрой их ждём не дождёмся! Окна бы нам помыть надо: холода на носу...» А Мишка Букин, новый звеньевой, говорит: «Мало ли у кого чего на носу! Мы постановили дела делать только небывалые. А этих подшефных старушек навалом, в каждом классе по несколько штук...» И опять убежал в футбол играть. Хорошо ещё, что бабушка не расслышала, что он сказал... Конечно, после уроков мы с Катей пошли и вымыли окна. И Суханчик с нами увязался. Говорит: «Соскучился я по нашему соревнованию! Мне бы сейчас хоть макулатурки какой-нибудь пособирать — я бы и то рад был!». Даже как-то жалко его стало.

Только грел воду у старушек на кухне и таскал в комнату. Нам с Катей досталось по одному окну. Я очень люблю окна мыть: стоишь на подоконнике — люди внизу, а деревья с то-

бой рядом. И птицы рядом! Вода так щекотно в рукава льётся, а стёкла чистые скрипят-скрипят! И в комнате светло делается. Но вчера даже от этих светлых окон никакой радости не было... Потом старушки нас чаем угощали, с клубничным вареньем. Мы, конечно, отказывались, и Толька даже сделал вид, что мы обиделись: «Ах, что вы! Зачем! Мы же на общественных началах...». А бабушка говорит: «А мы тоже на общественных началах вас угощаем: не за работу, а за то, что вы к нам в гости пришли, веселье нам принесли». А сама пирог с полки снимает, из кукурузных хлопьев, — «не оттянешь за уши» называется. Ну, Толька, как увидел этот пирог, так сразу за стол уселся. Пили мы чай — такой горячий, вкусный, и пирог тоже — объедение. Говорили о том, о сём. Толька сказал: «А хорошо мы жили до этого «Соглашения». Жили и жили себе потихоньку, как все живут. Никому не мешали. И дела какие ни на есть, а делали! А теперь — один пшик получается...»

Всё-таки Суханов из наших мальчишек — единственный хороший человек. Хоть и двоечник...

5 октября

Последние новости: бешки в шахматы ударились! Объявили, что у них в классе через месяц все будут шахматистами, даже девчонки. Все перемены сидят в классе, с досками и с шахматами, — тренируются. Какие-то книжки по шахматному делу читают. И говорят нам: «Вот сделаем ход конём и обскачем вас вместе с вашим соглашением!» Талка Стрепетова сказала им, что шахматы — это не дела, а говорильня. Так Сережа Букашкин даже головой покачал и сказал, что Талка — тёмный человек и что

шахматы — это благородный спорт. И развивает математическое мышление! Про благородный спорт Талка мимо ушей пропустила, этим её не пробьёшь! Но на большой перемене Лена из шестого «Б» сбегала в ювелирный магазин и накупила на весь класс шахматных значков: такая крошечная пластиночка в шахматную клетку, и к ней на золотой цепочке две лошадиные головки подвешены — чёрная и белая. Талка, как увидела этих лошадок, сразу побежала на спортплощадку, где наши мальчишки в футбол играли. Вернулась оттуда — туча тучей! Оказывается, она хотела уговорить Антошина, чтобы и у нас тоже играли в шахматы и носили такие значки. И даже сказала ему про математическое мышление. Антошин был злой и ничего Талке не ответил. Зато Мишка Букин крикнул Талке, что на её математическое мышление хоть три значка вешай — всё равно толку не будет. Что правда, то правда. — Талка в математике ничего не понимает. Но она всё равно обиделась и пошла в класс. А Вовка Марков ещё крикнул: «Хотите, мы вас в футбол научим играть?». Мальчишки засмеялись. Только один Антошин не смеялся. Нам было не до смеху. Тут Наташа Парфёнова вспомнила, как ей бабушка рассказывала, что когда она училась в гимназии, ещё при царе, их учили играть в футбол. Талка вздохнула и сказала: «А может, и нам на футбол перекинуться? Или мы хуже Наташкиной бабушки?». А вот почему Антошин не смеялся?..

6 октября.

Я так и знала, что это добром не кончится. И всё из-за этой Наташкиной бабушки, которая в футбол играла. Оказывается, она целые

дни сидит и рассказывает, как она была девочкой и какие у них в гимназии были порядки. И вот от её рассказов почти все девчонки завели альбомы. И во всех — одно и то же! На первой странице голубь мира с конвертом в носу, а под ним стихи:

Пишите, милые подруги!
Пишите, милые друзья!
Пишите все, что захотите, —
Все будет мило для меня!

На второй странице — ещё хуже:

Катя — роза, Катя — цвет,
Катя — розовый букет,
Катя — лента голубая,
Не забудь меня, родная!

Больше всех радуется всему этому безобразию, конечно, Талочка Стрепетова. Особенно ей нравятся стихи про туфельку:

Талочка-милочек
Ехала на бал,
Уронила туфельку, —
Гимназист поднял.

Талка говорит: «Это очень интересное совпадение! Помните, Суханчик мне туфлю поднял? Наверно, и при царе девчонки и мальчишки хотели дружить, но тоже не знали, с чего начать».

Спросила я у Талки, много ли у неё этой чепухи. Так она мне сказала, чтобы я не беспокоилась и что у Наташиной бабушки таких стихов больше, чем у Роберта Рождественского про революцию! За Роберта Рождественского я её чуть дурой не назвала, чтоб хоть не лезла, если не понимает. Как будто у него — только про революцию. У него и про мечты, и про любовь, и про счастье. Талка сказала, что до любви ба-

бушка еще не дошла, а про счастье у неё тоже есть:

Если хочешь быть счастливой,
Ты питайся черносливом,
И от этого в желудке
Разведутся незабудки.

Больше я уж терпеть не могла и сказала, что напишу про эти незабудки в стенгазету. Талка сказала: «Пиши, куда хочешь! Всё равно альбомы не бросим. А то состаримся, и вспомнить нечего будет». И тут наша тихая Наташа как закричит: «Это моей-то бабушке вспоминать нечего? Да она в войну партизанкой была, в разведку ходила! У неё три медали, если хотите знать». А Талка сказала: «Вот видите: в жизни всё бывает. Сначала альбомчики, а если надо — так и в разведку. И ты, Инка, не думай. Если надо будет, так и мы, как Наткина бабушка, и в разведку, и куда хочешь. А альбомы — это ведьтак, с тоски».

Это я и сама знаю. С тоски ещё и не то бывает...

Про бабушку мы потом сказали Антошину, что надо её позвать в отряд, про партизанство рассказать. Он сначала вроде обрадовался. А потом поглядел на своё соглашение и вздохнул. И ничего нам не сказал. Ни «да», ни «нет». Боится говорильни. По-моему, он и сам не рад этому соглашению. Наверно, понял, что небывалые дела так просто на дороге не валяются. Да уж куда теперь деваться, когда про эти дела на всю школу раструбили и на стенку повесили?

7 октября

Сегодня я шла из школы и видела — летит высоко-высоко маленький белый самолётик.

А за ним по небу белая дорожка. А небо — синее-синее! Ох, как бы я хотела вот так полететь высоко-высоко! И чтоб за мной — белая дорожка... Говорят, девчонок в реактивную авиацию не берут. Счастливые мальчишки — везде их берут. И за что только им такое счастье?

...Конечно, не все же мальчишки такие, как наши. Ведь и Гагарин тоже бывший мальчишка.

Шла и про стихи совсем не думала, а пришла домой — и получились стихи:

И летят корабли реактивные,
И рукой не достать и не догнать.
Только наши мальчишки — неактивные.
Неужели им не хочется летать?

А дальше пока не получают...

Это были такие бусы, что смотреть их бежала вся школа! Даже десятиклассница Лия Канатюк — мастер спорта, чемпионка города по художественной гимнастике, — и та остановилась перед Катей, когда шла из спортзала.

— Ты подумай, живые жёлуди! — Лия дотронулась пальцем до Катиного ожерелья. — Дай померить!

Катя с радостью сняла бусы и протянула их Лие. Нитка светло-коричневых, словно точёных, желудей обвилась вокруг загорелой Линой шеи. И загар сразу стал ещё темнее, и ещё красивее стал овальный вырез голубого чемпионского трико. Девчонки, столпившиеся вокруг, ахнули от восторга. И Катя великодушно предложила:

— Хочешь, подарю?

— Спасибо! Это сейчас так модно! Только... а как же ты?

— А я себе ещё сделаю! — сказала Катя. — За Волгой желудей — хоть пруд пруди.

Как только Лия с Катиным ожерельем на шее скрылась в раздевалке, Тала Стрепетова сказала:

— Слышали? Это сейчас модно! Кто за Волгу после уроков? Пока никто другой не догадался!

Девочки решили ехать все: завтра суббота, уроков задано немного, а за Волгой осенью так хорошо! Да и бусы из живых желудей — это тоже заманчиво! Но к пристани в условленное время пришли только трое — Тала, Катя и Инна Вострикова, которая после Роберта Рождественского больше всего на свете любила осенние заволжские леса.

...Быстро бежал вниз по Волге белый речной трамвайчик. Над кормой негромко похлопывал на ветру выгоревший за лето флаг, шумным веером расходились за бортами тёмные широкие волны. Проплывали мимо бакены, поросшие ивняком острова, дачные домики в дубовых рощах.

На белой песчаной косе, поджав одну ногу и убрав под крыло носатую голову, стояла одинокая цапля.

— Почему, интересно, она не улетела? — спросила Тала.

— Ей кто-то крыло перебил, — ответила Катя. — Я эту цаплю знаю. У нас тут дача рядом, на эту косу мы купаться ходили. Цапля тут с самого лета живёт.

— А зимой как же? Замёрзнет?

— Нет, её ребяташки хуторские в школу возьмут. Тут, на острове, хутор есть, а в нём школа... Эти ребяташки тоже жёлуди собирают.

— Смотри ты, хуторские, а тоже знают, что сейчас модно!

— У тебя, Талка, только и есть в голове, что моды! Они не на бусы собирают, а в совхоз.

— Зачем?

— Лето жаркое было. Травы сгорели, с кормами будет трудно. Так сказал один знакомый бригадир. Он с папой на рыбалку ездит. Жёлуди, говорит, отличный корм птице, свиньям, всяким там индюкам...

— А больше он ничего не сказал, твой знакомый бригадир? — привстав с места, спросила Тала.

— Ещё он сказал, что на жёлуди такого урожая уже сто лет не было! Ни один старик на хуторе, говорит, не помнит такого желудиного года...

— Так! — крикнула Тала, у неё засверкали глаза. — Пусть у меня в голове одни моды, это все знают! Но в твою-то голову всегда приходят гениальные идеи! Катенька, как же ты не додумалась? Ну, Инка, ты свидетель: эта желудинная идея пришла в мою голову!

Тала приблизилась к Инне и, замирая, проговорила:

— Мы наберем вагон этих желудей! Два вагона! Всем свиньям год не съесть, вот сколько наберем...

— Ура! — тихо сказала Инна.

— Ура! — подхватила Катя.

В это время трамвайчик подошел к пристани и мягко ткнулся в её смолённый борт. Тала покачнулась, с размаху плюхнулась Инне на колени и тоже шёпотом сказала:

— Ура! Пошли к бригадиру...

...Девочки быстро шли по узкой тропинке, протоптанной за лето дачниками в светлой дубовой роще. Под дубами, в сухой траве и в пыли, валялись жёлуди. Было по-осеннему тихо в этой прибрежной роще. Только изредка

перекликались бродившие от дерева к дереву ребяташки с вёдрами в руках. И было слышно, как жёлуди крепко стукались о стенки вёдер.

Тала бежала впереди всех и кричала:

— Да что их не собирать? Их тут как насыпано!

Она горстями хватала жёлуди с земли, совала их в карманы платя, бросала в вёдра ребяташкам, если те подходили поближе к тропе. Катя и Инна тоже не могли удержаться и стали собирать жёлуди. Катя сказала:

— Ты, Талка, не бегай попусту. Бригадир далеко живёт, ещё устанешь.

— А я не могу не бегать! Я сегодня такая счастливая! Как хорошо жить, когда в голову приходят идеи!

Тала опять хватала на ходу жёлуди, целовала их и приговаривала:

— Желудочки, родненькие, спасибо, что уродились! Мы теперь из-за вас бешек обгоним...

Катя и Инна смеялись, глядя на подружку. А Тала опять поцеловала самый красивый желудок.

— Даже жалко: такую прелесть какие-то свиньи слопают. Им, свиньям, сто раз плевать, что это модно... А уж как мальчишки обрадуются, ведь это и есть небывалое дело! В масштабах нашей школы...

— Стоп, Талка! — остановила Катя счастливую Талину болтовню. Девочки остановились. — Знаете, что? Что-то я боюсь, что мальчишки на жёлуди не согласятся. Скажут, что раз не они это придумали...

— А они и не узнают, что это мы придумали! — крикнула Тала. — Мы им скажем, что это они придумали!

— Как это?

— Очень просто! Знаешь, как моя мама па-

пу воспитывает? Ну, вот он говорит: «Мотоцикл купим». А она: «Нет, телевизор!» Спорили-спорили, потом он ушёл на работу, а мама — раз, и купила телевизор! Папа приходит, видит: телевизор. Только рот раскрыл, чтоб ругаться, а по телевизору — раз, и футбол! Папа так и сел. И до последнего свистка рот не закрывал — до того болел за свой «Спартак». А мама вокруг ходит, приговаривает: «Вот и футбол дома смотрим. Вот как ты здорово придумал — телевизор купить. Вот какой ты у меня молодец! Теперь и я за «Спартак» болею!». А папа рад, как маленький!

— Неужели у тебя папа такой глупый? — спросила Инна.

— Это не папа глупый. Это мама умная. Папа ей сам потом сказал: «Здорово ты меня воспитываешь...». И еще спасибо сказал.

— Ну, от наших мальчишек дождёшься благодарности! — вздохнула Катя. — И потом, как же мы им всё-таки скажем, что это они придумали?

— А мы к ним Тольку Суханова подошлём. И пусть Толька скажет Антошину, что это он всё придумал и что он и с бригадиром договорился. И всё! — ответила Тала.

— А тебе не жалко свою идею Суханчику отдавать?

— Ещё как жалко-то! Раз в жизни идея подвернулась, и то никто даже не узнает, что она моя. — Тала подняла еще желудок и посмотрела на него, прищулив глаз. — А вообще-то так даже интереснее: пусть как будто это военная тайна! Как будто мы идём в разведку. И как будто я — как Любка Шевцова. Фрицы думали, что она, как я, только поет да наряжается. А она вон какая была. И ей ведь всех хуже было: про неё и наши плохое думали. И никому

нельзя было сказать, что она такая хорошая!.. Вот и я тоже. Пусть у меня по арифметике двойка. Но я свою единственную идею ни за что ни про что Суханчику отдаю. И вот в разведку иду, как Любка...

— И, главное, никому нельзя сказать, какая ты хорошая! — засмеялась Инна.

— Ты, Инка, не смейся. Я не сравниваю, — вздохнула Тала. — Это я, наверно, немножко мечтаю...

— Девочки! — Катя протянула руку в сторону показавшегося вдалеке домика. — Вот он, мой знакомый бригадир! Видите, мотоцикл из калитки выводит. Сейчас уедет в контору или на ферму, тогда всё пропало...

— Как это он уедет? Да я сейчас так закричу, что все на свете бригадиры услышат! — Тала остановилась, замахала рукой и закричала на всю рощу:

— Э-эй! Бригади-ир! Э-эй!

Высокий седой человек, вздрогнув, поднял голову от мотоцикла. Он узнал Катю и улыбнулся, и поднял руку, здороваясь и приветствуя.

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

14 октября

Второй день, как лягу спать, закрою глаза, и в глазах всё жёлуди, жёлуди! И ещё та пыльная веточка, под которой мне попался проросший желудок — с корнем и с двумя листочками. Мама говорит, так всегда бывает, когда целый день что-нибудь одно перед глазами мелькает. Она в войну со своей школой в колхозе на молотилке работала, они пшеницу молотили. И душой, говорит, за эту пшеницу бо-

лели, и руки все в крови, а ляжешь спать — и перед глазами солома, солома. А у меня — жёлуди, жёлуди.

Всё у нас с желудями получилось прекрасно! С бригадиром мы договорились, он такой хороший человек, оказывается! Он нам дал на всё воскресенье лошадь с телегой и дедушку Василия, чтобы жёлуди возить в хранилище. Но это уже всё было потом, в воскресенье. А в субботу прямо с парохода мы с Катей и с Талкой пошли к Суханчику — хотели его к желудям подготовить. Будто это всё он придумал и что он с бригадиром договорился. Пришли мы к Тольке, а его мама сказала, что он ушёл к Антошину задачку решать. Вот ведь как не повезло! Если идти к Антошину — значит, он узнает, что всё придумали мы, и тогда придётся одним девчонкам собирать наши жёлуди. Если не ходить — опять, значит, одни девчонки будут с желудями нянчиться!

Постояли мы на площадке, подумали — как быть? Думали-думали, и Катя говорит: «Вот пойдем и всё скажем Антошину! Нечего тут выдумывать. Мы им небывалое дело нашли, они радоваться должны. А мы ещё их боимся. Пойдём и всё скажем как есть! И по-моему, он ещё и обрадуется!»

И мы с Талкой тоже как-то обрадовались и припустили вверх по лестнице, потому что антошинская квартира прямо над Толькиной. Конечно, у самой двери нам всё-таки стало опять страшно. Но Катя опять сказала, что она верит, что Антошин обрадуется. И, конечно, добавила: «Если кто-нибудь думает, что я к нему равнодушна...» Мы с Талкой сказали, что мы сейчас думаем только о желудях. И Катя успокоилась и прямо отважно позвонила у Сашкиной двери. И тут нам опять повезло!

Наверно, это был счастливый день, потому что везде нам попадались хорошие люди. У Сашки такая замечательная мама! Она слышала, как мы Сашке и Суханчику про жёлуди рассказывали, и сказала, что это просто здорово, что мы молодцы и она за наш отряд рада — хорошее и, главное, нужное дело, говорит, начинаете. И еще сказала, что она теперь будет спокойно жить. Оказывается, с тех пор, как Сашку выбрали председателем, он дома не пил, не ел, ни с кем не разговаривал и даже не спал. Всё небывалые дела выдумывал!

Теперь я поняла, почему он не смеялся, когда мы хотели с горя учиться в футбол играть!

Сашка на свою маму за такие слова сначала рассердился. Но она сказала, что и она с нами поедет жёлуди собирать. И это было очень кстати, потому что одних за Волгу нас Александра ни за что бы не пустила, сказала бы: «Пусть родители едут». А родителям вечно некогда: то у них рыбалка, то у них уборка. Да и не всякого родителя с собой возмёшь. Вон в третьем классе ездила с нами Бобочкина мама, так она нас по лесу весь день за ручки водила! И костер развести не дала.

В общем, напрасно мы боялись, что мальчишки на жёлуди не пойдут! В субботу Антошин прямо утром, перед уроками, собрал совет отряда. О чём они там говорили, никто не знает. Мы уже и не лезли подслушивать. А на большой перемене всем объявили про жёлуди. Александра Викторовна сказала, что она тоже с нами поедет. Конечно, на последних уроках никто ничего не слушал, все только о желудях и говорили. Утром на пристань пришли все, как один, кто с ведром, кто с корзиной. А уж еды притащили — на три класса хватит! Суханчик даже арбуз принёс. На пароход сели и

сразу стали есть. Начали, конечно, с арбуза. И ещё у Наташи вобла была, а у Талки — пирожки с яблоками! Всё вкусное съели, остался только хлеб, да помидоры, да ещё картошка в мундире. К вечеру, конечно, и это съели.

В лесу все сначала кричали, и ахали, и звали друг друга:

— Идите сюда, здесь много! — потом как-то притихли, только и слышно было, как жёлуди в ведрах стучат. Дедушка Василий шесть раз по полной телеге увозил. Мальчишки с ним ездили выгружать. Александра Викторовна записывала и считала, чьё звено больше соберёт. Но все так много насобирали, что не надо было и записывать! А когда мы собрались домой, приехал на своём мотоцикле наш знакомый бригадир и от имени совхоза объявил нам благодарность. Все закричали «ура!». Но тут вдруг дедушка Василий встал на своей телеге, как на трибуне, и сказал, что наша работа — это капля в море и что мы приехали в лес так, «для интересу», и что если бы мы душой болели за свиней и за корма, так мы бы сюда и ещё раз приехали, и всю школу с собой привезли. Чтобы, говорит, ни один жёлудь на земле не остался! Вот тогда, говорит, я бы вам две благодарности объявил!

В общем, вчера наш Антошин выступал по школьному радио, сказал всё про жёлуди, а после него выступала старшая вожатая. И в следующее воскресенье вся дружина поедет за Волгу. За желудями! Вот дедушка Василий обрадуется!

...А это не только у меня — как глаза закроешь, так жёлуди перед глазами. Я спрашивала у наших — у всех так. Наверно, всё-таки мы болеем душой и за корма, и за свиней. Как мама тогда, в войну за колхозную пшеницу.

— Домашнее задание все записали? — Надежда Тарасовна внимательно посмотрела на ребят. Скрипели перья. Суханов, как всегда, писал и шёпотом вслух приговаривал: «Отсюда — досюда».

— Все записали? — повторила учительница. — Ну а теперь у нас осталось ещё пять минут до звонка...

В классе радостно, шумно вздохнули. Ребята любили, когда на уроках Надежды Тарасовны оставалось свободное время: она всегда в это время читала стихи поэтов, которых в школе не проходили.

— Почитайте, почитайте! — закричали ребята.

— Почитайте, Надежда Тарасовна! — просительно сложив руки на груди, попросила Инна Вострикова. — Почитайте Светлова!

— Ой, да, Надежда Тарасовна, — совсем как Инна, завёл Толька Суханов. — Почитайте Светлова, песню мушкетеров, ну, пожалуйста!

— Кто о чём, а Суханчик о мушкетёрах! — засмеялись девчонки.

Песня мушкетёров, которую Надежда Тарасовна прочитала им, рассказывая о Светлове в прошлый раз, понравилась не только Суханову. Тогда даже читавший всё на свете Антошин признался, что он не знал, что «Двадцать лет спустя» написал не только Александр Дюма. Оказывается, у Светлова есть пьеса с таким названием. Песню мушкетёров из этой пьесы Надежда Тарасовна прочитала в прошлый раз. Какая это была песня!..

Толька вскочил с парты и, размахивая руками, прочитал:

Другу на помощь, вызволим друга
Из кабалы и тюрьмы.

Шпагой клянемся,
Шпагой клянемся,
Шпагой клянемся мы!

— Во, песня! — крикнул он и с шумом сел на свое место.

— Я рада, что вам понравился Светлов, — сказала, улыбаясь, Надежда Тарасовна. — Но сегодня мне хочется просто поздравить ваш класс с успехом: вы отлично придумали этот поход за желудями и великолепно осуществили свою идею. Молодцы, шестой «А»! Вы в нашем соревновании теперь на первом месте. Но мои ребята не собираются вам уступать. Сегодня они предложили провести вместе с вами диспут на тему «О чём мы мечтаем».

Инна Вострикова с тревогой посмотрела на мальчишек. Она опять вспомнила второй пункт письменного соглашения «Делать дело — никакой говорильни!»

— Представляете, как интересно может получиться? — продолжала Надежда Тарасовна. — С Александрой Викторовной я говорила. Мы с ней уже решили, кого из учителей попросить быть третьим членом жюри на этом диспуте.

Прозвенел звонок. Надежда Тарасовна, взяв журнал, вышла. В классе молчали.

Не только Инна, все девчонки понимали, что всё пропало. Всё испортили противные бешки!..

Мальчишки стали выходить из класса. Они шли молча, не глядя на притихших девчат, не желая говорить и объясняться.

Последним шел Вова Марков. Проходя мимо доски, он взял мел и написал на доске два слова: «Никакой говорильни».

Чего уж объяснять — всё и так было ясно: мальчишки от диспута самоустранились.

— В буфет, что ли, с горя сходить? — желая рассмешить загрузивших девчонок, спросил Толька и, звеня мелочью в кармане, пошёл из класса. Он в сердцах бухнул в дверь ногой, дверь, жалобно дрогнув, распахнулась широко и беспомощно. И все увидели, как в коридоре на доске объявлений староста бешек Лена Иванова укрепляла большой белый лист, на котором было написано:

«В субботу после уроков
состоится большой разговор учеников
6-х классов.

«О ЧЕМ МЫ МЕЧТАЕМ» —

вот тема разговора.

О профессиях и о подвигах!

О будущем и о настоящем!

О дальних полётах и смелых открытиях!

ВСЕ НА ДИСПУТ!!!»

Девочки грустно смотрели на это объявление.

— «Мечты, мечты, где ваша сладость?» — с горькой улыбкой процитировала Инна Вострикова. — Опять будем одни за весь класс отдуваться.

Но недаром говорят, что человек закаляется в борьбе. Девочки шестого «А» привыкли к тому, что им надо все дела делать за двоих, интересного придумывать вдвое больше.

— Девочки! — первой пришла в себя Катя Саранская.

— Что? — ехидно перебила её Тала. — Тебе идея пришла в голову?..

— Вот именно! — крикнула Катя. — Это замечательная идея! Пропадать, так уж с музыкой! Мы вносим предложение тройного объявления!

— Чего-чего? Какого тройного объявления? — не поняли девочки.

— Все ко мне! — крикнула Катя. — Закрой-те дверь. Сейчас расскажу...

Все столпились вокруг Катиной парты и начали совещаться.

Несколько дней, оставаясь после уроков, девочки что-то рисовали, писали и выдумывали.

Мальчики делали вид, что они ничего не замечают.

В четверг к девочкам, опасливо озираясь по сторонам, неожиданно пришёл Бобочка Орловский. Он прикрыл дверь и тихо сказал:

— Давайте я чего надо нарисую. Это же честь класса, — и вздохнул.

В это время в класс заглянули Букин и Дегтяренко. Они так свирепо посмотрели на Бобочку, что он сжался в комочек и стал похож на воробушка. Бобочка покачулся, но устоял и повторил тихо, но твердо:

— Я нарисую.

— Бобочка, ты герой! — крикнула Тала.

— Мы напишем о твоём мужестве в «Пионерку»! — добавила Наташа. Она хотела сказать ещё что-нибудь торжественное, но тут скромный Бобочка, вспомнив, что он всё-таки мальчишка, сурово прикрикнул на растроганных девчат:

— Ну-ну, потише! Делать дело — никакой говорильни! — и взял в руки кисточку.

Он не успел ничего нарисовать. Он не успел даже обмакнуть кисточку в стакан с водой. Дверь, скрипя, приоткрылась, и все увидели большой кулак, просунутый из коридора в приоткрытую дверь. Кулак был испачкан чернилами, и на запястье химическим карандашом были написаны две буквы «ВД». Кулак принадлежал классному силачу Вове Дегтяренко.

Бобочка побледнел.

Девчонки, оценив обстановку, отобрали у него кисточку.

— Иди, без тебя обойдемся!

Тайные советы, планы, выдумки — всю неделю, готовясь к диспуту, бурлил шестой «Б» и упрямые девчонки шестого «А».

Только Суханов два вечера сочинял своё выступление и два вечера учил его наизусть. Тала Стрепетова каждый день громко спрашивала, сама не зная кого:

— Ах, ну о чём я буду говорить? Ну я, правда, ни о чём пока не мечтаю!..

Втайне она мечтала о новой папке для книг, красной, с молнией. Такая папка была у Наташи Парфёновой. Но Талина мама сказала, что двойки и в портфеле носить хорошо и что, пока Тала не исправит двойки, папки ей не давать.

В классе все перемены стоял шум, и однажды Саша Антошин не вынес молчания.

— Галдят, галдят со своим диспутом, — сказал он девочкам. — Не диспут, а галдиспут у вас получится!

И все мальчишки, которым надоело изображать гордое презрение, обрадовались и закричали:

— Галдиспут! Галдиспут!

Девочки обиделись, шуметь стали поменьше. Время шло.

Утром в день диспута к объявлению, повешенному Леной Ивановой, с двух сторон прикрепили два больших листа, которые втайне друг от друга оформляли шестой «А» и шестой «Б». Это и было знаменитое тройное объявление, придуманное Катей Саранской. На листе бешек крупными золотыми буквами было написано: «Мечты придают миру интерес и смысл».

И подпись — А. Франс. Тут же выяснилось, что ни один человек из обоих классов не знал, кто такой А. Франс. Потому что ни по истории, ни по литературе в шестых классах Франса ещё не проходили. Поэтому Серёжке Барашкову, рисовавшему это объявление, пришлось с ходу объяснять, что к чему. А. Франс оказался французским писателем-классиком Анатолем Франсом.

— Мой тёзка! — гордо, сказал Толька.

Слова Франса о мечте Сережа взял из книги «В мире мудрых мыслей...» Пользоваться цитатами в соревновании разрешалось. Мудрые мысли французского классика всем понравились. Тем более, что под ними был нарисован огромный земной шар, несущийся в звёздном пространстве. Над Северным полюсом гордо реяло красное знамя. А вокруг планеты, опоясывая её голубым хвостом, летел космический корабль с надписью «Восход — 6 «Б»!» Ничего не скажешь: здорово придумали! И рисунок был отличный: Сережа Барашков слыл лучшим художником школы. Конечно, в шестом «А» и мечтать не могли о таком мастере... Но ведь талант есть в каждом классе!

Когда девочки шестого «А» повесили свою часть тройного объявления, стало ясно, что у французского классика есть достойный соперник.

Пусть таёжные дебри, нарисованные девочками, напоминали прилизанные лужайки городского парка культуры и отдыха, и пусть палатка геологов поднималась выше самого высокого кедра в этой тайге, а две хилые бригантины смахивали на моторные лодки под розовыми парусами! Зато между парусами и палатками, на фоне синих волн и седых туманов были стихи:

О дорогах больших и малых,
О палатках в дремучих лесах,
Приплывай к нам, мечта, на алых,
На сказочных парусах!

Подписи под стихами не было. Но она и не требовалась, потому что все и так знали, что стихи написала староста шестого «А» Инна Вострикова. Всем стало ещё интереснее!

Саша Антошин молча рассматривал объявление. К нему подошёл Вова Марков.

— А молодцы все-таки наши девчонки! — сказал Вова. — Галдят-галдят, а дело делают.

— Может, и ты на этом галдиспуте выступишь? — спросил его Саша.

— Я? За кого ты меня принимаешь? — Вова даже задохнулся от обиды и замер с открытым ртом.

— А я, может, и выступаю... — вдруг тихо проговорил Саша и отошёл к окну.

Вова так и остался стоять с раскрытым ртом, удивлённый и озадаченный.

Что такое происходит с Сашкой?..

Да, недаром говорят: чужая душа — потёмки!..

Все перемены возле тройного объявления толпились шестиклассники и громко спорили: кто лучше? Подходили ребята из других классов и, узнав в чём дело, тоже принимали участие в споре. Но до конца уроков так и не было решено, кто победил — Сережин «Восход» или стихи об алых парусах...

В школьном зале было шумно.

Двигали стулья. Усаживались. Кричали, занимая друг для друга места. За столом перед сценой сидели Надежда Тарасовна, Александра Викторовна и председатель школьного клуба старшеклассников Вадим Шатков, известный

на всю школу своей справедливостью и умением постоять за тех, кто стремится выдумывать интересное, а не жить чужим умом.

Вадим поднялся за столом и постучал авторучкой по графину с водой.

— Начинаем диспут шестиклассников! — В зале начали замолкать. — Я надеюсь, — продолжал Вадим, — что наш сегодняшний разговор будет таким же интересным, как тройное объявление, придуманное шестым «А».

— Ура! — крикнул с подоконника Толька Суханов и закашлялся: на него зашипели и зашикали.

Александра Викторовна укоризненно покачала головой.

— Кто первый? — спросил Вадим.

К столу вышел Слава Стариков из шестого «Б». Все знали, о чём будет говорить Слава, потому что всем было известно, как хочет Слава стать космонавтом. Так оно и вышло: немного волнуясь, — ведь он говорил первым! — Слава начал:

— Мы с Серёжей Барашковым мечтаем учиться в знаменитом Качинском лётном училище. Конечно, мы понимаем, что просто мечтать мало, надо готовить свой организм и накапливать знания. Для знаний мы учимся по всей математике только на пятёрки. Если не верите, Ольгу Федоровну спросите! — Пока в Славином выступлении не было ничего интересного. И среди мальчишек шестого «А», которые всё-таки, конечно, пришли на диспут, пошёл шепоток:

— Подумаешь, мечта! А кто об этом не мечтает...

Но Слава продолжал:

— А для организма мы пошли к знаменитым городским «моржам», чтобы они и нас взя-

ли к себе «моржатами». «Моржи» за мечту нас похвалили, но потребовали расписки от моей мамы и от Серёжкиной, что они нам разрешают зимой в Волге купаться. А мамы...— Слава передохнул. Он, наверно, выбирал слово, чтобы сказать о мамах не очень обидно.— В общем, мамы — ни в какую! И теперь у нас с Серёжей есть ещё мечта: уговорить мам и стать первыми в городе «моржатами».

Бешки заплодировали, а Вадим сказал:

— Кто следующий?

А к столу уже пробирался Толька Суханов, который просто не мог перенести, что это не его класс так удачно отличился.

Подойдя к столу, Толька взял в руки графин, налил полный стакан воды, выпил залпом и, не обращая внимания на общий смех, начал:

— Я хочу стать атомным физиком, как артист Баталов в кинофильме «Девять дней одного года», на который дети до шестнадцати лет не допускаются. Но всё равно все этот фильм видели.

— Видели! — крикнули в зале.

Толька, обрадованный поддержкой, продолжал, ударив в грудь кулаком:

— Да! Я хочу стать атомным физиком и полететь на Луну, чтобы и там были такие замечательные люди, как артист Баталов...

— Да тебя с твоими двойками на Луну не возьмут! — смеясь, перебила Суханова Инна Вострикова.

И все засмеялись. И даже Вадим улыбнулся.

А Серёжа Барашков сострил:

— А что у мечтателя по алгебре: два или два с половиной?

И все засмеялись ещё громче. А Толька, который вообще-то был очень весёлым человеком

и никогда ни на кого не обижался, тут замолчал и обиделся.

Потому что когда люди смеются над мечтой, это невозможно переносить!

Но диспут продолжался, и никто даже не заметил Толькиной обиды. Впрочем, смеялись все и ещё раз, и уже не над Сухановым. Вышла к учительскому столу отличница из шестого «Б» Люда Сергеева, достала из кармашка аккуратненький блокнотик и стала читать по нему бодрым голосом, как старшая вожатая на пионерском сборе.

— Мы живём в великое время,— читала Людка.— В нашей прекрасной стране перед нами открыты все дороги. Мы можем мечтать о больших открытиях и о далёких походах. Надо только учиться, учиться и учиться. Надо упорно овладевать знаниями, чтобы стать всесторонне развитыми культурными людьми, достойными строителями светлого будущего.

Люда долго бы ещё читала по своему чистенькому блокнотику чужие слова и мысли, но тут произошло неожиданное.

Не дав договорить Люде, поднялся Саша Антошин, тот самый Антошин, который был в шестом «А» атаманом и заводилой всех мальчишек, который был против всякой говорильни и который ещё недавно презрительно называл диспут о мечте «галдиспутом». Так вот, этот самый Антошин поднялся и сказал удивительную речь:

— Давным-давно мудрый царь Пётр Первый издал указ, в котором запретил своим боярам, выступая на советах и думах, говорить по бумажке,— сказал Саша торжественным голосом.— Пусть, писал царь Пётр в этом указе, бояре и думные люди говорят не по бумажке, а по душе, чтобы глупость каждого сразу бы-

ла видна! У меня есть мечта,— продолжал Саша, косясь в сторону Люды Сергеевой,— чтобы со школьных лет люди и даже отличники привыкли говорить не по бумажке, а по душе...

Все знали, что Саша про Петра Первого не выдумал, всем было известно, что Антошин ещё в четвертом классе прочитал всю школьную библиотеку и теперь дочитывает районную.

И все опять смеялись и хлопали в ладоши. А девчонки шестого «А» чуть даже не заплакали от счастья: ведь они так долго добивались, чтобы их упрямым, неактивным мальчишкам захотелось вместе с ними бороться за честь класса. И вот сейчас так неожиданно и прекрасно сбывалась их самая большая мечта.

В зал заглядывали ребята других классов и учителя. Диспут продолжался. Выступала Катя Саранская:

— Конечно, это хорошая мечта — стать лётчиком или физиком, или ещё кем. Я вот хочу стать геологом. Но это — далёкая мечта,— от волнения Катя теребила чёрный фартук.— А у меня есть ещё близкая мечта: я хочу, чтобы в нашем классе мальчишки и девчонки крепко подружились! — В зале стало очень тихо. А Катя продолжала: — Я мечтаю, чтобы мы делали вместе все дела и заступались друг за друга. И чтобы никто никогда не дразнился женихом и невестой. Потому что вместе вдвое больше сумеем придумать и сделать... Только...

Катя хотела ещё раз сказать: «Только пусть никто не думает, что я к кому-нибудь неравнодушна», — но, видимо, решила, что и так сказала достаточно, и села на место.

Диспут продолжался.

На лестничной площадке стоял такой отчаянный трезвон, что из трёх соседних квартир выглянули сразу три соседки.

Только уже в четвертый раз нажимал кнопку звонка. Нажимал со злостью, до самого дна, словно хотел утопить эту трескучую чёрную пуговку. Он уже собирался грохнуть в дверь каблуком, но вовремя спохватился и понял, что дома никого нет. Открыв дверь своим ключом, Только сердито плюхнул портфель прямо в тёмный угол у порога, рядом с Маринкиным трёхколёсным велосипедом.

В кухне на столе лежала записка: «Обед на плите, компот в холодильнике. Я ушла гулять с Мариночкой. Мама».

— Написала бы «сынок», или «Толя», или хоть «Только», и то лучше было бы,— вслух ворчал Только.— Только и знает свою Мариночку. А я кто? Так, существо, которому оставили обед на плите да компот в холодильнике... Не стану вот обедать — так узнаешь...

Только отщипнул кусок булки, потом подумал, положил булку обратно и взял с окна чёрствую чёрную горбушку, отложенную Маринкой для голубей. Он оторвал зубами сразу полгорбушки, и ему стало так грустно и так жалко себя, что он чуть не заплакал.

Но за окном легко и радостно падали крупные мохнатые снежинки. А с плиты так вкусно пахло теплым борщом и жареной картошкой, что Только не выдержал...

После вкусного обеда на душе потеплело, грусть улетучилась. Только уже не обижался на маму. Ему даже захотелось, чтобы скорей вернулась домой Маринка: ведь он с утра не видел сестрёнку и соскучился.

Но школьная обида всё ещё не проходила.

Только вспомнил, как на весь зал закричала ему Инка Вострикова: «Тебя с твоими двойками на Луну не возьмут»...—и как, тоже очень громко, спросил, издеваясь, Сережка из шестого «Б»: «А что у мечтателя по алгебре: два или два с половиной?»

И все смеялись. А он, Только, стоял, как пень, как дуб, как последний... не знаю кто!

А они смеялись.

А Вострикова вообще зазналась. Подумаешь, отличница! Поэтесса несчастная...

И тут Только осенило: а что если и он напишет стихи? Что он, хуже Инки Востриковой!?

«Ещё какие стихи-то напишу! — подумал Только.— Ещё будете меня умолять, чтоб я их в стенгазету отдал... Не дождётесь, голубчики! Я их в «Пионерку» pošлю...»

Он схватил карандаш, вырвал из первой попавшейся тетрадки листок и уставился в одну точку. Посидев так минуты две, Только поёрзал на стуле, повертел головой, оглядывая комнату, словно выискивая тему для своих стихов. Только взгляд скользнул по столу, и Только замер: тетрадка, из которой он под горячую руку вырвал листок и которая была теперь непоправимо изуродована, была тетрадкой контрольных работ по алгебре! Двойка была обеспечена: Ольга Фёдоровна любила говорить, что неряшливая тетрадь — это плохие знания, и ставила двойки за каждую кляксу. Только представил, как опять все будут острить по поводу этой двойки и Толькиной мечты о полёте на Луну. Он зажмурился, махнул с отчаяния рукой: семь бед — один ответ! И стихи сами так и полезли у него из головы:

А может, и лунатики

Не знают математики!

Только писал и сам не верил, что это его рука так легко и складно пишет. Он повторил вслух строчки про лунатиков и математиков и пришёл в восторг. Оказывается, стихи писать совсем просто! Держись, Инка Вострикова! Я тебе ещё покажу... А рука его сама собой выводила дальше:

А может, на Луне
Не нужны будут мне
Ни минусы, ни плюсы,
Как Бобика укусы?..

— При чём тут Бобик? — удивился Толька. Он вспомнил почему-то кудлатого щенка с соседской дачи. Этот щенок никого не кусал, и звали его не Бобик, а Тарзанка.

«При чём тут Бобик?» — ещё раз подумал Толька. Но тут же сам себя успокоил, что Бобик и укусы — это, конечно, только для рифмы. А рифма, как говорила Инка Вострикова, которая занималась в кружке юных поэтов при Дворце пионеров, рифма — это не главное. Главное, чтобы было видно, к чему стремится автор, главное в стихах — мысль и чувство. Вспомнив все эти Инкины слова, Толька снова вслух прочитал всё, что он написал:

А может, и лунатики
Не знают математики!
А может, на Луне
Не нужны будут мне
Ни минусы, ни плюсы,
Как Бобика укусы?..

— Ну что ты будешь делать! — крикнул Толька огорчённо. — Ну, нет ни мысли, ни чувства...

Но не такой был человек Толька Суханов, чтобы огорчаться долго. Он вздохнул, ещё раз

закатил глаза к потолку и, не задумываясь, дописал:

Была бы лишь душа
по-пионерски хороша!

Невозможно было утерпеть! Невозможно было жить и дышать, пока хоть кто-нибудь не узнает, какие отличные, с рифмой, с чувством и с мыслью стихи написал он, Толька Суханов, первый раз в жизни!

Из всего шестого «А» в стихах лучше всех разбиралась Инка Вострикова.

Толька нашел в кармане две копейки, оставшиеся от покупки завтрака в школе, и, прижимая к груди листок со стихами, без пальто, схватив шапку, помчался к ближайшему телефону-автомату звонить Инне.

От школы до дома — короткие 10 минут. Но сегодня Инне казалось, что они тянутся целую вечность. Она бежала по знакомым улицам, и торопилась, и не замечала ничего на свете, даже первого снега, который всегда так радует всех и который выпал сегодня. Большая снежинка упала Инне на щеку, но девочка её не заметила. Скорей бы, скорей добежать до дома и записать, пока не забыла, все, что случилось сегодня...

Инна быстро сняла пальто, машинально сунула в рукав мокрую от снега шапочку и, по привычке сбросив у вешалки ботинки, побежала в одних чулках к себе в комнату.

— Инна, тапки! — крикнула мама.

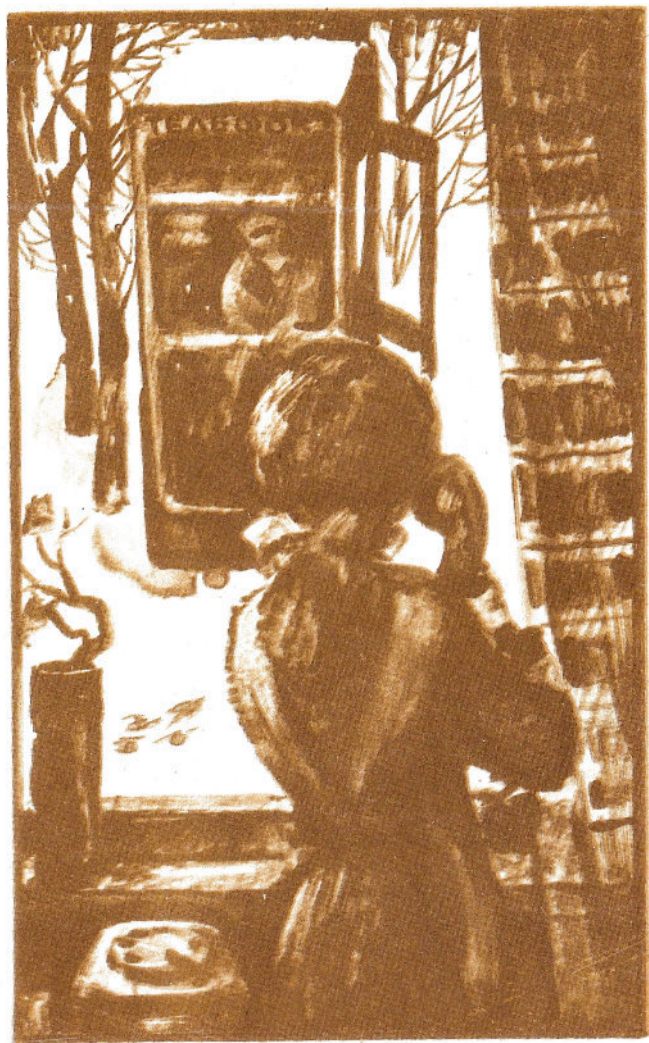
Ох, уж эти мамы! Хоть и дело говорят, а всегда не к месту!..

Инна достала со дна ящика заветную серую тетрадь.

28 октября

Если бы всегда было так, как сегодня, не видать бы бешкам первого места, пусть они хоть сто концертов дают! Это всякий дурак с радостью согласится: и не хочешь, да запоёшь, если тебя за твои песни с шестого урока отпускают!.. И вообще им в пятом классе несправедливо первое место присудили. У нас всего было поровну: и отличников, и лома, и макулатуры. Только из-за этих концертов бешки на целых тридцать очков больше набрали! Конечно, хор у них законный: весь класс поет. Но, во-первых, у них в классе всего двенадцать мальчишек, и все соревнуются. А у нас мальчишек двадцать, а соревновался один только Суханчик. Но петь в хоре даже он ни за что не соглашается. А во-вторых, что бешкам не петь, когда у них Ленька Котиков запевает! Он в музыкальном училище занимается и в хоре мальчиков ведущий солист. Я сама слышала, как завуч в учительской говорила: «Конечно, Котиков-ученик — не клад, едва на тройки тянет. Но зато в хоре мальчиков он ведущий солист!». У Леньки голос почти как у Робертино Лоретти. Конечно, и мы бы концерты давали, если бы у нас Робертино запевал! Катя даже предлагала письмо в Италию написать, чтобы Робертино нам ответил. Вот бы бешки удивились! Вот бы здорово было! Пойте, пойте с вашим Лёнечкой, а мы — с самим Робертино переписываемся!..

Но пока мы собирались да раскачивались, у Робертино горло заболело, операцию какую-то ему делали, а потом он вообще петь перестал. Погубили талант, капиталисты проклятые! А Ленька за это время все двойки исправил и по телевизору два раза выступил. В общем, хор пятого «Б» дал в прошлом году пятнадцать

концертов своим шефам на заводе. За это пионерскому отряду бешек присудили первое место.

Ах, если бы всегда было так, как сегодня, не видать бы бешкам ни первого места, ни Москвы! Какой сегодня был диспут!

* * *

Инна подняла голову от тетрадки и увидела: за окном, на Аллее Героев, падали крупные мохнатые снежинки.

Первый снег! Инна подошла к окну. Пушистая белая пелена уже прикрыла асфальт и скамейки на аллее. На тонких и тёмных веточках берез и тополей выступил нежный пуховый кант. Лёгкая снежная шапка лежала на крыше телефонной будки, стоявшей против Инниного окна. И вдруг Инна увидела, как по первому снегу, оставляя за собой неуклюжие следы, бежит к автомату Толька Суханов. Без пальто, в одной только ушастой шапке, размахивая какой-то бумажкой, Толька влетел в будку и закрутил диск автомата.

«Интересно, кому это он так срочно звонит...» — подумала Инна.

Рядом, на столике, зазвонил телефон. Инна сняла трубку.

— Можно Инну к телефону? — раздался не по-Толькиному вежливый Толькин голос.

— Суханчик! Что случилось? — закричала удивленная Инна, глядя на Тольку через окно.

— Вося! Я стихи написал. Слушай...

Каким необыкновенным был этот день! И первый снег. И диспут! И этот разговор с Толькой, как по видеотелефону, о котором она недавно читала в журнале «Техника — молодежи». Она слушала и думала о далёких луна-тиках, которые там, у себя на Луне, совсем как

Только Суханов, не знают своей лунной математики, и о том, что у этого двоечника Только все-таки хорошая, пионерская душа...

А за окном, на Аллее Героев, падали крупные мохнатые снежинки, засыпая тонкие березы, стройные ёлочки и неуклюжие Толькины следы.

Вторая четверть самая короткая: не успеешь оглянуться, а уже и декабрь кончается. И уже по всему городу несут ёлки: кто в обнимку, кто на плече. А ёлки машут пушистыми маковками, словно манят за собой,— не хочешь, да пойдешь! А и уколются, так не больно, а так — по привычке: ёлка, да чтоб не кололасы!.. На всех балконах ёлки. На улицах ёлки. В троллейбусах ёлки. У базаров очереди за ёлками. Не город, а хвойный лес! Скоро Новый год!!!

Вторая четверть самая короткая и самая вредная: как ни коротка она, а кое-кто, умеючи, успел нахватать двоек за её короткие зимние дни! Конечно, без двоек ни одна четверть не обходится. Не дожили ещё до такой сознательности. Но в любой другой четверти исправить двойку не проблема! Как почувствуешь, что четверти конец, садись — зубри, а потом бегай за учителем, проси, уговаривай, чтоб спросил. Клянись, что это в последний раз, что ты осознал свои ошибки. Ни один учитель не устоит — спросит! Вот тебе и нет двойки! Так все всегда делают... Только во второй четверти всё не так. Спросите любого двоечника, он вам то же скажет... Потому что в конце второй четверти по всему городу, как в лесу, пахнет хвоей. И несут по улицам ёлки. И на всех балконах ёлки. И в трамваях тоже ёлки. И никаких сил нет учить алгебру или историю. И как ты ни старайся, сколько над учебниками ни сиди, в

голову лезет одна-единственная мысль: скоро Новый год!

Новогоднее столпотворение началось в шестом «А» дней за десять до каникул.

Перед последним уроком в класс забежала старшая вожатая Татьяна Сергеевна.

— Ребята! Вашему классу выпала честь...

— Ну, раз выпала честь, значит, опять или лом собирать, или ещё что-нибудь в том же духе! — перебил вожатую Толька.

— Не угадал, Суханчик! Не угадал! Сегодня вам выпала, по-моему, очень весёлая честь.

И от этих слов вожатой, и оттого, что она сказала не «Суханов», а «Суханчик», всем стало весело.

— Надо в зале на стенах лампочки переменить. Понимаете, мы к Новому году достали разноцветные лампочки. Чувствуешь, какая красота будет! — Татьяна Сергеевна весело дёрнула Тольку за вихор и, зажмурившись, продолжала: — Люстру погасим, и будут гореть только по стенам разные-разные огни: зелёные, красные, золотые...

Толька тоже зажмурился и крикнул:

— Серебряные!

— Ой, Танечка Сергеевна! Это нам не честь, это нам радость выпала... — пискнула Наташа.

Тала Стрепетова сказала:

— Ты, Наташка, такая у нас чувствительная! Только бы тебе умиляться! Подумаешь — «радость», «честь»... Не всё ли равно — честь или радость, лишь бы весело было!

Тут Толька, услышав слово «честь», вспомнил свою любимую песню и гаркнул на весь класс:

Трусов плодила наша планета,
Все же ей выпала честь! Да-да!

И все подхватили:

Есть мушкетеры, есть мушкетеры,

Есть мушкетеры, есть!

Все пели и смеялись. Всем было так весело, словно уже пришёл праздник и уже вспыхнули яркие ёлочные огоньки.

После уроков все помчались в зал. Никто не сказал, что ему или некогда, или надо в музыкальную школу, или ещё куда-нибудь! Всё-таки ёлка есть ёлка — все ее любят: и девочки, и мальчики, и большие, и маленькие.

В зале, возле сцены, стояла на двух сдвинутых стульях огромная коробка. В картонных гофрированных упаковках лежали лампочки. Упаковки были похожи на маленькие гармошки. Из каждой гармошки выглядывала цветная лампочка, гладкая, как огромная стеклянная бусина. На подоконнике стояла Татьяна Сергеевна и, вытянувшись и поднявшись на носки, ввёртывала зелёную лампочку в трехрожковое бра. Видно, и ей, как девчонке, просто не терпелось скорей погасить люстру и включить цветные огни.

Все сразу налетели на коробку. Поднялся такой шум, как в тот памятный день, когда в школьный буфет, по ошибке, раз в жизни привезли мороженое... Но все успокоились быстро, потому что лампочек было много, и каждому досталось по две, а то и по три лампочки. Работали быстро и молча. В зале было тихо. Девочки держали с двух сторон расшатанные стулья, поставленные на старые парты. А мальчики, стоя на этих стульях, засовывали в карманы курток и брюк старые лампочки и укрепляли новые, которые им подавали снизу.

В тишине было слышно, как скрипят стулья. И на каждый скрип девочки испуганно

ахали, а мальчишки снисходительно говорили:

— Это нам что! Подумаешь!

— Мы и повыше залезали...

И ещё что-то похожее.

Конечно, никто не боялся, что мальчишки упадут. Во-первых, все они, действительно, лазали и повыше и прыгали не с такой высоты. Во-вторых, девочки так крепко держали стулья, что и захочешь — так не упадёшь! Но всем было приятно видеть, что мальчишки дружно работают и стараются. И казалось, что они всегда такие старательные и дружные. И как же было не поахать, не поволноваться и не попереживать за таких хороших мальчишек!

— Ой, девочки, всё так хорошо, как будто мы опять жёлуди собираем,— тихонько вздохнула Наташа Парфёнова.

— А у нас всегда бывает хорошо, когда наши мальчишки на людей похожи,— откликнулась Инна и ещё крепче ухватилась за стул, который держала вместе с Наташей. На стуле стоял Саша Антошин. Он посмотрел на девочек сверху вниз:

— А мы всегда похожи на людей, когда делаем дела! Дела-а...— многозначительно протянул он.

— И никакой говорильни,— подхватил Толька, который не мог не ввязаться в разговор.

— Дела! — ещё раз повторил Саша.— А без нас вон они, ваши дела, на сцену выскочили. Видали? Все работают, а она...

Все посмотрели на сцену. Освещённая цветными огнями, стояла на сцене Тала Стрепетова. Она сунула руки в гофрированную гармошку из-под лампочки, словно это была муфта. Она улыбалась и вертела этой гармошкой направо и налево, совсем как Людмила Гурченко в фильме «Карнавальная ночь». Увидев, что

все смотрят на неё, Тала притопнула каблуками и пошла по сцене весёлым, танцующим шагом. Остановившись у самого занавеса, Тала шевельнула плечом, вытаращила круглые глаза и стала ещё больше похожа на Людмилу Гурченко.

Я вам песенку спою про пять минут.

Эту песенку мою пускай поют!

Конечно, все сразу бросили работу и усталились на Талу. Толька Суханов сидел на своём возвышении и держал в руках такую же, как у Талы, упаковку от лампочки. Но у него она была, конечно, не муфтой! Перебирая пальцами по картонной гофрировке, Толька играл на воображаемом баяне и пел вместе с Талой:

Пять минут — так немного. .

Он на правильном пути,

Хороша его дорога!

— Стрепетова! Суханов! — В дверях зала стояла сердитая Александра Викторовна. В руках она держала классный журнал. Стало тихо.

И в этой тишине Александра Викторовна сказала усталым голосом:

— И как вам только поётся! Ведь я только что с педсовета. У тебя, Стрепетова, по всей математике в четверти двойки намечаются.

— Александра Викторовна, так это же вторая четверть! — сказала Тала.

— Ну и что?

— А то, что в третьей четверти я всё исправлю! А вторая — самая короткая и самая вредная: двоек нахватаешь, а исправлять некогда...

— Как это некогда? Ещё десять дней впереди. Занимайся, повторяй, можно всё подготовить.

— А когда же я буду к ёлке готовиться?

— Нет, с тобой невозможно говорить! — не выдержала Александра Викторовна. — И вообще, я удивляюсь: вы ищете небывалых дел. Я не против, ищите! Но грош цена всем вашим самым небывалым делам, если у нас в классе будут неуспевающие... Ведь ваше первое дело — учёба! Это же само собой разумеется. Мне об этом и говорить-то вам надоело! Ну хоть были бы вы у меня какие-нибудь тупицы, а то ведь вы все — один к одному... Да неужели вы хуже шестого «Б»?

— О, шестой «Б»! — перебила Александру Викторовну вожатая. — По шестому «Б» в учёбе вся школа скоро начнёт равняться! Они теперь без троек учатся, а про тройки, знаете, как говорят? «Тройка — это серость, это посредственность. Что может быть хуже серости?»

— А вот, выходит, мы со Стрепетовой даже серости хуже... — попробовал Толька отшутиться.

Но обиженной Тале было не до шуток:

— Подумаешь, какие передовые! Они это про тройки не сами выдумали, а в «Пионерке» вычитали. А мы, если возьмемся, так тоже... Правда, Суханчик?

— Да я что? Да я — пожалуйста... — пожал плечами Толька. — Но лучше, если за меня кто-нибудь возьмется такой, у кого сильная воля. А то один я буду теперь про ёлку думать, про эти вот лампочки разноцветные...

— Кстати, я забыла вам сообщить, — сказала Александра Викторовна, — в этом году ёлка у нас будет не утром, как всегда, а вечером. Большие вы стали. Вот нам и разрешили устроить ёлку вечером и даже что-то вроде «Голубого огонька» — ну, там столики под ёлкой, чай, печенье, чтоб было не по-казённому...

И тут началось такое, что не придумаешь!

Все забыли не только об успеваемости, но и о разноцветных лампочках! Все прыгали, скакали, кружили по залу Александру Викторовну и Татьяну Сергеевну и так кричали «ура», что в зал заглянула уборщица тетя Дуся. Она начала было стыдить всех за такое безобразие, но, увидев, что вместе с ребятами танцуют вожатая и учительница, смолкла, заулыбалась и вдруг спросила радостно:

— Да неужто кто на Луну полетел?

Всю жизнь им говорили: «Большими станете — будете вечера устраивать. А пока для вас и утренник хорош». Как лом собирать, так другое говорили: «Вы уж не дети!». А как праздник, так сразу: «Малы ещё для вечеров, и утренник сойдет».

И вот наконец-то и у них будет вечер! Не утренник, а вечер!

— Это будет такой вечер, такой вечер! — кричала Тала. — Лучший вечер в мире. Самое главное, чтоб было как в «Голубом огоньке»: столики, чашечки и кофе...

— Конечно, это не самое главное, — перебила её рассудительная Катя. — Но, конечно, будет жалко, если без столиков. Ведь можно всё украсить. Да под нашими разноцветными лампочками! Знаете, какая будет красота!..

Все даже вздохнули, представив, какая это будет красота.

— А еду где возьмем? — крикнул Толька.

— Ну вот, конечно! Кому что! Кому — красота, кому — обжираловка.

— Нет, правда, сами сказали: столики. А на столиках-то что? — не отступался Толька. Поднялась Катя и заговорила, загибая палец за пальцем:

— Я предлагаю: первое — еду, конечно, из

дома принесёт каждый. Но чтоб не по целой авоське, как в желудиные походы! Второе — каждый принесёт две вкусности, одну себе, другую товарищу.

— Как это?

— Ну вот, например, я принесу два пирожка: один себе, другой еще кому-то. Или два бутерброда, или две конфеты.

— И-и, две конфеты... — протянул Толька. — Это понюхать только и достанется.

— Ну ладно, — согласилась Катя, — конфеты — это не еда, а одна радость. Конфет можно не две, а побольше. Согласны?

— Согласны!

— А третье, — Катя загнула ещё один палец, — давайте устроим наше кафе, кафе нашего класса. И назовем его как-нибудь интересно...

— «Дружба»!

— «Девчонки и мальчишки»!

— «Три мушкетера»!

— Нет, знаете, как назвать надо? — сказала Катя. — Надо, чтобы это слово оканчивалось на Ш, К и А. Понимаете? Ш, К и А. Значит — шестой класс «А». Ну, вот, например, «Чашка» или «Вышка». Только, конечно, чтобы и по смыслу подходило.

— Здорово! — сказал Толька. — Сейчас придумаю.

Но что-то он никак не мог ничего придумать. И все тоже не могли ничего придумать. Слова с окончанием на «шка» вылетели у всех из головы. Даже Александра Викторовна и та думала, сдвинув брови и бормоча какие-то слова, но придумать тоже ничего не могла. Было тихо, как во время контрольной работы. И в этой тишине раздался задумчивый голосок Наташи:

— Кошка и мышка.

— Ну и что? — спросил Миша Букин.

— Ничего. Сразу два слова на «шка».

— А какое отношение имеют к нам кошка и мышка?

— Ну ты придумай! — обиделась Наташа.

— Да не ссорьтесь вы! — вскочила Тала. — Я придумала: вот бывает кукла с колокольчиками, неваляшка, знаете? Ну а мы назовём наше кафе «Веселяшка»!

— Ты ещё скажи: «траляляшка», — мрачно сказал Вова Дегтяренко.

Никто не засмеялся. Всем было ясно, что «Веселяшка» — это не то. Все думали.

— Эй, ребята, догадался! Эх и догадался! — Все обернулись к Тольке. А он выскочил на сцену и выпалил: — «Кормушка»! Понимаете, «Кормушка»! И на «шка» кончается, и по смыслу подходит.

Тут поднялся такой хохот, что в дверь опять заглянула тётя Дуся. Смеялась и Александра Викторовна, и все ребята, и сам Толька. Когда все немного успокоились, Инна сказала:

— Нет, «Кормушка» — конечно, весело. Но как это у нас получится: «Кормушка» шестого класса «А»? У людей «Огонёк», а у нас «Кормушка»! Надо, чтоб был «Огонёк» шестого класса «А».

— Огонёк — шка!.. — задумчиво сказала Катя. — Огонёшка...

— Огонёшка! — закричали сразу Тала, Инна и Толька. — Огонёшка!

Опять все закричали и захлопали в ладоши. На сцену вышел Саша Антошин и сказал:

— Позвольте ваши аплодисменты считать за единодушное одобрение этого великого слова!

Все ещё раз захлопали. Кто-то крикнул «ура». Саша поднял руку.

— Я тоже предлагаю. Саранская, считай на пальцах. — Он посмотрел на Катю. — Первое:

всем придумать для нашей «Огонёшки» по одному веселому делу. Второе: держать свои выдумки в секрете! Третье: как хотите, а я предлагаю за эти две недели догнать бешек, чтоб и у нас троек не было. А кто с тройкой останется — на «Огонёшку» не пускать. Кто «за»?

Все были «за». Тала и Толька тоже подняли руки «за». Не потому, что они решили исправиться, а просто потому, что в такой чудесный момент оба они думали не об отметках, а о том, что скоро-скоро придёт этот необыкновенный день: вспыхнут на стенах зала цветные огоньки, засверкает красавица ёлка, и все-все вместе, весь шестой «А», усядутся за столы лучшего на свете кафе «Огонёшка».

Домой Саша и Толька шли вместе.

— Толька, я тебе ещё раз по-честному говорю, чтоб потом не обижался. Исправляй отметки, а то не бывать тебе на «Огонёшке». Хочешь, помогу?

— А я и без твоей помощи исправлюсь. Думаешь — история, Юрий Долгий и Пипин Короткий.

— Не Долгий, а Долгорукий, — поправил Саша.

— Да я знаю! А вообще, мне об этом сейчас думать не хочется. У меня не то в мозгах!

— Тебе никогда не хочется.

— Ну и что? Да я, если хочешь, такое интересное придумаю, что вы меня ещё сами позовёте. Со всеми моими тройками.

— Точно, Суханчик! — подхватила Тала. Она шла сзади и слышала, о чём говорили мальчики. — Я тоже вот думаю: придумаю-ка я для «Огонёшки» такое, что все ахнут! И пустят! Ну как меня не пустишь — самую весёлую, самую поющую! — Тала сложила на груди руки

и опять сделала лицо, как у Людмилы Гурченко. Саша с досады отвернулся.

— А ты не сердись, Саш! — сказал Толька. — Я вот недавно читал одну пословицу: «Если двое думают одинаково, значит, они думают правильно». Вот мы со Стречкой думаем одинаково...

— Значит, мы думаем правильно! — снова подхватила Тала.

— А ну вас! Лодыри вы оба одинаковые, — сказал Саша. — Но учтите: хоть сто пословиц вычитывайте, хоть сто дум выдумывайте — с тройками на «Огонёшку» ни один человек не пройдет!

— Нет, просто жить людям не дают! — возмутилась Тала. — Бывало, двоек нет — и то спасибо говорили. А теперь до чего избаловались: и тройка им не отметка!..

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

24 декабря

Сначала я побаивалась, что Сашка сгоряча похвастался. И что нам без троек просто невозможно. Но сегодня он ходил по классу и записывал всех, у кого тройки, подбирая — кто кому помогать будет.

Я отвечаю за Валю Петрунину: у неё по русскому письменному тройка. Бобочка и Дегтяренко по географии будут заниматься. А Наташа, так та прямо сказала, что она открывает кружок для троечников по английскому.

Так что с учёбой у нас теперь тоже небывалое дело!

Только Талка и Суханчик что-то не очень волнуются. Хотя одну четвёрку по алгебре

Талка уже получила. Но от радости сразу успокоилась и опять учить уроки перестала. У неё теперь одна «Огонёшка» на уме. Да и у всех тоже!

Всё-таки всё зависит от учителей! Хотя они и говорят, что всё зависит от нас. Конечно, если бы они так не говорили, то мы и совсем бы перестали своей головой думать. Но зависит всё от учителей. И нам так повезло, что у нас Александра Викторовна! Мы её все так любим! Ведь вот никто не заметил, а она заметила, что Антошин опять злой ходит. Был-был весёлый и «Огонёшке» радовался, и вдруг опять — молчит, злится, и не понять, что к чему. Александра его спросила, в чем дело. Дело было, конечно, в том, что мальчишки опять не хотят ничего выдумывать. Конечно, они хотят! Но ничего они выдумать не могут, вот и говорят, что не хотят, чтоб не стыдно было. И опять «говорильней» прикрываются. Ну, Александра Викторовна и сказала, что надо их заинтересовать чем-то таким, чтобы им прямо завидно было!

Сидели они с Сашкой вдвоем и думали, а я просто рядом список успевающих составляла. И вот она ему говорит:

— А вы договоритесь, что все мальчишки придут в костюмах мушкетёров. Представляешь: входят в зал семнадцать мушкетёров!

А Сашка говорит:

— Минус один. Потому, что у Суханова по истории двойка будет.

— Ох, уж этот мне Суханов да ещё Стрепетова! — говорит Александра Викторовна... Потом они с Антошиным ушли. И никто ничего не узнал. Только я сегодня видела, как Бобочка под партой показывал Мишке настоящее страусиное перо. Значит, для шляпы мушкетёрской! А Мишка на большой перемене шпа-

гу себе ножиком выстругал. И Сашка мне сегодня сказал:

— Раз уж ты всё знаешь, ты, во-первых, молчи. А во-вторых, помоги нам кружева для манжет накрахмалить.

Значит, мальчишки поддались на эту военную хитрость. Видно, права Ольга Фёдоровна: «Три мушкетёра» — вечная книга!

25 декабря

Говорят, Талка третий день бегаёт к театру, караулит, когда после спектакля выйдет знаменитая Ольга Королева, чтобы выпросить у неё костюм «весёлой вдовы». Вместо того, чтобы арифметику учить.

Катя сказала мне по секрету, что она всякими правдами и неправдами собирает у девочек несчастные альбомы со стихами. Катя хочет устроить так, чтобы на «Огонёшке» на каждом столике лежал такой альбом. Как увидят мальчишки, они так девчонок засмеют, что от альбомчиков ничего и не останется. Да, Кате хорошо. Ей всю жизнь приходят в голову всякие идеи...

26 декабря

А я придумала песню! Песню нашей «Огонёшки». В секрете я её не удержала, потому, что петь мы её будем вчетвером — Света, Катя, Наташа и я. Конечно, и Талка тоже пела бы. Но она всё за «весёлой вдовой» бегаёт, а о двойках и не думает... Песня получилась вот такая:

Огонёшка? Что ж такого!
Это слово есть у нас!
И придумал это слово
Наш веселый дружный класс.

Припев:

Непонятное немножко,
Пусть живет, как все слова,
Наше слово — огонёшка.
Наша дружба — огонёшка,
Наша песня — огонёшка,
Огонек шестого класса «А»!
Мы мечтали, мы хотели,
Чтоб всегда, в любой денек
Загорался в каждом деле
Этот самый огонёк!
И не мышка, и не кошка
Нас от скуки увела.
Зажигает «Огонёшка»
Небывалые дела!

И опять припев. Я думала, последний куплет про кошку и мышку надо выбросить. Я его так просто написала. Но он всем больше всех понравился.

Музыка в песне, по-моему, народная. Мы сами не знаем, как она у нас получилась. Одну строчку Света на пианино подобрала, вторую — Талка спела. Потом Катя ещё немножко подпела. И получилось! Правда, наша музыка всем что-то очень знакомое напоминает. И бешки, как слышали нашу песню, так стали кричать: «Халтурщики!». Но Талка сказала, что это чья-то песня в нашей обработке!

* * *

Чем ближе подходил день заветного праздника, тем беспокойнее становилось на душе у Тольки Суханова. Толька храбрился. Ему просто не верилось, что этот новогодний вечер может обойтись без его участия! Он знал, как ценится на всех вечерах и праздниках любой человек, который умеет веселиться и веселить других. А это у Тольки получилось!

Но чем ближе был день 30 декабря, тем тревожнее становились Толькины думы, тем чаще он начинал сам себя успокаивать.

«Ничего! Пустят...— думал Толька.— Нет такого закона, чтоб человека из-за тройки последней радости лишали. И потом я им скажу: «Сами виноваты! Если бы вы мне раньше сказали, что не пустите, я бы эту тройку давно исправил...»— А теперь, скажу, на вечер не пускаете? Человеку, скажу, и так тошно: тройка у него...»

Подумав так еще немного, Толька, кряхтя, доставал из папки учебник истории и садился к столу.

— Вот разозлюсь и выучу! Подумаешь! — громко говорил он сам себе, и раскрывал учебник, и начинал читать.

Но через пять минут Толька забывал про историю. Учебник как-то сам собой отползал в сторону, исторические имена и даты мгновенно вылетали из Толькиной головы, и он начинал мечтать.

...Вот в зале погас свет и вспыхнули цветные огни, и на столиках лежат конфеты и пирожки, а может, и пирожные... И все такие нарядные. И девчонки не в коричневых платьях, а во всяких там разноцветных... А на столиках — конфеты и даже пирожные! Александра Викторовна косы заколет не на затылке, а вокруг головы. Она на все праздники так делает. И станет такая красивая. И все запоют песню про «Огонёшку»... А на столиках — конфеты и пирожные. «Вот дались мне эти пирожные! — думал Толька.— Может, ещё никто и не принесёт никаких пирожных, а будет один чай... Чай? А? Кто же устроит чай? Про чай-то все и забыли!»

Толька обрадовался и стал мечтать дальше.

...Вот все сели за столики. А на столиках — конфеты и пирожные. А чаю-то и нет. И все скажут:

— Ах мы растяпы! Самое главное-то и забыли!

Или скажут:

— Чайку бы сейчас горяченького!

Или ещё можно сказать, как в пословице:

— Сухая ложка рот дерёт!

«Это я скажу эту пословицу, — думал Толька. — А все скажут: «Да, конечно». А Надежда Тарасовна скажет: «Ай да Суханов — молодец! Употребляет старинные пословицы. Они украшают нашу речь!»

«Или нет, — думал Толька. — Пусть про сухую ложку скажет кто-нибудь другой. Ну, хоть Инка Вострикова, она всегда свою речь украшает. А я лучше в это самое время распахну дверь, и все ко мне повернутся, а у меня в руках поднос, а на нём чай, чай — стаканы, стаканы, прямо много стаканов, и пар идёт, и ложечки позвякивают... И все скажут: «Да! Толя!». Так и скажут — не Толька, а Толя.

Да, скажут, Толя! Ты настоящий человек. Мы тебя не ценили. Спасибо тебе за чай, за сахар. А про тройку ты, конечно, позабудь. Ерунда какая: одна тройка! Ты нас извини. И садись к нашему столу, вот у нас тут лежат конфеты и пирожные. (Вот привязались!) И я сяду, и возьму одну конфетку — «Мишку» или там «Тузика».

Намечтавшись вволю, Толька спокойно ложился спать.

А наутро, когда он, не утерпев, поделился своей выдумкой с Сашей, он узнал, что чай взяла на себя Александра Викторовна. Толька огорчился, но сказал:

— Ну ладно. Я ещё получше придумаю!

— Ты лучше историю выучи! — сказал Саша.

— И выучу, — неуверенно ответил Толька.

Вечером все начиналось сначала. Учебник истории лежал открытым на той же странице, и Толька, подперев кулаком пухлую щеку, принимался мечтать заново.

«...Вот выйдут девчонки петь песню про «Огонёшку». А кто-нибудь скажет: «Жаль, у нас мальчики петь стесняются. Хорошо бы и у нас тоже мальчик пел, как Лёнька Котиков у бешек». А я скажу: «Пожалуйста! Вот он я. Я не стесняюсь. Я ради класса даже петь могу! Конечно, грустно петь, когда у тебя тройка. Но я готов и на это!» И все опять скажут: «Ах, какой ты молодец, Толя. Ты пой, не переживай, шут с ней, с твоей тройкой! Мы всем классом всё за тебя исправим...»

— Толя, Толя! — подбежала к столу Маринка. Она была в шубке и в шапочке. Из-под рукавов болтались на верёвочках пуховые варежки!

— Вот, вечно все испортит! Помечтать не дают! — рассердился Толька. — Чего тебе?

— Толя, Толя! Мама сказала, мы с тобой сейчас пойдем ёлку покупать!

Как тут было сердиться? Толька оделся, заглянул на спине у Маринки розовый шарфик, и они пошли к ёлочному базару.

У базара стояла толпа ребят, мам, пап и бабушек. Елок не было. На грязном снегу валялись у забора тощие голые деревца. Их ободренные, без единой иголки, ветки торчали, как рыбы рёбра. Под ногами шелестела осыпавшаяся хвоя, пахло лесом. Но ёлок не было. Маринка подняла мохнатую веточку, погладила её варежкой и вздохнула. Елок не было.

И вдруг все зашевелились. Мама закрича-

ли, что надо становиться в очередь. А папы без крика ринулись навстречу подъезжавшей машине.

Машина, медленно разворачиваясь, въезжала в ворота. Гудела сирена, шофер накручивал баранку. А из-за кабины, из-за высоких бортов топорщились душистыми, пушистыми ветками молодые сосенки. Это было чудесно! Кто сказал, что сосна — она и есть сосна? И что сосна — это ёлка не настоящая? Пусть себе говорят что угодно! Толька любил, когда дома, украшенная огнями и игрушками, стояла именно сосна, а не ёлка. И не только потому, что привезенные из далёких лесов ёлки догола осыпаются через каких-нибудь два дня. И не в том дело, что эти пушистые степные сосенки, растущие за городом, стоят зелёными и мохнатыми целый месяц. Просто Толька любил свой город и любил, чтобы в доме под Новый год стояла сосна — настоящая волгоградская ёлка...

Он отвёл Маринку к забору, чтобы её не затолкали в толпе, а сам полез к машине. В кузове уже стояли три папы и передавали вниз сосну за сосной. Каждую сосну папы сначала оглядывали с ног до головы: не взять ли себе? А потом протягивали её вниз. Там её уже подхватывали десятки рук, и кто-то счастливый уносил её домой.

Тольке досталась симпатичная сосенка с пышной зеленью и густой верхушкой. Он, прижимая её к груди, с трудом выбился из толпы, позвал Маринку, и они пошли домой.

— Теперь и наш балкон будет красивый, да, Толя, Толь?

— И наш будет красивый! — улыбался Толька.

Мама, увидев сосну, как всегда, ахнула и сложила руки на груди:

— Какая красавица! А пахнет, ребята, милые, пахнет-то как!

— Ой, ребята, милые! Она Дедом-Морозом пахнет,— закричала Маринка.

Мама стала открывать балконную дверь. За-трещали бумажные полосы оклейки, посыпалась замазка, в комнату рванулся морозный воздух. Толька вышел на балкон и поставил сосенку на снег, исхоженный голубями. По привычке Толька посмотрел вверх, на Сашин балкон. На нём тоже стояла такая же мохнатая сосенка. И на нижнем балконе была сосенка. Во дворе загудел мотор: это от хлебного магазина, где только что кончили выгружать баранки, отъезжал оранжевый фургон с надписью «Хлеб» на высоком борту. На месте, где стоял фургон, осталась лежать на снегу маленькая золотисто-жёлтая баранка. На неё сразу налетели откуда-то три нахохленных воробья, вцепились с трёх сторон в поджаристые бока. Но поднять не смогли и затюкали по баранке клювами:

— Тюк-тюк-тюк...

«Тук-тук-тук,— стукнуло Толькино сердце,— тук-тук-тук!» Толька смотрел вниз и радостно чувствовал, что он, наконец, придумал такое, что ему нечего теперь опасаться! Тук-тук-тук— стучало в груди. Тюк-тюк-тюк — подпрыгивали и чирикали воробьи вокруг своей румяной добычи. Толька смотрел, смотрел, смотрел, и маленькая круглая баранка вырастала постепенно в огромное золотое солнышко, под лучами которого шевелились усаые колосья, гудели комбайны и пахло летом, полынью и жаркой степной пылью.

— Толя! Закрой балкон. Ты же нас заморозил! — крикнула мама.

— Нет, не дают помечтать человеку! — ска-

зал Толька. Но сказал не сердито, а счастливым, спокойным голосом: он теперь точно знал, что ему делать.

Тала Стрепетова тоже нет-нет да и вспоминала о том, что их с Толькой не пустят на «Огонёшку». В глубине души и она, как Толька, надеялась, что ребята забудут своё решение, пожалеют бедных троечников и всё будет хорошо. Но время шло. Все весело и таинственно готовились к вечеру. Многие секреты выплыли наружу и перестали быть тайной, но ребята, не сговариваясь, старались делать вид, что никто ничего не заметил и что тайна осталась тайной.

Первым выдал всех мушкетёров Бобочка Орловский. В тот день, когда Инна крахмалила марлевые оборки для мушкетёрских манжет, Бобочка забыл дома предназначенные для этой цели старинные бабушкины кружева. Сначала он погорчился, но потом решил, что он, если захочет, не хуже Инны сможет накрахмалить всё, что угодно. На уроке географии Инна получила записку: «Скажи, как крахмалить. Что во что класть и чем мазать? Вова О.». В другой раз Инна ни за что не стала бы отвлекаться на уроке, но тут дело касалось «Огонёшки». И она написала:

«Ничего не надо мазать. Купи крахмал, из которого варят кисель, и свари, как кисель, только пожиже. А потом погладь. Понял? Инна В».

Вечером Бобочка пошёл в гастроном.

— Крахмала нет.

— А как же кисель варить? — грустно спросил Бобочка.

— Вот, пожалуйста, готовый кисель. — Про-

давщица протянула ему два разноцветных брикета.— Вам какой: вишнёвый или ежевичный?

— Мне всё равно,— сказал Бобочка.— А как его варить?

— Тут на упаковочке всё написано! — объяснила продавщица.

Когда Бобочка, сунув в карман пачку ежевичного киселя, пошёл от прилавка, он услышал, как продавщица сказала подруге:

— До чего приятно! Смотри, какой пацанчик хозяйственный!..

Окрылённый такой оценкой, Бобочка пришёл домой и, тщательно изучив инструкцию на кисельной упаковке, заварил полтора литра настоящего тёмно-лилового киселя. Когда кисель был готов, он показался Бобочке слишком густым.

«А Вострикова написала «вари пожиже»...— вспомнил Бобочка и бухнул в кастрюлю ещё литр кипятку. Кисель стал пожиже, но цвета не изменил. Но так как про цвет Инна в записке не написала ничего, Бобочка ещё раз бултыхнул своё варево деревянной ложкой и сунул в него кружевные воротники и оборки, которые бабушка вчера достала со дна сундука. Белое кружево в один миг стало тёмно-лиловым и опустилось на дно кастрюли. Бобочка потыкал в кисель ложкой и пошёл звонить по телефону Инне Востриковой, чтобы спросить, долго ли должны вариться эти самые кружева.

Как стала известна в классе эта история, никто не знал. Может, Инна не утерпела и рассказала какой-нибудь подружке. Может, Бобочка поделился с закадычным другом. А может, бабушка ходила к директору: увидев свои кружева в кастрюле с киселём, она дала Бобочке честное слово, что это ему так не пройдёт.

Никто над Бобочкой не смеялся, все ему сочувствовали. Но о мушкетёрах узнали все!

Время шло. Только Суханов сказал Тале, что он обеспечил себе пропуск на новогодний вечер. И Тале стало не по себе. А вдруг они не забудут и троечников не пожалеют? Она, как и Только, решила сначала сесть за учебник и взять геометрию штурмом. У Талы был давно выработан особый метод учения уроков. Садясь за письменный стол и не надеясь на своё терпение, Тала ставила перед собой папино бритвенное зеркало. Чуть только отвлечёшься, оторвёшься от книги — сразу видишь себя в зеркале и сразу вспоминаешь, что надо учить! Но на этот раз от зеркального метода не было толку. Потому что, как ни крути, одна тройка у неё всё равно осталась. И от этого у Талы портилось настроение, а от плохого настроения формулы и правила было невозможно запомнить. И Тала поняла, что надо действовать по-другому.

Утром перед уроками она подсела к Наташе Парфёновой:

— Как хотите, девочки. Как хотите, а мне Суханчика жалко!

— А что с ним случилось? — спросила сердобольная Наташа и посмотрела на Только, который, не подозревая, что говорят о нём, жевал какую-то лепёшку.

— Как — что случилось? — удивилась Тала. — Он страдает! Не подумайте, что я о себе волнуюсь. Я-то переживу, не заплачу. Но Суханчик-то, погляди, как страдает!

Наташа взглянула на Только ещё раз, и ей показалось, что он и правда какой-то не такой, как всегда. Но рядом стояла принципиальная и решительная Катя Саранская.

— Что-то не видно, чтобы он страдал, — ска-

жала Катя.— Вон он второй коржик доедает.

— А что ж ему, с голоду умирать? — возмутилась Тала.— Ну съел человек коржик...

— Когда человек страдает, так ему никакой коржик в горло не полезет!

И тут Тала не выдержала:

— Ах, не полезет! Ах, не страдает!.. А может, он виду не подаёт, как он страдает! Ещё бы, как пять лет он один из мальчишек вместе с нами соревновался — так это ничего! Как он один лом собирал и к старушкам Овсянниковым таскался, и везде был с нами, — так это все забыли! Я уж не говорю, что я придумала про жёлуди. Я-то что? Я — переживу, не заплачу! А теперь вы его на «Огонёшку» не пускаете?.. Всех пускаете, а его не пускаете! А за что твоего Антошина пускать? За что?

Катя хотела сказать свою знаменитую фразу насчёт того, что она равнодушна к Саше Антошину, но Тала так разошлась, что её было уже невозможно остановить

— Молчи, пожалуйста! — крикнула она Кате.— Знаем мы; кто к кому равнодушен. Подумаешь, какой сознательный стал! А что он сделал? Палец о палец не ударил! Придумал это дурацкое соглашение, с которым только ты одна согласна! Ну, Людочке Сергеевой на диспуте правильно сказал, чтоб по бумажке не говорила. Так ведь это не он догадался, это ещё Пётр Первый догадался! И с мушкетёрами у него ничего не получается! — Тала перенела дух.

Инне вдруг стало страшно. Она видела, что к Талкиным словам прислушиваются все в классе, она чувствовала, что сейчас Тала со зла скажет ещё что-нибудь такое, от чего разлетится всё хорошее, всё дружное, что только-только начиналось у них в классе. Но странно:

Инна — отличница и выдумщица, лучше всех отвечавшая по литературе, — не могла слова сказать от волнения.

А Тала, передохнув и уже немного остыв, высказалась до конца:

— Вот посмóтрите! Вот помянете моё слово: сядут ваши мушкетёры за ваши столики, сожрут ваше угощение, и всё. И всё! И с тоски вы пропадёте на вашей «Огонёшке» без меня и без Суханчика. Знаю я вас: только зубрить умеете да соглашения сочиняете. А больше-то уж — ни в дудочку, ни в сопелочку...

Прозвенел звонок, и входящая в класс Надежда Тарасовна услышала последние слова Талиной взволнованной речи.

— Молодец, Стрепетова! — сказала Надежда Тарасовна. — Употребляет народные речевые обороты. Они украшают речь.

Начался урок литературы.

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

28 декабря

Не знаю, чем всё-таки наша Талка всего добивается — умом или криком! Наверно, она в свою маму уродилась: как там они с Талкиным папой ни спорят, всё по-маминому получается.

Когда сегодня Талка кричала, что наши мушкетёры только всё съедят и больше от них толку не будет, что Антошин у нас ни в дудочку, ни в сопелочку, я думала, всё пропало! Думала, попадёт теперь Талке от мальчишек на первой же перемене и, главное, не станут они мушкетёрами наряжаться.

Но никто Талку не тронул. Зато мальчишки на переменах весь день собирались в коридоре у окна и о чём-то там разговаривали и руками размахивали. А под конец Антошин всех оставил в классе и сказал, что совет отряда решил переменить своё решение: пусть троечники тоже приходят на «Огонёшку», если только они не боятся смотреть правде в глаза. И пусть, говорит, они потом не обижаются!..

С чего это он такой добренький стал?

А когда уходили домой, Дегтяренко сказал Талке: «Ну, Стречка, запомнишь ты эту «Огонёшку»? Узнаешь, кто у нас в дудочку, кто в сопелочку...»

Вот и добилась Талка своего: будет всё-таки на «Огонёшке», хотя у неё одна тройка и осталась.

Да и пусть. А то уж, правда, жалко и ее, и Суханчика.

* * *

Саша и Толька вели домой своих Маринок. Девочки тащили за верёвочку санки, в которых сидели два безухих медвежонка — чёрный и белый, и тихонько вспоминали, когда и кто оторвал у медведей их плюшевые уши.

— Слушай, Толька, ты там стихи какие-то сочинил...

— Сочинил. Про космос. Ну и что?

— Да вот надо нам стихи сочинить про одного человека. Такие стихи, чтоб этот человек их на всю жизнь запомнил.

— Это про Талку?

— Про неё. Скажи, как это у тебя всё сочинилось?

— Раз про Талку, то и про меня надо сочинять. А я сам себе не враг! Сами сочиняйте. Я ведь тогда ни у кого не спрашивал, как и что.

какую рифму куда девать. Ты не думай, стихи писать просто: садись за стол и помни, что главное, чтоб были мысль и чувство! Не веришь — у Инки спроси...

— А если прозой, разве хуже? — спросил Саша.

— Почему хуже? Прозой лучше! По-моему, «Три мушкетёра» в три раза лучше, чем «Белеет парус одинокий...» Даже не в три, а в сто раз! — крикнул Толька. Но, подумав, добавил: — Только этих мушкетёров там не три, а целое войско. Попробуй рассказать своими словами — все мушкетёры на одно лицо, и ни одного не упомнишь. А этот парус, хоть мы его и не проходили, а запомнился на всю жизнь слово в слово. Правда?

— Правда.

— И как увидишь где какой-нибудь парус, так сразу и вспоминаешь: «Белеет парус одинокий в тумане моря голубом...»

— Толька, а если басню попробовать написать?

В это время у Маринок опрокинулись санки, медвежата упали в сугроб, и Тольке пришлось доставать их и отряхивать. Саша помог девочкам перевернуть санки, и они поехали дальше.

— Басню? — переспросил Толька. — Басню ещё проще, чем стихи. Бери какого-нибудь зверя. Вот хоть медведя или волка. А ещё лучше — осла. Так все басенщики делают: напишут про какого-нибудь человека, что он — осёл. И всё. Вот тебе и басня. И все смеются.

— А если не смешно?

— Ну, всё равно смеются. Потому что, если ты над ослом не будешь смеяться, люди подумают, что ты и сам осёл. Вот и смеются... Ну и мораль какую-нибудь ослиную приделать.

— Например?

— Например:

Учитесь, милые ослы,
Не то вам — двойки и колы...

— Здорово у тебя получается! — сказал Саша.

— И у тебя получится! Самое главное — терпение: не вставай из-за стола, пока стихи не напишешь! Обедать позовут, а ты сиди, пиши. Ужинать — а ты пиши! Наголодаешься, разозлишься и — напишешь. Есть захочешь, так напишешь, — учил Толька Сашу. И добавил: — Такие стихи, как я, любой может написать.

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

1 января

С Новым годом! С новым счастьем!

С Новым годом, с новым счастьем! Только и слышно вокруг: с Новым годом, с новым счастьем! И все ходят и правда счастливые.

Мы с мамой вчера пироги пекли и торт ореховый делали. И ёлку украшали. И вспоминали, как я была маленькая и как мы с ней ходили ёлочные игрушки покупать. И мама говорит, что она до сих пор помнит, когда какую игрушку покупала. А я зато помню, как пахли ёлки тогда, когда я была маленькая. И наши старые ёлочные игрушки пахнут теми ёлками. А мама смеётся и говорит, что я это выдумала. А когда мы с ней ёлку украшали, смотрю, она потихоньку отвернулась, а сама какой-то там фонарик нюхает... И торт у нас в духовке не осел и не пригорел. И мороженое в холодильнике не растаяло. И папа, как знал, подарил

нам то, что нам больше всего хотелось: маме — духи «Рябинушка», а мне — «День поэзии». Правда, там Роберта Рождественского нет почему-то. Есть на него пародия. Но ничего, не очень обидная...

Но самое главное — это наша «Огонёшка». Как бы мне всё записать по порядку и ничего не забыть!

Всё было в зале чудесно, как никогда. И даже никто не заметил, что были не трехногие столики, как по телевизору, а обыкновенные наши школьные, из буфета. Зря мы с девочками переживали, что с четырёхногими столами будет неуютно. Еду все принесли накануне, а то потом в карнавальных костюмах было бы не до еды. И даже еда и та у нас получилась весёлая. Все принесли всего по два: Катя — два пирожка с маком, Мишка Букин — две охотничьи колбаски, Бобочка — два яблока, Антошин — два бутерброда с маслом, с селёдкой и с настоящим зелёным луком, а Толька — (всё-таки опять больше всех принес, но все были довольны!) — две здоровые банки с вишнёвым компотом. Компот этот он сам у себя на даче варил и в банки закручивал. Потом были ещё у нас и ватрушки, и коржики, и сыр-ки глазированные, и пряники, и конфеты, и орехи, и всякая всячина. Всё переделали, всё на столики поставили. И на каждый стол Катя положила конфетную коробку, перевязанную ленточкой. Все так и думали: конфеты. И как только сели за столики, так за каждым столиком нашёлся такой человек, которому больше всех не терпелось попробовать конфеточки. Ну и сразу все стали развязывать ленточки и доставать конфеты. А в коробках — альбомы со стихами! Девчонки закричали: «Это нечестно, выманила у нас альбомы, а может, это

тайна!». Но наши мушкетёры-то какие молодцы оказались! Вовка Марков встал, побрякал своей шпагой и сказал: «Миледи, если вам стыдно, закройте маской ваше прелестное лицо!» И стали все надевать маски. Все и раньше были в масках, но когда сели к столикам, все, конечно, маски снимали, чтобы есть было удобнее. Ну, опять надели маски, и я предложила: пусть теперь, когда никому не стыдно, каждый столик выделит мушкетёра, чтобы прочитать по одному стихотворению из альбома. Стали читать и смеяться.

Света села за стихи,
Пролила свои духи,
И смеется: «Хи-хи-хи,
Ах, как жаль мои духи».

И про чернослив читали, и про туфельку, которую гимназист поднял. И все хохотали до слёз. А Наташа сказала, что всё-таки эти альбомы не зря на свете прожили — хоть раз послужили людям для веселья!

Костюмы у ребят были разные. Вернее — у девочек разные. А мальчишки — ну прямо все как один мушкетёр к мушкетёру, и шпаги у всех, и шляпы у всех с полями. Только перья на шляпах разные — у кого страусиное, у кого просто голубиное. Во дворе, наверно, подбирали. Выделялся только один самый маленький мушкетёрчик: у него был розовый воротник и розовые манжеты. Это был, конечно, Бобочка в своих кисельных кружевах. И все опять вспомнили про кисель, и опять было весело. А девочки-то разрядились одна лучше другой: украинский у Светы и снегурочки у Кати, а Талка была Кубинская революция. Это

кто-то выдумал, что она бегала за «весёлой вдовой». Она бегала в театр, упрашивала пустить ее на репетиции, когда там готовили кубинские танцы. И Талка была в такой кубинской шапочке и в рубашке с погончиками, а на груди — кубинский флажок и значок с Фиделем. И пистолет на боку у неё был, а уж волосы она закрутила — наверно, две ночи так и спала с бигуди! Она танцевала кубинский танец, и нас всех научила, и опять одна танцевала и кричала «Патриа о муэртэ!». Так здорово было! И Антошин сказал, что за Кубу они прощают Талке оскорбления и «дудочку и сопелочку» и не хотят портить ей новогоднее настроение при всех, но пусть она всё-таки не обижается. И Букин и Дегтяренко преподнесли Талке огромный конверт, чуть ли не с противень. Талка хотела его распечатать, но мушкетёры закричали:

— Стречка, лучше дома читай, одна.

Ну, Талка положила конверт под ёлку. Суханчик мне сказал, что, наверно, в конверте были какие-то обидные стихи про двойки. Не знаю. А сам-то Суханчик был опять веселее всех! Нарядился он урожаем. Костюм-то у него так, ничего особенного: рубашка вышитая, сапоги да шляпа с колосьями, да ещё усы он приделал из этих колосьев. Только и всего. Но он догадался — взял в руки целую связку баранок, прямо на верёвочке, много баранок — килограмма, наверно, два. И как пошёл Толька плясать, да как начал своими баранками размахивать! А бараночки-то были поджаристые, звонкие-звонкие! Толька пляшет, а баранки — звяк-звяк! Не хуже, чем шпаги у мушкетёров. Потом, конечно, начал Толька всех этими баранками угощать. И все ели, хотя даже и есть никому не хотелось.

Смеялись ещё над Вале́й Петруниной. Она тоже пришла в костюме. У неё было зелёное платье и на руках и на ногах капроновые чулки, крашенные зелёными чернилами. А вокруг шеи — такой гофряный-гофряный жёлтый воротник, и из него торчит Валькина голова, а на голове — две жёлтые шишечки, прямо как глаза у лягушки. Да ещё эти руки и ноги зелёные. Мы и подумали, что она лягушка. А она обиделась и сказала, что она чайная роза. И на голове у неё — два бутона. Ох и смеху было!

А над входом в зал висела вывеска: «Кафе «Огонёшка», и пели песни про «Огонёшку», и про мушкетеров, и играли по очереди на дианино, и танцевали. Время прошло так быстро, что никто и не вспомнил о том, как Талка предсказывала, что у нас будет скучно, что мы всё съедим и больше делать будет нечего.

Съели-то мы, правда, всё. И было так весело-весело.

Да, я, кажется, поняла. Всегда будет весело и всем захочется жить дружно, если всё время выдумывать небывалые дела. И я теперь знаю, почему в других классах скучно. Потому что всё-таки это очень трудно — набрать столько интересных дел, чтобы их хватило на все классы и на всю жизни! И потом — а кто же будет делать неинтересные дела?

А жалко, что так быстро прошла наша «Огонёшка». Почему это всё хорошее так быстро проходит? И правда, как огонек: вспыхнет и погаснет. Мне сейчас даже кажется, что теперь нам уже ничего хорошего не придумать и нет больше никаких огоньков...

А впереди столько огней! Костры геологов. Вспышки электросварки. И ярче зарниц полыхают над степью ночные зарева урожайной

страды. Голубые прожекторы торжественных салютов. Добрые, верные огни семафоров. Светлое окно человека, который не спит до утра. И самый главный, и самый высокий огонь — Вечный огонь солдатской славы на земле твоего города.

Много огней зажигают на земле люди. Они и живут ради этого. Они живут и знают, что без этих огней на земле было бы темно и холодно, как бы жарко и яростно ни пылало над ней далёкое неустанное солнце.

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

9 января

Вот и кончаются каникулы! Через день — в школу.

Таких весёлых каникул у нас, по-моему, еще и не было! Ничего особенного в эти дни не произошло, но всем было очень весело. Наверно, когда у людей получается дружба, то и самые простые дела кажутся небывалыми. И их хочется делать и делать.

И каток мы на спортплощадке залили. И на ёлку в Дом союзов все вместе ходили — все в своих костюмах. Наши семнадцать мушкетеров получили за костюмы первый приз. И Толька тоже приз получил за свой «Урожай». На этот раз он пришёл весь в баранках: полпуда, наверно, купил. И всех угощал, даже Деда-Мороза.

Но больше всего нам понравился спектакль «Гибель эскадры». В театр ходили всем классом, с Александрой Викторовной. Сидели в ложах — четыре ложи наши были! Правда, мы немного опозорились. Сели в свои ложи, погас

свет, и вдруг как начал наш шестой «А» хрустеть вафлями от мороженого! Александра Викторова только руки на груди сжала и прошептала:

— Господи, ведь это театр, а не столовая!

Все начали поскорее есть, давиться, Катя платье мороженым закапала, Суханчик весь свой пломбир в рот засунул, чтоб не хрустеть. Так и сидел всю первую картину с полным ртом. И смех, и грех.

А потом он охрип из-за этого и даже болел. И из-за этого наши мальчишки бешкам в хоккей проиграли: Тольку с больным горлом мама на каток не пустила, а он у нас главный нападающий.

А Талка на каникулы уехала в Москву, к какой-то родне в гости. Вчера она прислала письмо Наташе. Пишет, что была на ёлке в Кремле и что там было так весело, так весело — почти как у нас на «Огонёшке».

* * *

Девятиклассника Костю Лазарева все в школе узнавали по голосу. Любой первоклашка, закрыв глаза, мог точно сказать, что это говорит не кто-нибудь, а именно Лазарев. Костя выступал у школьного микрофона не каждый день. Его приберегали для особо торжественных случаев, как Юрия Левитана для сообщений ТАСС. Когда по школьному радио раздавался почти левитановский Костин голос, все знали: случилось что-нибудь необычное...

В этот день Костин бас многозначительно гремел на каждой перемене: «Внимание! Всем мальчишкам шестых, седьмых, восьмых, девярых и десятых классов собраться после уроков в актовом зале. Всем мальчишкам! Собраться в актовом зале после уроков».

В школе творилось что-то невероятное. Все бежали от пионерской комнаты к учительской, от завуча к старшей вожатой и спрашивали, что случилось. Костя Лазарев от звонка и до звонка отсиживался в закутке, называемом радиорубкой. Дверь рубки открыть было невозможно: возле неё бушевала толпа мальчишек-пятиклассников.

— Почему пятые классы не собирают? — кричали пятиклассники.

— А мы что, не люди? — раздавались девчачьи голоса.

— Отвечай, Лазарев, а то не выпустим!

— Отстаньте вы от меня! — гудел из-за двери знаменитый голос. — Я вам русским языком говорю: я ничего не знаю. Идите в комитет.

Толпа отхлынула от двери, все бросились в комитет комсомола. Возле радиорубки остался один Толька Суханов. Он подождал, пока в конце коридора скроется последний, самый нерасторопный пятиклассник, и приоткрыл дверь Костиной рубки.

— Слушай, Лазарев, ты не оговорился насчёт шестых классов?

— Я, брат, третий год на этой должности сижу. Я не оговариваюсь. Что сказано — то и сказано. Иди отсюда!

— А не с седьмых классов, а? — не уходил Толька. — Ну посмотри там в своей бумажке...

— Ты уйдешь? — спросил Костя злым шёпотом и шагнул к Тольке.

Толька пробкой вылетел из рубки и побежал в класс.

В классе было шумно. На парте стояла Катя Саранская и, как всегда загибая пальцы, терпеливо объясняла:

— Так вот и сказали: разговор будет мужской. Это во-первых. Во-вторых, никакой воен-

ной тайны нет. Так секретарь комитета сказал. И третье: девочек не приглашают только потому, что вся школа в актовом зале просто не уместится. А уж полшколы-то как-нибудь влезет!..

По классу ходили догадки и домыслы. Кто-то сказал, что это идёт набор на какое-то подготовительное отделение знаменитого Качинского училища, чтоб люди к космосу с детства привыкали. Потом заговорили о том, что это все из-за их «Огонёшки», прошумевшей на всю школу: вот теперь и зовут одних мальчишек, чтобы, как у нас, в шестом «А», всех сделать начальниками. Думать так было приятно, но верилось в это не очень. К концу третьего урока появилась версия Талы Стрепетовой, которая уверяла, что это просто-напросто требуются новые голоса для городского хора мальчиков. Вова Марков сбегал в шестой «Б» и проконсультировался с ведущим солистом хора мальчиков Лёней Котиковым.

— Додумались! — усмехнулся ведущий солист и выразительно покрутил указательным пальцем возле виска. — Хор мальчиков! Туда с пяти лет принимают. А тут десятые классы. У них у всех басы, как у Кости Лазарева. Им в Краснознамённый ансамбль пора, а не в хор мальчиков...

— Ох, девчонки, прямо не доживу до этого мужского разговора! — говорила Тала перед последним уроком.

— Дожить-то ты доживёшь, только тебя в зал всё равно не пустят. Там одни мальчишки еле-еле поместятся.

Но когда прозвенел последний звонок и из всех классов пошли, помчались, полетели к залу мальчишки, стало ясно, что они не поместятся в актовом зале. Они заняли все ряды и

все проходы, они сидели и стояли на подоконниках. И ни учителя, ни директор школы почему-то не ругали их за это. В дверях зала тоже толпились мальчишки, и вся лестница была запружена ими. А они всё шли и шли, и было их так много, что казалось: это не мальчишки одной школы, это все мальчишки Земли, побросав дела и забавы, собирались в этом школьном зале для большого и важного мужского разговора.

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

20 января

Нет, всё равно это несправедливо! И хоть Терешкова была в космосе. И хоть у них нет мужского дня, а у нас есть 8 Марта. Всё равно с самого детства нет никакого равноправия!

И я не знаю, как бы я стала жить после всего этого; просто и жить бы не хотелось, если бы всё не начиналось с наших мальчишек. С нашего шестого «А»! Я так рада, что наши мальчишки первыми во всём городе встанут в почётный караул у Вечного огня! Конечно, это счастье выпало им не за какие-то особые заслуги, а просто им на этот раз повезло: первой стоит на посту наша школа, а мальчишек берут, начиная с шестого класса. А из шестых классов наш первый — мы же шестой «А». Теперь на площади у Вечного огня будут стоять почётный караул волгоградских мальчишек. Они будут стоять, как каменные! В мороз и в жару. И зимой, и летом. А в дожди им дадут плащи, накидки. Они будут стоять с автоматами, с настоящими автоматами, которые сохранились от войны. Эти автоматы бы-

ли в руках тех, кто защищал тогда наш город. Стоять надо полчаса. Не шелохнуться. И никто не смеет уйти с поста, даже если его жизни угрожает опасность. Когда какая-то девушка из горкома комсомола говорила все эти слова, в зале и во всей школе было так тихо, словно ни в зале, ни в школе не было ни одного человека. И все было слышно далеко-далеко — на всю школу. И хотя нам в зал пробраться не удалось, мы всё слышали и в коридоре. А потом говорили, что каждая школа дежурит по неделе. Школ в городе много. И получится так, что каждый волгоградский мальчишка постоит у Вечного огня один раз.

Но всё равно этот раз ему запомнится на всю жизнь! Потом Костя Лазарев читал стихи о наших мальчишках. Он очень хорошо читал, лучше Левитана, по-моему. Надо переписать у Кости эти стихи. Обязательно надо!

21 января

Вот они, эти стихи. Кто их написал, Костя не знает. Вообще, это некультурно — не знать автора. Но тут неважно, кто написал. Кто бы ни писал, он написал бы тоже об этом.

Горит на земле Волгограда
Вечный огонь солдатский —
вечная слава тем,
кем фашизм, покоривший Европу,
был остановлен здесь.
Здесь насмерть стояли люди —
наши советские люди,
товарищи и ровесники
твоего отца.
В суровые годы битвы
На нашей земле сталинградской
остались только руины,

остались камни и пепел.
Но остались еще стalingградцы,
люди — упорней камня,
люди — сильнее времени,
люди — ярче огня.
Они здесь стояли насмерть.
И были среди них солдаты —
мальчишки в серых шинелях,
со звездами на ушанках —
наши простые мальчишки,
немного старше, чем ты.
Запомни эти мгновенья!
И если ты встретишь в жизни
трудную минуту,
увидишь друга в беде
или врага на пути —
вспомни, что ты не просто мальчик,
ты волгоградский мальчишка,
капля его Бессмертья,
искра его Огня!

...И всё равно, кто ты — мальчишка или девчонка, — когда стоишь там, у Вечного огня, то думаешь именно об этом.

* * *

Бобочка Орловский хорошо знал свою маму: на неё не действовали ни уговоры, ни постановления, ни просьбы. Она соглашалась на что-нибудь опасное и запретное и уступала только тогда, когда всё опасное было уже осуществлено. Придя из школы после мужского разговора, Бобочка проявил смекалку и характер. Он не стал ждать, когда мама вернётся из поликлиники. Он надел два свитера, три пары шерстяных носков, застегнул пальто на все пуговицы и, посадив на диване возле балконной двери бабушку с будильником в руках, вышел на балкон и встал по стойке «смирно».

Он стоял и думал о том, что завтра он с настоящим боевым автоматом в руках будет стоять вот так же возле братской могилы защитников города. Он будет стоять прямо. И гордо. И не сойдёт с поста ни за что, даже если его жизни будет угрожать опасность! И он не озябнет. И не простудится. Ни за что не простудится. Пусть не думают, что сейчас он стоит ради тренировки. Нужна ему тренировка! Он такой, как все. Просто надо же маме доказать, что он нисколько не хуже других и что ночью у него от этого стояния не будет никакой температуры.

Стемнело. Бабушка за балконной дверью зажгла над диваном висячую голубую лампочку. Потом встала, подошла к балкону и посмотрела вниз, туда, где стояли на снегу Бобочкины ноги в ботинках. Бабушка покачала головой и, подняв руку, показала Бобочке четыре пальца. Бобочка догадался: «Надо было надеть четвёртую пару». Он улыбнулся и подмигнул бабушке. Потом бабушка села под лампой и взяла в руки журнал «За рубежом». Это было опасно, и Бобочка насторожился: когда бабушка читала этот журнал, она забывала обо всем на свете. У Бобочки сразу озябли уши.

«Так и замёрзнуть недолго. Зачитается теперь!» — подумал он. Но бабушка была серьёзным человеком. Почитав немного, она взглянула на будильник и показала внуку растопыренную пятерню.

«Пять минут!» — обрадовался Бобочка. Ушам стало тепло. Всё шло так, как было задумано. Но в это время вернулась с работы мама. Увидев стоявшего на морозе сына, она опытным взглядом врача сразу заметила синий Бобочкин нос и его пылающие уши. Как была, в пальто и в сапожках, мама рванулась

к балкону. Но бабушка, отбросив свою газету, стала на её пути и отрицательно покачала головой. Мама что-то кричала и размахивала руками. Бабушка руками не махала, но тоже кричала и с места не сходила. Пока они ругались, Бобочка тихо и честно достоял последние экспериментальные минуты. Зазвонил будильник. Бабушка распахнула балкон. Бобочка строевым шагом подошёл к маме:

— На месте стой, раз-два! — весело крикнул он.

— Горчичники! Немедленно горчичники! — выговорила мама ледяным голосом. — И чай с мёдом.

— Не смейши людей, Антонина! — сказала бабушка. — Мальчик ещё супу не ел, а ему чай с мёдом.

Мама, не слушая, гремела в аптечном шкафчике флаконами и коробками, разыскивала градусник.

— Мамочка! Вот увидишь, ничего не будет, — сказал Бобочка и добавил: — Ох, есть хочется — волка бы съел!

Он хорошо знал свою маму и помнил её правило: если ребенок хочет есть, он здоров.

— Иди мыть руки! — сказала мама и убрала в аптечку коробочку с аспирином.

На кухне бабушка разливала по тарелкам суп и довольным голосом пела песню о тачанке.

Саша чувствовал себя самым счастливым мальчиком на свете! Наконец-то повезло и ему. Всю жизнь его подводила его фамилия: она стояла первой в алфавитном списке класса, и, когда попадался трудный вопрос или урок, Сашина фамилия, как нарочно, первой бросалась в глаза учителю.

Но завтра он первый, в первой паре станет в почётный караул на комсомольско-пио-

нерском Посту № 1, у Вечного огня города героя.

Вернувшись из школы, Саша, как всегда, пришёл из детского сада Маринку, послушал радиопередачу для школьников, потом сел учить уроки. И вдруг почувствовал, что не может сосредоточиться. Он сидел за столом чуть ли не целый час, а учебник был раскрыт всё на той же странице. Саша встал из-за стола, походил по комнате. Потом понял, что он должен сказать кому-то всё, что он думает сейчас.

— Мама! Только ты не смейся. У меня внутри сейчас такое, какое со мной было только два раза: когда меня принимали в пионеры и когда мы в аэропорту Фиделя встречали,— говорил он маме, заканчивая рассказ обо всём, что было сегодня в школьном зале.

— Почему же я должна смеяться, по-твоему? — Мама стояла у стола и гладила Маринкино голубое в полоску платье.

— Ну, я знаю, ты не любишь, когда все высокие слова вслух говорятся.

— Я не люблю, сынок, когда эти высокие слова говорят часто и громко. А один раз и потихоньку — как же без этого проживёшь...

— Мама, знаешь, у нас сегодня выступал один участник Сталинградской битвы. Он сказал: «Запомните всё, о чём вы там, в карауле, будете думать». Мама, а о чём я буду думать? — спросил Саша.

Мама долго молчала. Потом выключила и поставила на подставку горячий утюг и ушла в другую комнату. Она вернулась не сразу. В руках она держала фотографию, которую Саша хорошо знал: это был портрет маминого брата, дяди Серёжи, погибшего под Смоленском в 42-м году.

— Никто тебе, сынок, не скажет, о чём ты

будешь завтра думать там. И никто тебя этому не научит. Только вот я тебя прошу: будешь там стоять — подумай и о нём...

Перед сном Саша ещё раз проверил свою одежду. Подёргал все пуговицы на пальто — крепко ли пришиты. Ещё раз поправил перекинутые через спинку стула отглаженные в стрелочку брюки. И вдруг вспомнил, что он забыл почистить ботинки.

Взяв сапожную щётку, гуталин и бархотку, Саша вышел на лестничную площадку. Папа всегда чистил ботинки на лестнице и приучил к этому Сашу.

Этажом ниже негромко хлопнула дверь, и кто-то, мягко ступая по лестнице домашними тапочками, стал подниматься к Саше. Шаги смолкли, серые тапочки остановились около Сашиных ног, и Саша поднял голову. Перед ним стоял Толька Суханов. Он смотрел на Сашу таким горьким взглядом, что Саша вспомнил всё сразу — на «мужском разговоре» было решено и проголосовано: те, у кого во второй четверти хотя бы одна тройка, не имеют права нести почётный караул.

Толька стоял перед Сашей тихий и молчаливый, в своих кудлатых войлочных тапочках и синем тренировочном костюме. Он не острил и не смеялся. Он просто молчал. И это было так необычно и невыносимо, что Саша тоже не нашёлся, что сказать, наклонился к щётке, и она так и залетала по сверкающим Сашиным башмакам.

И вдруг на Сашину руку и на этот сверкающий чёрным глянцем, только что вычищенный башмак упали две тяжёлые, горячие капли. Саша поднял глаза. Толька, молча и не закрывая лица руками, плакал.

Он был весёлым и выносливым человеком.

Он гордо не плакал, когда его дразнили женихом и девчатником и когда его лупили и колодили в драке. И когда он в лагере, упав с дерева, сломал руку. И даже тогда, когда его, из-за этих проклятых троек не взяли в аэропорт встречать Фиделя Кастро. Саша вспомнил всё это в один миг, и ему самому захотелось заплакать. Он обнял Тольку за плечи и сел с ним рядом на ступеньку.

— Ну хочешь, я с тобой буду заниматься, и мы эту твою тройку в три дня исправим?

Толька кивнул головой.

— И, может, ты ещё успеешь постоять у огня. Ведь целую неделю стоит наша школа,— говорил, успокаивая товарища, Саша.

Толька опять кивнул. И когда он кивал головой, слёзы опять капали и капали на руки Саше и Тольке.

— А завтра, перед началом, я дам тебе поддержать свой автомат, хочешь?

— А не врёшь? — Толька перестал плакать.

— Железно! Если разрешат. Мы попросим! — ответил Саша.

— А когда ты будешь стоять у огня,— зашептал Толька,— я тоже там, где-нибудь в кустах, встану и замру и все полчаса прямо не шелохнусь и не пикну. Ты мне веришь?

...Всю ночь шёл снег. Он шёл щедро и торжественно, словно хотел напомнить людям, что приближается солдатский месяц февраль — самый снежный, самый выюжный месяц года. Всю ночь гудели снегоуборочные машины и, завывая и дрожа, буксовали на поворотах до отказа гружённые снегом новенькие самосвалы. Но снегу вроде и не убавилось. Он шёл и шёл. И от его белого упорства утро пришло в город раньше, чем ему полагалось.

На площади Павших борцов выступили из

темноты заснеженные деревья. И за их чёрными стволами, за согнутыми под тяжестью снега ветками ещё ярче, чем всегда, пылал Вечный огонь города-героя. Он горел, как лесной костёр на снегу, был виден издалека и со всех сторон. И люди, идущие на работу через площадь, видели его живое голубоватое пламя. И его высокие золотые искры, которые сегодня утром угасали быстрее, чем всегда, потому что каждая из них, поднимаясь ввысь, тихо сталкивалась на лету с пушистой, белой, снежной звёздочкой...

В это утро люди, идущие на работу через площадь, увидели: возле Вечного огня, на покрытых снегом мраморных плитах стояли мальчишки. Два мальчика в одинаковых куртках с меховыми воротниками и в серых ушанках. И каждый мальчик держал в руках автомат.

Широкие ремни автоматов, врезаясь в легкую ткань стёганных курток, давили и опускали вниз плечи мальчишек. Видно было, что им нелегко стоять так — прямо и неподвижно — и держать озябшими руками эти тяжёлые боевые автоматы. Но мальчишки стояли. Стояли красиво и гордо, не замечая снега и холода, прижимая к груди тяжёлые солдатские автоматы, отчаянно вытягивая в струнку тонкие заносчивые мальчишечьи шеи.

И люди города, идущие на работу через площадь, увидев этих мальчишек, молча останавливались у заснеженной братской могилы. И минуту смотрели на двух маленьких озябших часовых, которые строго и торжественно стояли на чистом, ещё нетронutom снегу, чуть подтаявшем там, где горело пламя Вечного огня.

Доктор Орловская торопилась окончить приём. Выписывая рецепты последнему пациенту,

она поглядывала на часы и на дверь кабинета: как бы не вошёл ещё один больной! Но медсестра Оля, выглянувшая в коридор, успокаивающе покачала головой: больных больше не было.

— Слава богу, все здоровы! — улыбнулась Оля. — Идите, Антонина Ивановна, не беспокойтесь. Всего пять минут осталось нашего времени, а там вторая смена придёт. Идите! Я тут побуду. Если приспичит кому-нибудь заболеть — я всё сделаю: и успокою, и врача найду. Идите!

— Оленька, милая, я правда пойду, — чуть виноватым голосом сказала Антонина Ивановна и опять посмотрела на часы. — Вот он уже стоит. Уже пять минут стоит. Господи, ещё двадцать пять минут ему стоять! На морозе! На снегу. В ботиночках. — Она сняла халат и белую шапочку, уложила их в большую клетчатую сумку и, поправляя волосы перед зеркалом, продолжала: — Я хотела заставить его надеть валенки. Куда там! Он так кричал на меня! Кричал, что я обыватель и не советский человек и что ему за меня стыдно. Откуда что взялось, понимаете, Оленька? Я же его всю жизнь бесхарактерным считала. Так, думала, растёт — размазня какая-то. А он!.. Ну, я пошла, Оленька, до завтра.

— Счастливо! — ответила Оля.

Антонина Ивановна вышла на улицу. Вокруг было морозно и бело, как всегда бывает после снегопада.

«А мороз-то ничего, градусов двенадцать, — подумала Антонина Ивановна. — Постой-ка на таком морозе полчаса! В ботиночках. Нет, они мне ответят! — думала она, торопливо идя к площади. — Они мне ответят и за Бобку, и за других мальчишек. За каждый насморк! За

каждое отмороженное ухо! Они мне ответят...»

Кто «они» и как они ей «ответят», об этом Бобочкина мама и не думала, она думала только о том, что вот сейчас её сын, её дорогой Бобочка, которого она до сих пор заставляет пить рыбий жир и всегда раньше всех в классе надевать зимнее пальто и позже всех — весеннее, Бобочка, которому всего-навсего тринадцать лет, стоит на снегу, и мёрзнет, и трёт, наверно, замёрзшие уши...

— Если только эти уши не отвалились! — горько усмехнулась Антонина Ивановна — и увидела Бобочку.

Она увидела его издалека, едва ступив на широкую городскую площадь. И хотя там, далеко, у Вечного огня, стоял ещё один мальчик в такой же серой стёганой курточке, в такой же мохнатой шапке и с таким же автоматом в руках, она увидела только Бобочку. И пошла к нему ещё быстрее. В тишине под её высокими тонкими каблучками скрипел молодой снег. Она прошла по аллее мимо занесенных снегом стройных ёлочек и по расчищенным уже ступеням поднялась туда, где лежали запорошенные венки, где пылало голубое пламя и где стоял её Бобочка. И чем ближе она подходила к нему, тем спокойнее и медленнее становились ее шаги и тем яснее, вытесняя маленькое беспокойство, росла в её груди великая материнская тревога и боль, зажженная огнем солдатской могилы, возле которой стоял её мальчик.

Она остановилась и вдруг рванулась к нему: она увидела, как тяжело и больно врезался в его плечо ремень автомата. И подняла руки, чтобы поправить этот ремень и чтобы помочь этому узкому родному плечу вынести первую солдатскую тяжесть. Но, подняв руки, она увидела строгие глаза сына и поняла, что по-

править ничего нельзя и помогать не нужно. Она повернулась и, скрипя каблучками, сошла вниз по ступеням. Но не ушла, а только отошла в сторону и остановилась возле заснеженных кустов сирени, рядом с высокой пожилой женщиной в серой шубе, которая тоже смотрела на мальчишек, застывших у Вечного огня.

Не глядя на эту женщину, Антонина Ивановна достала из сумки платок и, как бы извиняясь за свою слабость и гордясь Бобочкой, сказала:

— Вы понимаете, там мой сын!

— Я понимаю,— тихо сказала женщина.— И у меня там сын. И второй тоже, где-то под Одессой.

...О чём ты думаешь, мальчик, когда ты стоишь в почётном карауле у Вечного Огня твоего солдатского города? О том, что в тёплой пионерской комнате твои друзья надевают сейчас такие же, как у тебя, серые куртки и серые ушанки и выходят на мороз, чтобы сменить тебя на посту? О том, что твои озябшие руки держат оружие солдата, погибшего на этой земле за твое счастье? О том, чтобы никогда не появлялись больше на свете братские могилы и чтобы никогда-никогда не плакали матери солдат и матери мальчишек?

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

30 января

Вот и стоят наши мальчишки у Вечного огня. В почётном карауле. Мы все бегали смотреть, как они стоят. А неделя, как назло, выдалась такая снежная. Но мальчишки говорят, что у них зябнут только уши... Они стоят там та-

кие хорошие! Прямо так и хочется сделать что-нибудь, чтобы им полетче стоялось.

А Вечный огонь с тех пор, как они там стоят, стал ещё дороже.

* * *

Числа с десятого февраля девочки начали потихоньку поговаривать о том, что же подарить мальчишкам в День Советской Армии. Дарить всегда приятно. И каждый год в феврале все девочки школы, шушукаясь, а то и громко споря, радостно выдумывали подарки своим одноклассникам. Но в шестом «А» классе об этом заговорили в первый раз.

— Хватит их презирать и не обращать внимания!

— Правда, мальчишки как мальчишки, не хуже других.

— А что подарим?

Начались споры. Покричав дня два, пришли к выводу, что подарки должны быть весёлыми, приятными и памятными. Вспомнили, конечно, как года три назад девочки шестого «Б» подарили своим мальчишкам погремушки: кому рыбку со звонкими камушками внутри, кому цветного попугая, кому просто гремучий пластмассовый шарик на кольце. Получив эти подарки, мальчишки гремели и звякали все уроки, и День Советской Армии кончился тем, что в дневниках у мальчишек появились замечания по поведению. Нет, погремушки отпадали. Что купить? Девочки уже три дня не тратили деньги, которые дома давали им на завтраки. Только Тала Стрепетова, не простившая мальчишкам обидное новогоднее письмо, сказала, что она не собирается экономить на собственном желудке, и отказалась принимать участие в подарках.

Что купить? Шоколадки? Были в магазинах хорошенькие маленькие шоколадки в красных глянцевых обёртках. И название было подходящее — «Гвардейский». Но эти гвардейские шоколадки стоили по 67 копеек каждая, а у девочек после пяти дней экономии набралось только по 54 копейки на каждого будущего гвардейца. Стоя перед сверкающей конфетной витриной, девочки ещё раз пересчитали свои накопления и решили, что шоколад — дело не солдатское и что это кто-то не очень остроумно придумал там, на конфетной фабрике, — называть шоколад таким словом.

Потом прибежала в школу счастливая, розовая от мороза и своей выдумки Наташа Парфёнова: у соседки сегодня ночью ошенилась собака; всех семерых щенят соседка решила утопить. Наташа уговорила соседку подождать недельку и не трогать щеночков.

— А через неделю как раз двадцать третье февраля! И мы всем мальчишкам по щеночку подарим, пусть их для армии воспитывают. Может, пограничниками станут...

— А где мы ещё десять щенков возьмём? — сказали девочки. — Дарить — так уж всем. А то кому густо, кому пусто...

— А куда же этих щенков девать? Утопят ведь их...

Щенков разобрали по домам. И споры о том, что дарить, продолжались.

И когда до двадцать третьего оставалось два дня, вспомнили, как с первого класса говорили им их первая учительница: самый дорогой подарок тот, который сделан своими руками.

— Девочки! Мы испечём пирог. Большой, чтоб всем хватило. Своими руками! Никто не догадался, ни бешки, никто... Это будет солдатский пирог...

На этом и успокоились, тем более что больше выдумывать просто не было времени. После уроков девочки последний раз поспорили о том, каким должен быть этот мальчишечий пирог, и, решив наконец, что он будет сдобным, сладким и, самое главное, большим, побежали покупать муку, масло, сахар и курагу.

В классе осталась одна Тала. Она уже жале-ла, что из-за своей глупой гордости осталась в стороне от этого весёлого, дружного дела. И уже подумывала о том, как бы ей присоеди-ниться к подружкам. Но ничего придумать не могла и сердилась и на себя, и на мальчишек, потому что из-за них она сидела теперь одна в пустом классе, а не бегала по базару, торгуясь с продавцами кураги.

— Стрепетова? Ты одна? А где осталь-ные? — В класс вошла старшая пионервожа-тая и с ней какой-то молодой человек в поло-сатом свитере.

— Все ушли подарок мальчишкам поку-пать, — ответила Тала.

— Вот не повезло! — Вожатая обернулась к полосатому свитеру: — У них одна девочка, Инна Вострикова, стихи пишет и чудесно рас-сказывает. Она бы вам всё так обрисовала... Может, завтра зайдёте?

— Нет, мне сегодня надо сдать материал, га-зета послезавтра выходит.

— Ну, тогда идёте в другой класс. Но все самые интересные дела делаются в этом шес-том «А», — сказала вожатая и пошла к двери.

Тала слышала слово «газета» и поняла, что этот человек в полосатом свитере пришёл из редакции и что ему до зарезу нужен материал об интересных делах.

— Так вам и надо, — думала Тала. — Пи-шите свои стихи, пекуте свои пироги, лезьте

вон из кожи! А напишут всё равно не про вас. Так вам и надо...

Она подошла к двери и выглянула из класса. По коридору, о чём-то разговаривая с вожатой, уходил полосатый свитер, уходила возможность прославить свой класс, своих девчонок и мальчишек. Тале вдруг стало стыдно за свои подлые мысли об одноклассниках. Уж кто-кто, а она-то хорошо знала, что у них, в шестом «А», никто не лез из кожи, а все просто хотели дружно и весело делать всякие дела. И вот теперь об этих делах этот полосатый свитер мог написать и напечатать в настоящей газете, а она ему ничего не сказала!

— Подождите! Пойдите! — Тала, подбежав, схватила корреспондента за полосатый рукав.

— Я всё знаю! Я всё расскажу не хуже Инны. Пойдемте, я вам устрою такую пресс-конференцию...

— Отлично! — сказал корреспондент. — Только, видимо, это будет не пресс-конференция, а интервью.

— Пусть хоть интервью, — согласилась Тала. — С чего начинать: с желудей, с солдатского пирога или с «Огонёшки»?

— Это невероятно интересно! — сказал полосатый свитер и достал из кожаной папки чистый блокнот. — Поскольку газета выйдет в День Советской Армии, начнём с солдатского пирога!

На какое-то мгновение у Талы мелькнула мысль о том, что, может, не очень хорошо говорить о пироге, которого ещё нет. Но она знала, что он будет: упрямые девчонки лопнут, да испекут. Сразу подумалось и другое:

«Повезло тебе, солдатский пирог! Ещё тебя и в помине нет, ещё только Инна с Наташкой дрожжи покупают, а уже про тебя пишут на-

стоящую статью в настоящую газету. Вот мальчишки обрадуются!»

Тала откашлялась, поправила галстук на груди и начала рассказывать.

...Тесто поставили с вечера. Всю ночь Инна просыпалась и бегала на кухню смотреть, как оно поднималось в большой эмалированной кастрюле. Оно поднималось отлично и дышало, как живое, и на всю квартиру пахло сдобой и ванилином.

Утром в кухне было тесно: все девочки шестого «А» явились к Инне ни свет ни заря. Накануне, зная, что кухня в квартире у Инны маленькая, девочки решили, что с пирогом управятся и четверо из них — те, кто по жребию окажется счастливым. Но и жребий не помог. И невозможно было хоть кого-то выставить в коридор: все болели за пирог, толкались, ахали и давали советы.

Решено было написать на пироге какие-нибудь хорошие слова. Иннина мама научила: надо вырезать из теста узкие длинные полоски, обмакнуть каждую полоску в сбитое яйцо, а потом из этой полоски хоть стихи пиши, хоть веревки вей!

Долго и шумно выбирали, что написать.

— На память!

— Неинтересно!

— На дружбу! Нет, это то же самое.

— Напишем: «Мир — дружба!» — сказала Света. — Как раз подходит...

— Это пирог, а не газета. Надо что-нибудь такое написать...

— Какое такое?

— Ну, от души, понимаешь, и со значением...

— Девочки! Я придумала! Мы напишем вот

это, только надо помельче писать, а то не уместится. Мы напишем: «Вы солдаты — мы ваши солдатки».

— Ты бы ещё всю песню написала!

— Умора! Какие мы солдатки? И какие они солдаты? Они пока просто мальчишки...

— Вот и напишем: «Мальчишкам» или нет: «Мальчишкам от девчонок».

— И так ясно, что от девчонок! Нечего и хвастаться. Надо быть поскромней...

— Да, скромность украшает человека...

— Человека! А пирог скромностью не украсишь...

— Ой, девочки, легче сочинение написать, чем это! А время-то, время-то, смотрите, — скоро в школу! Ой, останутся без пирога наши мальчишки...

— Всё! — крикнула Катя. — Мне идея пришла в голову: мы так и напишем на этом пироге — «Нашим мальчишкам».

Толкаясь и мешая друг другу, рассыпая по столу муку и по очереди звеня ложкой в стакане со взбитым яйцом, девочки выложили на пироге два заветных слова и сунули противень в духовку. Потом они сели по углам на табуретки и на подоконник. В наступившей тишине Наташа сказала:

— Плюньте три раза, чтоб не сгорел, не задох и чтоб на всю жизнь запомнился!

— Да ну тебя с твоими приметами! Не бойся, не сгорит. Пёкса бы вот только поскорее... Прямо не терпится.

— А всё-таки скажи: тьфу, тьфу, тьфу! Что тебе, жалко, что ли?

— Отстань, Наташка!.. Тьфу, тьфу, тьфу!

Саша и Толька вместе спускались по лестнице. В подъезде им повстречалась письмоно-

сец тетя Зоя. Она работала на этом участке давно, ребят, выросших на её глазах, знала по именам и знала даже, кто что любит читать и кто какую газету ждёт.

— С вашим праздничком, мальчики! Вот тебе, Толенька, «Советский экран». А Саше подождать придётся, «Вокруг света» ещё нет.

Она поставила на пол тяжёлую раздувшуюся сумку и стала раскладывать по ящикам письма и газеты.

— Тётя Зоя, дайте мне какую-нибудь газету, не кладите в наш ящик,— попросил Толька.— Я «Экран» в нее заверну, а то там Баталов на обложке. Ещё испачкаю...

Он взял у нее одну из газет, а остальные тетя Зоя сунула в ящик с номерком Толькиной квартиры. Толька развернул шуршащий, пахнущий свежей краской газетный лист, в глаза бросился заголовок: «Так держать, «Огонешка»!».

— Саш, смотри, «Огонёшка». Смотри, это же про нас, честное слово, про нас пишут. Вот здорово!

— А ну, дай сюда.— Саша взял газету из Толькиных рук и прочитал: — «Интервью с шестиклассницей школы номер семь». Правда, про нас. Тётя Зоя, про нас! А ну, давай прочитаем.

Мальчики остановились, и Саша, торопясь и волнуясь, начал читать: «Эта скромная девочка так и не захотела сказать нам своё имя. С чувством собственного достоинства она сказала, что она не отличница, не общественница, а простой человек, и что таких, как она, у них в шестом «А» много...».

— Что-то не замечал я в нашем классе скромных девочек,— перебил Толька.— Может, Наташка Парфёнова? Так нет, она же отличница.

— «Вот что она нам рассказала. С давних

пор в этом классе были неактивные мальчишки. У Инны Востриковой, поэтессы шестого «А», есть даже стихи:

И летят корабли реактивные,
И рукой не достать и не догнать.
Только наши мальчишки — неактивные.
Неужели им не хочется летать?»

— Это мы неактивные? — Только даже рот раскрыл. — Это нам не хочется летать?

— «Нет,— продолжал Саша.— Нет, всем мальчишкам всегда хочется летать! Надо только суметь найти заветный ключик к их мальчишескому сердцу! И девочки шестого класса «А» нашли этот ключик и перевоспитали своих неактивных одноклассников...»

— Они нас перевоспитали! — крикнул Толька. — Тоже мне нашлись, перевоспитательницы какие!..

А Саша читал дальше:

«Теперь мальчишки активно участвуют в соревновании, которое три года назад придумали девочки. Они собирали жёлуди для колхозных свиней, выступали на диспуте «О чём мы мечтаем» и вместе с девочками на новогоднем вечере пели собственную песню «Огонёшка». Поход за желудями, и диспут, и «Огонёшка» — всё это чудесные выдумки замечательных и скромных девчонок шестого класса «А»...»

— Вот это по-нашему! — сказала тётя Зоя и подняла на плечо свою тугую сумку. — Молодцы, девчата! Вашего брата надо и в руках держать, и носом тыкать. Чтоб не баловались! Ну, будьте здоровы, я пойду!

— Слышал? — крикнул Толька, дрожа от обиды. — Они нас в руках держат...

— Попадись мне эта скромная девочка, которая так и не назвала своё имя! — сказал Са-

ша, сжимая кулаки.— Ладно, Суханчик, пошли в школу, там разберёмся...

ИЗ ДНЕВНИКА ИННЫ ВОСТРИКОВОЙ

23 февраля

Ах, Талка-Талка, что же ты наделала! Сама теперь плачешь и локти кусаешь, а что толку? Лезет везде со своим длинным языком. А как всё было хорошо, как всё было прекрасно! Мы несли наш пирог по очереди, потому что он был очень горячий и руки жгло, хотя я и завернула его в своё детское байковое одеяло и ещё в четыре газеты. И в классе все так волновались! А мальчишки были довольны и сказали, что резать надо так, чтобы и нам тоже по кусочку досталось.

— От нас на память! — сказал Мишка Букин. И я взяла ножик, чтоб резать, а у меня прямо руки дрожат от волнения. Тут вошла Александра Викторовна, посмотрела на наш пирог и тоже стала нас хвалить, особенно за слова «Нашим мальчишкам». Ну, ей и пришлось резать пирог. А мы клали каждый кусок на белую бумажную салфеточку и разносили по партам. И только все сели и хотели откусить и попробовать, как в класс ворвались Антошин и Суханчик, и всё пошло кувырком.

Мы им закричали: «Поздравляем!» — и пирога обоим подсунули, Антошин даже не взглянул на пирог. Достал газету и прочитал всё слово в слово, что там было написано про то, как мы мальчишек перевоспитали. Он читал, а все сидели каждый над своим куском. И, конечно, никому этот кусок не пошёл в горло. Я смотрю, а Букин даже зубы сжал, а у Бобочки кулаки наготове. Было так тихо, что страшно стало.

А тут ещё Толька каким-то не своим голосом говорит:

— Сор из избы выносите? На всю область нас позорите! Да ещё и скромностью прикрываетесь! И у вас хватает совести угощать нас каким-то пирогом? А мы ни за какие пироги не продаёмся! — Да как схватил он свой кусок, да как сдавил его кулаком! Так курага во все стороны и полезла. И все мальчишки стали тискать свои куски и потащили их куда-то выбрасывать.

Они их всё-таки не выбросили. Толька первый потом сознался, что от пирога, даже измятого, так вкусно пахло, что они все куски завернули в салфетки и спрятали в тумбочке, где тётя Дуся половые тряпки держит. А на большой перемене съели.

Но всё, конечно, было испорчено. И мы все плакали. И Талка больше всех. Она сразу созналась. И дала честное слово, что она не говорила этому полосатому корреспонденту слова «перевоспитали». Как ему не стыдно всё-таки! От себя выдумывать!

Александра Викторовна, когда мы плакали, сказала, что мы всё сделали хорошо и плакать нам нечего. Она говорит, что всю эту историю с газетой и с Талкиным интервью мальчишки забудут через две недели. А этот свой солдатский пирог запомнят на всю жизнь. И сто раз его ещё вспомнят. Особенно, когда станут солдатами. Не знаю, может, и так.

А Талку теперь, пока они ещё ничего не забыли, придётся домой всем вместе провожать.

* * *

— Знаете что, девочки,— сказала Тала через три дня после истории с пирогом и с газетой,— я больше так не могу. Ведь всё из-за

меня!.. Я знаю, что надо делать. Я пойду в редакцию, найду этого полосатого, и пусть он дает опровержение! Заварил кашу, так пусть расхлёбывает...

— Будут тебя в редакции слушать! — сказала Света. — Что им там, делать нечего?

— Я им так всё скажу, что они все послушают! Я скажу: что же это вы делаете? Всю дружбу разбили, весь класс перессорили. Печатайте опровержение, а то...

— Ну, что — а то?

— А там видно будет! — крикнула Тала и стала собирать книги в папку. — Кто со мной?

Девочки не успели ответить, потому что из-за парты поднялся Саша Антошин.

— Нельзя её одну в редакцию пускать! Она опять там наговорит четвергов с неделю. Пошли все вместе! Они, как увидят нас всех, сразу опровержение напечатают!

— Пошли, ребята!

— Пошли!

Они дружно вышли из школы и всю дорогу весело и уверенно говорили о том, что они скажут сейчас полосатому газетчику и как потребуют, да-да, потребуют, чтобы правда восторжествовала. И пусть все узнают, что у них никто никого не перевоспитывал. А просто всем давно хотелось жить дружно и интересно.

— Алло, ребята! — кричал Толька, забегая вперёд. — Знаете, какая мы сила? Они там все умрут, как нас увидят!

Они шли и дружно решали, о чем расскажут сейчас в редакции. И смеялись, вспоминая, как ели мальчишки истерзаный пирог. И как вот уже три дня девочки провожают Талу домой, хотя никто и не собирался её бить.

Проходя мимо Вечного огня, где стояли теперь мальчишки другой школы, они, не сгова-

риваясь, замолчали. Но, выйдя на площадь, опять заговорили и засмеялись. И кто-то, схватив комок снега, швырнул им в соседа, и сейчас же справа и слева замелькали дружные, необходимые снежки. А в сторонке, охраняя сваленные на снегу портфели и папки, тихо стояла Наташа Парфёнова.

Они смеялись, и играли, и, наверно, совсем забыли, что шли по срочному делу, забыли, что они хотели дать какое-то опровержение.

Да и что было опровергать, если они все вместе весело смеялись и играли в снежки на самой главной, самой дорогой площади своего города!

г. Волгоград.

СОДЕРЖАНИЕ

Солдатская звезда	5
Растет в Волгограде березка	6
Стихи о моем солдате	8
Ах вы, ребята-ребята	10
Солдату Сталинграда	11
На Аллее Героев	13
«На кургане, гремевшем боями...»	15
Девичник	16
Второе февраля	18
Девушкам Береславки	19
Награда	21
«Тревогой, болью и любовью...»	23
Вечер	24
Хлеб	26
Кукушка	30
«С давних пор, застенчивых и милых...»	31
Старая песня	32
«Гудками теплоходов...»	34
Арбуз	35
Рябина	37
«На огромной клумбе у вокзала...»	38
Подари мне платок	39
«Я знаю мнения иные...»	40
Рассказы о стихах	41
Растет в Волгограде березка	42
Подари мне платок	48
Луконинские валенки	54
Награда	61
Хлеб	70
Огонешка	75

Маргарита Константиновна Агашина

ДЕТЯМ ВОЛГОГРАДА

Для среднего и старшего школьного возраста

Редактор **Л. Т. Клосс**

Художник **М. Г. Бухаров**

Худож. редактор **В. И. Волкин**

Техн. редактор **А. Г. Илларионова**

Корректор **О. И. Молоканова**

ИБ № 345

Сдано в набор 21.09.79. Подписано к печати 11.04.80. НМ 03229. Формат 70×90¹/₃₂. Бумага офсетная № 2. Гарнитура академическая. Печать офсетная. Печ. физ. л. 6,5. Печ. усл. л. 7,60. Уч.-изд. л. 7,87. Тираж 50 000. Заказ № 244. Цена 25 коп.

Нижне-Волжское книжное издательство
400004, Волгоград, Невская, 6
Типография издательства «Волгоградская правда»
400066, Волгоград, Привокзальная площадь.